

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№127/11 (4998)
Ноябрь 2020

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

Не для продажи

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 38 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 65 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 80 EUR **£25**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Сделать банковский перевод в GBP

International Publishing Group Ltd.
HSBC Bank Plc. Mayfair Branch. 18A Curzon Street. London,
W1J 7LA. Account No : 61391968. Sort code: 40-05-22. IBAN:
GB59HBUK40052261391968. BIC: HBUKGB4107K

2. Сделать банковский перевод в EUR

International Publishing Group Ltd. Payee address: Mayfair 18A
Curzon Street London W1J 7LA, Sort Code: 401276
Account number: 57123898, Bank Identifier Code: HBUKGB4B
Bank account: GB11HBUK 40127657123898, Bank: HSBC Bank
SWIFTCode: HBUKGB4B, Branch: Mayfair

3. Оплатить подписку

на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/

ВАЖНО:

После осуществления
оплаты Вам нужно отправить
подтверждение оплаты
и Ваш домашний адрес
на электронную почту
subscription@russianmind.com
с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Как исторический феномен русская эмиграция началась сто лет тому назад, когда генерал Врангель принял уникальное решение: он провозгласил, что потерпевшая поражение от большевиков Белая армия покинет пределы России вместе со значительной частью примкнувших к ней граждан уже несуществующей Российской империи.

Зрелище эвакуации было воистину библейских масштабов: сотни судов с загроможденными палубами, раненые солдаты, дамы с детьми, взволнованные священники, стоны, плач. Поражение в войне редко выглядит лицепрятно, но здесь к обычным, скажем так, критериям прилагалось новое тогда идеологическое остервенение.

Энергичный барон Врангель олицетворял уже ту Россию, о которой впредь будут говорить только в прошедшем времени. Будто

ее вдруг не стало. Белые эмигранты долгое время будут ошибочно считать, что так оно и есть. Это придавало, видимо, их вполне объяснимому политическому и военному поражению ауру чего-то «потустороннего», мистического, «нечеловеческого». Будто воевали они против непобедимой «сатанинской силы», а не против таких же, как они, русских солдат и офицеров. В Красной армии сражалось намного больше бывших «царских» офицеров, чем в Белой.

«Русская эмиграция» как экосистема состояла из двух или трех миллионов обычных людей. А вспоминаем мы, думая о ней, в основном нескольких писателей, художников, композиторов, богословов, которые жили и творили вдали от Родины. Многие из них были, кстати, дореволюционными «модернистами» и оставались таковыми: ни «царя-батюшку» не чтли, ни церковь не любили, а вот Февральскую революцию встречали как освобождение от автократии. Февралистов в эмиграции было много. А вот монархистов – мало. Часто, когда их спрашивали: «За что же вы воевали? Неужели за Временное правительство?» – они задумчиво уходили от ответа, говоря: «За Россию!» Давайте не терять их души.

Виктор Лупан

Издательский дом «Русская мысль» выражает благодарность Фонду поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, за оказание поддержки и финансового содействия в выпуске специального номера журнала «Русская мысль», посвященного 100-летию Русского исхода.

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№127/11(4998),
НОЯБРЬ 2020

ГЛАВА РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Виктор Лупан

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий Адамишин

Ренэ Герра

Александр Трубецкой

Дмитрий Шаховской

Петр Шереметев

Сергей Ястржембский

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР:

Дэвид Драйер

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР:

Марго Субботина

ms@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

Карина Энфенджян

karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ:

Вячеслав Катамидзе

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР:

Василий Григорьев

crp@russianmind.com

ДИЗАЙН:

Юрий Ноп

design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИК:

Лиляя Сергеева

ПО ВОПРОСАМ

РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ

sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА

subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

47 avenue Hoche, 75006, Paris, France

ОБЛОЖКА:

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА
БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
МАТЕРИАЛЫ:

domrz.ru, crsc.fr, pravoslavie.ru, monarhist.info, story.ru,
udcrg.org, theartstory.org, newsment.ru, moskvam.ru,
whistrf.ru, paris1814.com, polka.academy,
coco-chanel.ru, style-epoch.ru, goldlit.ru,
gazetacrimea.ru, wikipedia.org, wikimedia.org,
wikireading.ru, kg-rostov.ru, proza.ru, litres.ru,
azbyka.ru, yandex.net, i.pinimg.com, tg-m.ru, domrz.ru,
amazon.com artsdot.com, art.goldsch.info,
cdn.l.ozone.ru, s0.rbk.ru, b1.culture.ru, vokrug.tv,
kino-teatr.ru, topwar.ru, tate.org.uk, pinterest.com,
doblest.club

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях.

Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmo@russianmind.com

ТИРАЖ: 27 000 ЭКЗ.

ГЛАВНОЕ

6 ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Революция 1917 года началась в России не «просто так»: ее долго готовили, о ней мечтали, не понимая сути того, о чем грезят.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

8 ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ

Иван Бунин: «Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас».

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

10 «ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА – ВСЕГДА НАДЕЖНАЯ ОПОРА»

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако Алексеем Юрьевичем Мешковым.

ИНТЕРВЬЮ

14 Н. Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ: «В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ ВСЕ БЫЛИ ЗА ЕДИНУЮ РОССИЮ»

В интервью «Русской мысли» князь Лобанов-Ростовский рассказывает историю своей семьи и призывает к единству разделенного историческими процессами народа.

18 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УМАХ

Интервью с Виктором Александровичем Москвиным, директором Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.

ИСТОРИЯ

22 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

К 1922 году из 175 миллионов жителей дореволюционной России в стране осталось всего 109 миллионов.

26 А. И. ДЕНИКИН: «НАС РАССУДИТ БОГ И ИСТОРИЯ»

Деникин оставил заметный след в истории России не только как боевой генерал, но и как писатель и мемуарист, обеспечивший историков важными документальными свидетельствами о событиях трех войн – Русско-японской, Первой мировой, Гражданской – и революции 1917 года.

30 БАРОН ВРАНГЕЛЬ

Главнейшим событием в жизни Врангеля была Крымская эвакуация осени 1920 года, годовщину которой мы отмечаем сегодня.

34 ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ИСХОД: ЭВАКУАЦИЯ ИЗ КРЫМА

Фрагменты машинописи и личных документов капитана 2 ранга, начальника оперативной части Русской эскадры Анатолия Федоровича Ульянина (1890–1975)

КУЛЬТУРА

36 ВЕЛИКАЯ МИССИЯ РУССКИХ ИЗГНАННИКОВ

Культурологическое наследие русской эмиграции имеет историческое значение, и без признания этого факта нельзя представить русскую культуру XX века во всей ее полноте.

42 ПЕРВАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Уникальный культурный опыт послереволюционной эмиграции и ее монументальное и разноликое духовное наследие остается явлением беспрецедентным и непрезойденным.

48 «МАСКА И ДУША» ФЕДОРА ШАЛЯПИНА

Фрагмент из автобиографической книги величайшего оперного певца XX века.

50 ОТЗВУК ВЕЧНОСТИ

Сергей Рахманинов: «Лишившись Родины, я потерял самого себя».

52 ЖИВОПИСЕЦ РАЯ

Марк Шагал всю жизнь писал рай, хотя век, в котором он жил, был отнюдь не райским.

ЛИТЕРАТУРА

56 «БОГОВ ПОКИНУТЫХ ЖРЕЦЫ...»

Октябрьский переворот Мережковский истолковал как торжество «надмирного зла».

58 БОРЬБА НА СОГЛАШЕНИЕ: ФЕНОМЕН ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Газданов являет собой тот редкий тип автора-собеседника, о котором говорил Мандельштам как о писателе будущего.

60 БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

«На русском Монпарнасе он был страдающим нищим Орфеем, чьи песни завораживали многих».

62 ВОЙНА И МИР НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

Эмигрантской апатии он противопоставил деятельный патриотизм.

64 «НА ЧУЖБИНЕ»

Фрагмент из книги воспоминаний французского и советского писателя, искусствоведа, журналиста и публициста Льва Любимова (1902–1976), который после Второй мировой войны вернулся из эмиграции в СССР.

СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

66 «КИТМИР» МАРИИ РОМАНОВОЙ

Освоив навыки машинной вышивки на курсах вышивальщиц-мотористок, великая княгиня основала в Париже собственный Дом моды.

68 СКИТАНИЯ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ РОМАНОВОЙ

Революция 1917 года в одночасье разрушила мир великой княжны Ольги Александровны Романовой.

72 АНГЕЛ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ

Анастасия Манштейн-Ширинская: «Я ждала русского гражданства».

ОБЩЕСТВО

76 РУССКИЙ ДОМ В СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

По сей день Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа является главным местом встреч русской эмиграции.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

78 100-ЛЕТИЕ РУССКОГО ИСХОДА И ПАМЯТЬ НОВОМУЧЕНИКОВ

Мученичество, страсотерпчество и страдание жертв русского лихолетья первой половины XX века стало свидетельством неупраздненной богоценности человеческого существа.

АРХИВНЫЙ ПОДВАЛ

82 МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – СЛАВА РУССКОГО БАЛЕТА

Статья Сергея Лифаря.

84 КНИГИ

88 В МИРЕ КИНО

90 СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЧИТАЙТЕ
В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ
СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Революция 1917 года началась в России не «просто так»: ее долго готовили, о ней мечтали, не понимая сути того, о чем грезят

ВИКТОР ЛУПАН,
глава редакционного совета

Исход, столетие которого мы отмечаем, казался в 1920 году логичным итогом проигранной схватки с идеологическим противником. Но Исход этот оказался судьбоносным. Сотни перегруженных людьми кораблей покидали Крым, не осознавая, фактически, того, что с ними происходит. А ведь они расплачивались не только за проигранные баталии, они расплачивались за то, что не сумели уберечь и сохранить то, что, казалось бы, так любили.

Миллионы белых эмигрантов десятилетиями считали, что «России больше нет». Но сидели на чемоданах, надеясь вернуться. Куда? Ведь России больше нет! Не в сказочный же лубок!

Россия, разумеется, не умерла и даже не просто «выжила». Ненавидящие Российскую империю большевики воссоздадут ее совсем скоро после развала. Географически к 1940 году СССР – Российская империя без Финляндии и Польши, а к 1945 прибавились Курильские острова – реванш за проигранную японцам войну 1904 года.

Для русской эмиграции 1920–1930 годы были периодом нарастающей растерянности. Одни за другими союзники по Антанте признавали Советскую Россию. Причем советские посольства открывались в исторических императорских зданиях. А это ясно говорило о том, что для Запада СССР – «исторический преемник исторической России».

Мощные просоветские коммунистические партии в европейских

странах овладевали умами интеллигенции и молодежи. Правда о советских репрессиях тщательно скрывалась. Никто не хотел ничего знать, а потому русские эмигранты варились в основном «в собственном соку». Но и на этом, уже закрытом, казалось бы, попроще единства тоже не было.

Нельзя сказать, что советские спецслужбы «работали с эмиграцией». Они скорее наблюдали за ней. Да, были случаи, когда людей

выкрадывали в буквальном смысле слова. Убивали! Например, генерала Кутепова. Да, отдельных людей вербовали. Например, Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой, вынужденного сбежать в СССР во избежание ареста французской полицией. Но занимающиеся глобальной политикой советские власти поняли довольно рано, что как политический феномен русская эмиграция не угрожает советскому

строю и даже не мешает советской внешней политике.

Завороженная коммунистическим экспериментом западная интеллигенция понятия не имела о том, какие великие русские люди депрессивно прозябают в Париже или Берлине.

Так как же определить сто лет спустя смысл Великого русского исхода? Советского Союза больше нет. Но аспекты его проявляются в нынешней России. Советский

Союз был парадоксальным преемником российского имперского величия. А Российская Федерация – явная преемница и царской России, и СССР.

Революция 1917 года началась в России не «просто так», с «бухты-барахты»: ее долго готовили, о ней мечтали, не понимая сути того, о чем грезят. Врангель тоже не понимал, что творил: хотел спасти армию и вернуться воевать с

Дмитрий Белюкин. «Белая Россия. Исход». 1992–1994 гг.

красными. Не вернулся... Ленин и Троцкий делали революцию, а строил СССР Сталин.

В далекую уже Первую чеченскую войну вашему покорному слуге довелось оказаться в полевой палатке одного старшего лейтенанта. Паренек сразу же мне понравился. Его какая-то особенная офицерская выправка придавала ему облик «белого офицера» из «Дней Турбиных».

Над кроватью лейтенанта были приколоты вырезки из газет и журналов. Незнакомые грозные советские военные молча смотрели на меня с чуть шевелящегося брезента палатки. И вдруг я узнал генерала Деникина. То, что он находился в обществе «красных», которые гоняли его по степям, удивило меня. Ничуть не смутившись, лейтенант ответил: «Гражданская война была войной против России, которая велась руками русских».

Более точного определения я никогда не слышал.

Белый исход – это до трех миллионов беженцев, будущее которых было туманно: ни одна страна не подтвердила тогда, что готова их принять.

Художник Дмитрий Белюкин так пояснял идею известного сво-

его полотна «Белая Россия. Исход»: «Это офицеры и рядовые армии и новой гвардии – корниловских и дроздовских полков, купечество, артистическая бо-

толчком: русские вдруг оказались на всех континентах мира, оставаясь при этом русскими. Исход – не эпизод. Исход – начало. Исход – это мы, диаспора!

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

СЕВАСТОПОЛЬ, 29 октября (11 ноября) 1920 года

Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех тех, кто разделял с Армией ее крестный путь военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить гибель, в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разум, одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал ВРАНГЕЛЬ

ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ

Иван Бунин: «Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас»

ВИКТОР ЛУПАН,
глава редакционного совета

В 1924 году Иван Бунин произнес в Париже знаменитую речь «Миссия русской эмиграции», которая стала первой интеллектуальной попыткой осмысления качественно нового социального феномена.

Как человек тонкий, будущий Нобелевский лауреат понимал, что тяжелая судьба России не была абсурдной, что за трагедийностью ситуации скрывался глубинный исторический и духовный смысл – трудно осознаваемый, конечно, но, тем не менее, реальный в вечном контексте борьбы добра и зла.

Бунин говорил, что эта миссия продолжается в ожидании дня, когда «Ангел отвалит камень от гроба России». Как многие тогда, он не мог предположить, что ожидание продлится три четверти века.

Очутившись временно, как она считала, в изгнании, русская эмиграция попала в интеллектуальную и духовную изоляцию. Она была не в силах донести свои слова до западной интеллигенции, плененной дурманом коммунизма, а потом и фашизма. Не следует забывать, что западное общество отнеслось с поразительной инертностью к крику души первой волны русской эмиграции.

Париж, столица русского зарубежья, интеллектуальная и артистическая столица мира, не принял великих изгоев российских. Лишь очень узкий круг людей понял культурное, философское, духовное влияние русской эмиграции.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что первой функцией

русской эмиграции было сохранить память о дореволюционной России. Но это могло иметь место, пока еще были живы те деятельные лица, которые знали и помнили историческую Россию. Второй ее функцией было оказание помощи тем, кто сопротивлялся коммунистическому эксперименту, оставшись на родине. Это были, в первую очередь, люди церковные, верующие. Третья функция эмиграции была, конечно, творческой. Она заключалась в осмыслении трагического опыта революции как всемирного явления, как глобального зла.

Для человека верующего ничего бессмысленного в мире нет. Потому можно относиться почти как к чуду к тому, что русская богословская и духовная мысль добилась в изгнании истинных успехов. Нельзя здесь не подчеркнуть особого

вклада митрополита Антония Храповицкого (1863–1936), а также мыслителей Алексея, Арсеньева, Бердяева, Ильина, Лосского, Шестова. Они внесли бесценный вклад в развитие православной мысли.

Но среди белых эмигрантов были и представители сил, которые разваливали историческую Россию. Одной из таких фигур, примера ради, был соратник Ленина – Петр Струве. Марксист, затем либерал, затем февралист, он воспевал в 1903 году террористов-цареубийц, считая их лучшими представителями нации. Да, он не любил большевиков. Но до них он же разваливал Россию. Бунин в своей речи упоминал подобных ему людей, осуждая их и отказывая им в статусе миссионеров русской эмиграции.

Дело в том, что эмиграция существовала и до революции: Герцен, Бакунин, Ленин, Троцкий, Луна-

Русские эмигранты у собора св. Александра Невского в Париже, 1920 гг.

чарский, Эрenburg были политэмигрантами. Политэмигрантом был и «враг самодержавия» П. Б. Струве. Однако эти единицы были несопоставимы с миллионами русских людей, бежавших от большевизма.

Представители первой эмиграции думали вернуться в Россию, но не вернулись. Представители второй, послевоенной, и третьей, «диссидентской», уезжали «навсегда». Я прекрасно помню, как мы пересекали границу в 1974 году в полной уверенности, что это безвозвратно. Я гордился своим званием «врага народа». Наш антикоммунизм был радикальным, но непохожим на антикоммунизм, скажем, Бунина. Диссиденты и правозащитники учились в советских школах и университетах, многие из них были комсомольцами и даже членами партии. Мы были врагами советской власти, но по-другому. В отличие от потомков первой эмиграции, мы знали ее изнутри, мы понимали ее суть. Но у нас уже не

было той русской культуры, которая сохранилась пусть даже в очень узких кругах «белой» эмиграции.

Парадоксально, но те, кто едут на Запад сегодня, еще более «советские», чем эмигранты третьей волны. Они выросли на советской литературе, кино, телевидении без того отторжения «совковости», которое ощущали мы.

«Миссия русской эмиграции» закончилась с крахом СССР. Солженицын, Зиновьев, Ростропович вернулись с почестями и умерли на Родине. Но многие не вернутся никогда, потому что, как говорил Иосиф Бродский: «Есть дом, где ты родился, дом, где вырос, и дом, где умер». Вряд ли кто мог бы сказать сегодня, как говорил мне Андрей Тарковский: «Я не вернусь ни живым, ни мертвым!»

Что такое «эмиграция» сегодня? Скорее всего, ее просто нет, хотя «русских людей» в Европе больше, чем в 1920-х годах. В отличие от нас, они приезжают на Запад по

своей воле и в любое время могут вернуться домой. Политэмиграция и диаспора – две разные вещи. «Белые» эмигранты почти мистически любили Россию их грез. А вот любят ли Россию уезжающие сегодня – вопрос. Причем никто его им не задает. Его просто нет на повестке дня.

Миссия русской эмиграции закончилась в 1991 году. Ее опыт свободы востребован в современной России. Не зря ведь наследию эмиграции посвящается столько книг, статей, диссертаций. Не зря русская интеллигенция обращает внимание на то, что мы писали, пишем, говорим. Однако здесь есть одно принципиальное «но»: она манипулирует постсоветскими категориями. На самом же деле, после краха СССР все в эмиграции вернулось на круги своя. И разногласия, существующие сегодня в лоне русской эмиграции, носят скорее дореволюционный, нежели постсоветский характер.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА – ВСЕГДА НАДЕЖНАЯ ОПОРА»

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако Алексеем Юрьевичем Мешковым

Беседу вела МАРГО СУББОТИНА

Господин посол, вы с 2017 года работаете Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако. Как, на ваш взгляд, пандемия может повлиять на развитие российско-французских дипломатических отношений? Что может измениться в культуре, экономике и дипломатии?

Безусловно, пандемия коронавирусной инфекции и последующие ограничения внесли определенные коррективы в российско-французские отношения. Однако это в первую очередь касается изменений в графике двусторонних встреч и мероприятий, многие из которых пришлось перенести из-за санитарно-эпидемиологической ситуации, а также способов коммуникации.

Что же касается содержания и двустороннего характера российско-французских отношений, то могу вас заверить, что сама по себе пандемия не оказала существенного влияния на высокий уровень двустороннего диалога. Президенты наших стран регулярно общаются по телефону, а 26 июня с.г. состоялась их встреча в формате видеоконференции. Министры иностранных дел С.В. Лавров и Ж.-И. Ле Дриан также поддерживают постоянный контакт. К сожалению, гораздо более болезненным оказался другой вирус – вирус необоснованных нападок на Россию по каждому удобному случаю, вирус недоверия и подозритель-

ности. Однако это сюжет уже для другого разговора.

Одновременно после начала «коронакризиса» существенно активизировались российско-французские связи по линии правительств и профильных министерств России и Франции для решения возникающих в связи с пандемией трудностей. Так, было оперативно налажено сотрудничество по вывозу российских и французских соотечественников на родину, оказано содействие в доставке медицинского оборудования и материалов во Францию, установлен контакт между министерствами здравоохранения в целях обмена информацией о методах лечения и профилактики коронавирусной инфекции.

К сожалению, нам не удалось провести все намеченные на текущий год культурные мероприятия и выставки, которые, правда, зачастую перешли в онлайн-формат. Однако надеемся, что наверстать упущенное удастся после стабилизации ситуации.

Франция на протяжении многих веков считалась центром Европы. На ваш взгляд, сегодня сердце Европы по-прежнему в Париже?

Сложно переоценить ту роль, которую Франция сыграла в становлении политического устройства, экономических связей, культурного разнообразия Европы. На протяжении последних столетий

французские правители – короли, императоры, президенты республики – непосредственно влияли на ход европейской истории и участвовали в определении направлений ее дальнейшего развития. Труды французских философов, гуманистов и деятелей искусства в значительной степени сформировали менталитет современного европейского человека, оказали немалое влияние и на Россию.

Однако, как мне кажется, не ставя под сомнение ведущие позиции Франции в мире вчера или сегодня, было бы несправедливо говорить о «центре» или «сердце» Европы. На мой взгляд, особенность европейского континента заключается именно в его многообразии и целой палитре представленных здесь традиций и культур. Именно сосуществование целого ряда центров притяжения, между которыми устанавливалось как сотрудничество, так и, конечно же, возникало соперничество, обеспечило разностороннее развитие Европы. Не случайно нам так близка мечта генерала де Голля о единой Европе от Атлантики до Урала, или, как мы предпочитаем говорить, от Лиссабона до Владивостока.

Какой период межкультурной коммуникации наших стран оказал, по-вашему, наибольшее влияние на русскую культуру?

Очень непросто выделить один период из многовековой истории российско-французских отноше-

ний, которые стали официальными более 300 лет назад, в то время как связи между нашими народами, конечно же, были установлены гораздо раньше (вспомним про Анну Ярославну, ставшую супругой французского короля Генриха I). На протяжении всего этого времени культурные обмены играли ведущую роль в развитии двусторонних связей, и никакие события бурные, порой драматические российско-французской и европейской истории не смогли повлиять на подлинный интерес наших народов друг к другу.

Первое близкое знакомство русского двора с французской культурой произошло при Петре Первом, на которого Франция произвела неизгладимое впечатление во время его посещения этой страны в 1717 году. Продолжилось погружение во французскую культуру при его дочери Елизавете Петровне, а вот пика достигло уже при императрице Екатерине Второй. Французский язык и этикет прочно вошли в обиход русского дворянства XVIII–XIX веков, в то время как французские живопись, литература, архитектура стали в какой-то мере ориентирами для русских деятелей искусства.

В советское время, несмотря на идеологическое противостояние двух блоков, французское кино, литература, эстрадная песня пользовались огромной популярностью в нашей стране. Показательно, что согласно опросу 2019 года о восприятии Франции в России, среди наиболее известных французов наши соотечественники назвали именно звезд второй половины XX века – Шарля Азнавура, Джо Дассена, Мирей Матье, Алена Делона, Пьера Ришара, Жана-Поля Бельмондо и др.

Вместе с тем хотел бы отметить, что и русское искусство оказало воздействие на французское общество. Наше культурное наследие – Ф. Достоевский и Л. Толстой, П. Чайковский и С. Рахма-

нинов, А. Чехов и С. Дягилев с его «Русскими сезонами», русский авангард начала XX века – не только нашло своих почитателей и последователей и во Франции, но и по сей день представляет большой интерес для французского зрителя.

Как вы считаете, проводимые реформы в системе среднего и высшего образования во Франции и России смогут углубить межкультурный диалог? Станут ли французы больше изучать русский язык? Как сегодня поддерживается русский язык во Франции?

Укрепление позиций русского языка во Франции – одна из приоритетных задач Посольства. Франция остается одной из немногих стран дальнего зарубежья, где русский язык преподается в системе не только высшего, но и среднего образования.

Так, во французских школах русский язык в качестве иностранного изучает более 12 тысяч человек, а углубленно он преподается в четырех лицеях (в Ницце, Страсбурге, Бордо и Сен-Жермен-ан-Ле).

И конечно, очень востребованным изучение русского языка продолжает оставаться в среде наших

соотечественников и в смешанных семьях. Это подтверждают многочисленные общественные инициативы по созданию частных школ дополнительного дошкольного и начального образования, многие из которых обращаются в Посольство за помощью в приобретении и транспортировке современных российских учебников и специализированных периодических изданий. На данный момент по всей Франции действует более 300 таких школ. В этой связи 12 ноября с.г. состоится уже вторая телеконференция по вопросам продвижения образования на русском языке во Франции, в рамках которой десятки представителей из всех французских регионов обменяются опытом и смогут получить полезную информацию от российских специалистов.

Большую работу по распространению русского языка во Франции проводят Российский центр науки и культуры и Российский духовно-культурный православный центр в Париже. В обоих Центрах открыты курсы русского языка, а в Центре дополнительного образования при Свято-Троицком кафедральном соборе действуют две школы: русская классическая гимназия и церковно-приходская школа.

Однако параллельно с позитивными тенденциями ряд нерешенных вопросов продолжает препятствовать укреплению позиций русского языка. Это связано в том числе с необходимостью заключения нового межправительственного соглашения об изучении русского языка во Франции и французского языка в России. Работа над ним идет, министерства

образования обеих стран находятся в постоянном контакте и прилагают все усилия для скорейшего согласования финальной версии документа. При этом обе стороны исходят из того, что сотрудничество в области изучения языков и культур является приоритетным для укрепления взаимопонимания и отношений дружбы между нашими народами.

Какова роль наследников русской эмиграции во Франции сегодня? Как сохраняется культурное наследие?

Российская диаспора во Франции занимает особое место в русском зарубежье. Здесь, на французской земле, соединились несколько волн эмиграции из России, каждая из которых приносила все новые поколения соотечественников, покидавших Родину в разные времена и по разным причинам и обстоятельствам. Вряд ли за пределами России можно найти столь высокую, как во Франции, концентрацию представителей известнейших русских дворянских фамилий, чья история тесно переплетена с историей России, а также видных деятелей

искусств, писателей, публицистов, музыкантов и художников.

При участии представителей диаспоры Посольство регулярно проводит мероприятия, имеющие большое значение для консолидации эмигрантской среды и ее сближения с Россией. Так, уже стало замечательной традицией празднование в Посольстве русской Масленицы, которую мы организуем совместно с представителями различных российских регионов, что позволяет им продемонстрировать свои экономические и культурные достижения: творчество местных

художников, неподражаемый русский фольклор, хореографические и музыкальные композиции, кулинарные особенности, – все это дает возможность не терять связь с Родиной.

Если говорить о деятельности наиболее видных наследников русской эмиграции во Франции сегодня, то это, безусловно, П. П. Шереметев, в течение многих лет являющийся бессменным руководителем «Русского музыкального общества» и ректором парижской русской консерватории им. С. Рахманинова; А. А. Трубецкой, возглавляющий общественную ас-

социацию «Франко-российский альянс» и Общество памяти Российской императорской гвардии, и Д. М. Шаховской – председатель ассоциации «Союз дворян», автор многочисленных книг, статей и монографий по русской истории, литературе и генеалогии. Есть еще много других обществ и ассоциаций, объединяющих потомков русского дворянства, офицеров и казаков. В России очень высоко ценят многолетнюю и самоотверженную работу этих представителей прославленных русских династий по бережному сохранению за рубежом русских традиций и культуры.

Не могу не отметить и активную роль на этом направлении россиян, обосновавшихся во Франции в последние десятилетия: многочисленные ассоциации соотечественников (более 400 организаций) своей многогранной деятельностью способствуют распространению объективных знаний о нашей стране, ее традициях и культуре, формированию во Франции положительного представления о России.

В настоящее время главная роль в сплочении диаспоры принадлежит Координационному совету российских соотечественников, существующему с 2011 года и объединяющему в своем составе все волны эмиграции.

Много ли русских эмигрантов во Франции сегодня?

Это очень сложный вопрос, ответить на который практически невозможно. Выверенных статистических данных, касающихся постоянного пребывания на территории Франции иностранных граждан, не имеется, а по постановке на учет в российских консульских учреждениях носит сугубо добровольный характер. По различным оценкам, число наших соотечественников, постоянно или временно проживающих во Франции с местным видом на жительство или уже приобретенным

французским гражданством, варьируется от шестидесяти до нескольких сотен тысяч человек.

Какие центры притяжения для любителей русской культуры есть сегодня во Франции?

Если говорить о современных центрах притяжения для любителей русской культуры, то это, безусловно, уже упомянутый мною Российский духовно-культурный православный центр, открытый в октябре 2016 года в центре Парижа. Особенность этого уникального архитектурного комплекса на набережной Бранли в том, что на его территории постоянно действует православный храм – Свято-Троицкий собор. За четыре года работы Центра в нем было проведено огромное количество различных мероприятий – выставок, конференций, круглых столов, концертов и кинопоказов. Двери «русского уголка» у подножия Эйфелевой башни открыты семь дней в неделю, а вход на мероприятия – бесплатный.

Ну а Российский центр науки и культуры в Париже является местом встречи любителей России уже 25 лет. Помимо интереснейших тематических встреч, в Центре организована работа библиотеки, консерватории, арт-галереи, шахматной и художественной академии, детской академической капеллы. Безусловно, очень дорогим местом для многих русских людей различных волн эмиграции является русское кладбище в г. Сент-Женевьев-де-Буа – знаменитый «русский некрополь», где захоронены многие представители русской интеллигенции и духовенства, государственные и общественные деятели, вошедшие в историю русской и мировой культуры, – от Бунина, Коровина и Серебряковой до Кшесинской, Нуриева и Тарковского. Кроме того, у входа на кладбище стоит возведенная по проекту архитектора Альберта Бенуа Свято-Успенская Церковь – уни-

кальный пример Новгородского зодчества в Западной Европе.

Среди других таких мест – знаменитый собор Благоверного князя Александра Невского в Париже; Дом-музей И. С. Тургенева в Буживале, в котором он жил с 1875 года, вплоть до своей смерти 22 августа 1883 года; Храм-памятник русским воинам в г. Сент-Илер-Ле-Гран, где покоятся более тысячи солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, и Музей Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка в Курбеуа, в котором собраны реликвии полка, повествующие о славной военной истории России.

И естественно, русские православные храмы на юге Франции, прежде всего Свято-Николаевский собор в Ницце.

Что бы вы хотели пожелать или сказать русским эмигрантам во Франции и Европе?

Дорогие соотечественники, как дипломат, много лет проработавший за рубежом, я не понаслышке знаю, насколько огромно и разнообразно российское зарубежье. Искренне благодарен вам за то, что в подавляющем большинстве вы продолжаете хранить глубокую внутреннюю связь со своей исторической Родиной, за то, что гордитесь Россией, дорожите ее культурой, ощущаете сопричастность к ее судьбе и ее сегодняшним заботам.

Убежден, что одна из важнейших целей российского загранпредставительства состоит в том, чтобы люди, по разным причинам оказавшиеся вне России, чувствовали его поддержку и были уверены в защите своих интересов. Где бы вы ни находились, знайте, что историческая Родина всегда будет для вас надежной опорой. Для этого созданы конкретные инструменты, о которых вы можете узнать в Координационном совете соотечественников в своей стране пребывания.

Н. Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ: «В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ ВСЕ БЫЛИ ЗА ЕДИНУЮ РОССИЮ»

Беседу вела ОКСАНА КАРНОВИЧ

Князь Лобанов-Ростовский, потомок русских эмигрантов и выдающийся коллекционер театрально-декорационного русского искусства первой трети XX века, рассказывает в интервью «Русской мысли» историю своей семьи и призывает к единству разделенного историческими процессами народа.

Никита Дмитриевич, ваша семья, входящая в круг высшей аристократии, как и многие другие семьи русского дворянства, пострадала в результате революционного переворота и Гражданской войны. Что, по вашему мнению, послужило внутренней причиной социального конфликта, спровоцировавшего такие трагические события?

Моя семья имела непосредственную причастность к тому, что происходило в России. Ввиду моего возраста – 86 лет – мне довелось быть знакомым с некоторыми главными политиками, которые участвовали в событиях 1917 года.

С кем из них вы встречались?

Мой дед Василий Васильевич Вырубов, «товарищ министра» (заместитель министра внутренних дел) князя Георгия Евгеньевича Львова, председателя Временного правительства, жил в Париже, и Керенский Александр Федорович часто приходил к нам на обед. Все

члены Временного правительства в эмиграции дружили. И мне долго было непонятно, как можно общаться с человеком, который заложил бомбу к распаду России.

С генералом Александром Павловичем Родзянко, одним из руководителей Белого движения, я встретился на русском Рождество у маркизы де Куэвас, урожденной Рокфеллер в Нью-Йорке.

Но продолжаю отвечать на первый вопрос... Говоря о Лобановых, семье моего отца, крестника великой княгини Елизаветы Федоровны, должен отметить, что это была семья монархических убеждений, – многие ее поколения служили при Дворе российских императоров. Теперь я вижу, насколько император и императрица были оторваны от реалий того дня, которые неизбежно вели к фундаментальному социальному конфликту. Входящие в ближний круг великой княгини, мои бабушка и дедушка остро почувствовали, что общество готово к разрыву с престолом, и, как писала моя бабушка, княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская, «аристократия из-за Распутина отвернулась от престола», а подлинное русское старчество в лице Распутина «осмеяно и опозлено». Отмечу, что это суждение очевидца, ибо бабушка имела возможность и время «присмотреться к Распутину».

Воспоминания Веры Дмитриевны, опубликованные в издательстве «Минувшее» в 2018 году «О российской трагедии XX века: до и после 1917 года. Воспоминания матери. 1903 Санкт-Петербург – 1937 София», – удивительнейшее свидетельство того трагического времени.

Воспроизвожу отрывок ее воспоминаний из документального романа: «Перед нами вставали предупреждения преподобного Серафима и всего русского старчества. Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы были не в состоянии облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог перед любимой женой поступиться Распутиным, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашептывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили Двор и Распутина. До войны Россия достигла при Государе небывалого во всех отраслях развития, она шла к полному своему расцвету шагами гиганта. И надо же случиться такой чудовищно нелепой истории, как распутинщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от Царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь патриарх – не было бы и революции».

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Вера Дмитриевна отмечает, что не только революционеры, но и приближенные к царю роковым образом содействовали разрыву общества: «Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года готовился дворцовый переворот. Боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою, февральскую, бескровную революцию». В результате же, заключает бабушка, «затопив в крови и Двор, и всю Россию».

И даже среди столь узкого круга, каким была семья Лобановых, судьба в тот период распорядилась неожиданно: мой дядя Яков служил в Красной армии, дядя Никита – в Белой. Члены моей семьи оказались по разным сторонам барьера, но обе ветви попали в эмиграцию.

Отец моей матери, крупный земский деятель Василий Васильевич Вырубов, напротив, занимал высокий пост заместителя министра МВД во Временном правительстве, которое возглавлял тогда князь Георгий Евгеньевич Львов. То есть линия раскола проходила и внутри дворянства. И четко видна в истории моей семьи.

Во Временное правительство входили приличные и образованные люди, которые по-своему видели благо России в общественных инновациях. Однако никто из них не имел опыта управления страной.

Когда в 1917 году на посту главы Временного правительства князя Львова сменил Александр Керенский, его деятельность оказалась губительной для России,

открыв все шлюзы для жестокой битвы между собой граждан внутри своего Отечества.

Мой дядя Николай Васильевич Вырубов, герой французского Сопротивления, как-то спросил Керенского, какие главные ошибки были им сделаны, и Керенский ответил: «У меня две ошибки: это, во-первых, назначить генерала Корнилова главой Генерального штаба и три месяца спустя в его лице получить заговорщика, а во-вторых, не дать положительного ответа немецким эмиссарам. С того момента, как я взял в свои руки власть в июле 1917 года, немцы сообщали мне, что готовы встретиться в Финляндии, чтобы положить конец конфликту, а я отказался это сделать».

Ваш дедушка принимал участие в переговорах с бывшими союзниками по Антанте. Как вы оцениваете эту попытку?

Отмечаю бессмысленную попытку Львова с Вырубовым в этой ситуации просить помощи против большевизма у США: они не оценили, что США по своей сути – антимонархическое государство. Их цель состояла в том, чтобы убедить президента Вудро Вильсона просить вмешательства американских войск в Гражданскую войну. Но монархия конституционная, тем более самодержавная, как в России, была для Вильсона неприемлема. Так же без ответа их оставил президент Франции Раймон Пуанкаре. Из-за непонимания политических реалий и расстановки сил на международной арене эта попытка не удалась.

Почему, по вашему мнению, Белое движение потерпело поражение?

В Белом движении многие были за Веру, Царя и Отечество. В него входили и члены других партий, однако все были за единую Россию, как это каждый понимал, и все – против большевизма. А народ воспринимал происходящее так, что красные воюют за него. Обе стороны осознавали глубокий кризис, обе стороны искали путь к улучшению России. Тогда ни обстоятельства, ни время не дали им возможности достичь примирения, и потому, несмотря на любовь к общей родине, они не смогли сообща сделать ее могущественнее, привести к процветанию. Красные победили. Их правление принесло как улучшение жизни многих людей, так и 70 лет страданий для значительного процента населения, став причиной гибели нескольких миллионов человек.

Как в эмиграции оказался Василий Васильевич Вырубов?

Дед не эмигрировал. По поручению Временного Сибирского пра-

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская

вительства он в 1918 году выехал в Вашингтон, а затем в Париж. Семью он оставил в России. Моя бабушка Ольга Николаевна Галахова умерла в заключении от оспы. Ее я не знал, как вы понимаете. Дед никогда больше не женился.

Никита Дмитриевич, вам и князю Александру Александровичу Трубецкому принадлежит идея создания памятника героям Первой мировой войны. Теперь вы совместно с графом Петром Петровичем Шереметевым, почетным председателем президиума Международного совета российских соотечественников (МСРС), и Евгением Табачниковым, советником председателя МСРС, инициировали создание

памятника Примирения, посвященного окончанию Гражданской войны в России 1917–1922 годов, несмотря на то, что вас, как представителей известнейших аристократических фамилий, потомков белоэмигрантов, лично коснулись и красный террор, и все тяготы белой эмиграции. Как возникла идея создания памятника Примирения?

Идея памятника Примирения появилась у меня во время съезда МСРС в Севастополе в октябре 2008 года. Тогда, гуляя по Графской набережной с Петром Петровичем Шереметевым (он был тогда председателем МСРС) и с Евгением Семеновичем Табачниковым, исполнителем секретарем МСРС, мы остановились у мемориальной

доски, посвященной белой эмиграции. Я заметил Евгению Семеновичу, что было бы уместно создать подобный мемориал и в Москве. Эту тему мы затем продолжили на заседании президиума МСРС в Ялте.

Прошел год, 4 ноября 2009 года в московском храме Знамени иконы Божьей матери в Романовом переулке состоялся молебен по жертвам революции 1917 года, Гражданской войны, репрессий и в память русских людей, скончавшихся на чужбине. Это был первый в истории России молебен, который сблизил потомков красных и белых.

После молебна протоиерей Чаплин пригласил на обед около двадцати человек. Первым тогда выступил Вячеслав Никонов, внук министра иностранных дел СССР В.Н. Молотова. Он сказал, что рад находиться здесь, потому что в доме возле церкви жил его дед; что он играл в этом саду, и церковь служила гаражом для лимузина деда. Следом за ним выступил граф Петр Петрович Шереметев. Он сказал, что ему было горько слышать господина Никонова, ибо это был дом Шереметевых, где его отец играл здесь во дворе, а церковь была домашней церковью. Романов переулочек тогда назывался Шереметевским. Из их выступлений всем стало очевидно, что поляризация между старыми и новыми русскими не исчезла.

В 2009 году на III Всемирном конгрессе соотечественников мы совместно с графом П.П. Шереметевым впервые выступили с инициативой сооружения в России памятника, способного консолидировать Русский мир, объединить потомков сторон, некогда враждовавших в годы Гражданской войны. И в ноябре 2009 года мы обратились с письмом к президенту России (в то время им был Дмитрий Анатольевич Медведев) и Святейшему патриарху Кириллу с просьбой поддержать идею данного монумента, призванного симво-

лизировать единство разделенного историческими процессами и идеологическими барьерами народа.

Но еще ранее, в ноябре 2000 года, когда президент России Владимир Путин посетил русское кладбище под Парижем Сент-Женевьев-де-Буа и возложил венки на могилы русской героини движения Сопротивления Вики Оболенской и русского писателя Ивана Бунина, он остановился затем перед могилами тех, кого называют белогвардейцами, и произнес: «Мы дети одной матери – России, и для нас настало время объединиться». Рождение идеи, которая бы вела к консолидации российского общества для меня, как и многих представителей потомков первой волны эмиграции, переживших ужасы Гражданской войны, казни родных и близких без суда и следствия, тюремные сроки и как «счастливый финал» – изгнание из родного Отечества, – все это проходило невероятно тяжело. Но я убежден, что без терпимости, примирения и покаяния не может быть народного единства.

Событие исторического масштаба – воссоединение Крыма с Россией возродило идею создания памятника Примирения. Ведь Крым был последним кусочком русской земли, откуда и началась история русской белой эмиграции. Сегодня, как отметил президент России, «Крым может сыграть уникальную объединяющую роль для России,

став историческим и духовным источником еще одной линии примирения, как красных, так и белых».

В ноябре 2015 года на V Всемирном конгрессе соотечественников было поддержано решение правительства Крыма установить памятник Примирения.

Никита Дмитриевич, вы сами примирились, смогли простить? Ведь ваша семья, покинув Россию, оказалась за рубежом лицами без гражданства. Какие вы испытываете чувства, когда останавливаетесь во дворце Лобановых-Ростовских в Санкт-Петербурге, который в начале XIX века принадлежал вашим предкам, а сейчас там находится фешенебельный отель Four seasons? Почему, тем не менее, вы предлагаете подобную инициативу примирения?

Что касается, простил ли, замечу: я к примирению не один год шел, и путь этот был трудным. В 1945-м меня, одиннадцатилетнего мальчишку, коммунисты посадили в Софии в тюрьму для «политических»; отца моего там же, в Софии, арестовали и расстреляли, после чего смертельная болезнь подкосила мою мать...

С ощущением исторического разрыва сложно эффективно двигаться вперед. Сегодня важно для потомков – мудро учитывать правду и той, и другой стороны. Важна и положительная оценка исторического вклада всех сословий России.

Сегодня мы сможем сообща сделать то, что не успели сделать наши с вами предки. Именно следуя такой логике, мы пришли к мысли об открытии памятника Примирения. В наши дни это сказывается в символическом акте закладки в Севастополе памятника по поводу столетия окончания Гражданской войны в России.

ИНТЕРВЬЮ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УМАХ

Интервью с Виктором Александровичем Москвиным,
директором Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына

Беседу вела МИЛА ЯКОВЛЕВА

Осенью 1920 года, после разгрома армии Врангеля в Крыму, тысячи русских отправились на чужбину. Произошел так называемый «Русский исход», ознаменовавший окончание Гражданской войны и поставивший точку в истории Российской империи. К 100-летию исхода Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына подготовил уникальную документальную выставку. Об экспозиции и восприятии трагических событий вековой давности мы беседуем с его директором Виктором Москвиным.

Тема Русского исхода сегодня по-прежнему остается малоизученной. Что нужно знать нашим соотечественникам об этом эпизоде истории России, чтобы более полно понять события XX века?

Русский исход – трагическая часть нашей истории, поскольку по результатам Гражданской войны родины лишилось от двух до трех миллионов человек. Многие из них всю жизнь прожили, не получая гражданства других стран, сохраняя русский паспорт. Люди были лишены родины, и лишение это было не только физическим, но и юридическим. В экспозиции нашего Дома находится декрет Ленина от 1921 года о лишении гражданства всех лиц, покинувших территорию РСФСР без разрешения советской власти после 7 ноября 1917 года. Люди с чистого листа начина-

ли новую жизнь в других странах. В первую очередь строили школы, чтобы учить детей, возводили церкви: так возникали русские колонии, русские «города». В одном только Париже на пике эмиграции жило порядка 400 тысяч русских, а в Берлине в начале 1920-х годов русских изданий выходило больше, чем немецких...

Конечно, люди мечтали вернуться, думали, что это скоро произойдет, не распаковывали до конца чемоданы. Отмечая каждое Рождество, каждый Новый год, произносили традиционный тост, желая друг другу встретить следующие зимние праздники в России.

Кстати, здесь есть маленькое уточнение: ведь на чужбине оказались не только те, кто выехал, бежал, эвакуировался из страны: через некоторых людей просто перешагнула граница. Например, Репин жил себе благополучно на даче, которую сам построил в начале века, а потом вдруг в один прекрасный день эта дача оказалась на финской территории – территории самостоятельного государства. То же самое произошло с теми, кто жил в Польше, в Бессарабии, ну и, конечно, в Маньчжурии. В экспозиции нашего музея висит большая фотография – панорама Харбина 1920-х годов. Это был абсолютно русский город: все вывески на русском языке – и ни одной на китайском.

Так что Русский исход – это огромная, колоссальная национальная трагедия, потому что

страна лишилась многих людей, которые потом составили славу мировой науки и культуры. Возьмем, к примеру, музыку XX века – ну как ее представить без Рахманинова или без Прокофьева?.. Если говорить о науке, то яркий пример – Сикорский, один из основателей современного вертолето- и самолетостроения Соединенных Штатов. Помню, как-то в наш музей пришли американские дипломаты, и я в шутку сказал: смотрите, ваш президент летает на вертолетах Сикорского, телевизор смотрит зворькинский, видеомагнитофон – понятовский. В Белом доме подается вино Челищева (именно он поднял калифорнийское виноделие до мировых высот). Вся мощь Соединенных Штатов базируется отчасти на русском интеллекте и таланте. Это, быть может, некоторое преувеличение, но вклад русских в различные сферы научной и культурной жизни действительно огромен.

Какие мифы связаны с Русским исходом? Возможно ли их разрушить?

Многие мифы идут, конечно, от советской пропаганды и живы до сих пор. Любые попытки, скажем, создать памятник или установить памятную доску лидерам Белого движения, встречаются в штыки. В умах все еще продолжается Гражданская война. Многие по-прежнему не воспринимают нашу историю как единое целое. Продол-

жается своеобразная идеологическая борьба, все еще остались ярлыки, которые советская пропаганда с начала Гражданской войны навешивала на белых.

Яркий пример – история Колчака. Его обвиняют в том, что он применял массовый террор, что его власть держалась на английских и американских штыках, что он фактически собирался продать нашу страну интервентам. Но недавно мы купили архив Колчака, вернули его в Россию.

В переписке с женой он объясняет, почему в 1918 году поступил на английскую службу: он хотел продолжать борьбу с Германией. Никаких других причин не было: лгать жене у него не было необходимости. Что касается террора, то, конечно, белый террор существовал – попадались разные военачальники... Но сам Колчак никогда не отдавал таких приказов, это не было частью государственной политики колчаковского правительства. В отличие от большевиков. Да и предательская выдача Колчака чехами с санкции французского генерала Жанена обусловлена, в том числе, нежеланием адмирала передать союзникам контроль над золотым запасом Российского государства. Александр Васильевич Колчак до конца был верен России.

Нужно воспринимать историю более объективно. Например, по Волге по-прежнему ходит теплоход «Маршал Тухачевский». А ведь Тухачевский использовал ядовитые газы против восставших тамбовских крестьян, то есть применял химическое оружие против своих сограждан... И ничего, теплоход может называться именем этого человека. А Колчак сыграл

В. А. Москвин у разбомбленного натовцами моста в г. Нови-Сад, Сербия. 1999 г.

выдающуюся роль в освоении русской Арктики. Северный морской путь – в значительной степени заслуга его экспедиций. Почему же, скажем, по нему не может ходить ледокол «Адмирал Колчак»? Это было бы справедливо.

Как вы думаете, что нужно для того, чтобы начать воспринимать историю объективно и перестать делить всех на «красных» и «белых»?

Нужно прекратить войну в головах, прекратить использовать историю в конъюнктурных политических целях, как это делают некоторые радикальные движения и организации. В стране очень много проблем, которые необходимо решать, объединяя усилия, не тратя энергию на борьбу с историей.

Во время крымской эвакуации генерал Врангель обратился ко всем отбывающим с кратким прощанием: «Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга». Могли ли эмигранты, беженцы

рассчитывать на особое, сочувственное отношение к себе за границей?

В разных странах отношение было разным. Например, глава Королевства сербов, хорватов и словенцев король Александр I принял русских очень достойно. Офицеры могли служить в югославской армии с сохранением чинов, профессора – преподавать в университетах, врачи – вести практику. В этой стране русские были приняты по-братски. В других странах им предлагалась по большей части работа, не связанная с государственной службой. Скажем, в Англии. Наверное, многие не могли понять, как Англия, наш союзник в Первой мировой войне, могла предать русских офицеров – так же, как до этого предала царя, не приняв его на своей территории. Отношение французов хорошо охарактеризовал Николай Туроверов в своем стихотворении: «Франция – страна моей свободы, / Мачеха веселая моя»... Здесь русские могли писать и издавать все, что хотели, за что они были благодарны: Париж действительно стал центром русской интеллектуальной жизни. Но

В Музее-квартире А. С. Пушкина на Мойке. Слева – В. А. Москвин, справа – Н. А. Струве с супругой. Март 1991 г.

в остальном Франция придерживалась абсолютно меркантильной позиции: все зависело от того, что ей выгодно на данный момент. Врангель рассчитывал на помощь союзников, но он ее не получил и с горечью писал об этом. Союзникам была нужна победа над Германией, они ее одержали – с помощью нашей страны, без которой эта победа была бы невозможна. А сильная Россия им была не нужна. Впрочем, как и сейчас.

То есть можно сказать, что военачальники, которые возглавляли Русский исход, рассчитывали на то, что их поддержат союзники?

Да, они действительно надеялись на поддержку, потому что для них было очень важно понятие союзнического долга. И, конечно, они рассчитывали на то, что их боевые товарищи, с которыми вместе они проливали кровь на полях Первой мировой, будут на их стороне. Но, увы.

Летом выставка «Русский исход. Трагедия и величие. 1920–1922» открылась в Париже. В каких еще городах ее можно будет увидеть?

Мы подготовили выставку в двух вариантах: в стационарном и в электронном. Электронный – «походный» – вариант размещен в Интернете. В нынешних условиях, когда самолеты не летают, когда границы закрыты, его можно тиражировать и распространять в любом месте земного шара. Позже экспозиция будет показана в Белграде, в Брюсселе, в Сан-Франциско, думаю, что и в других местах. Мы также передали ее в

Князь А. А. Трубецкой передает реликвию для Музея русского зарубежья

В. А. Москвин и Н. А. Струве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына

Волгоград. Так что выставка уже живет своей жизнью, а в декабре она откроется в Доме русского зарубежья, где будут представлены уникальные предметы, документы, фотографии.

Можете выделить несколько наиболее значимых, уникальных экспонатов?

Например, будет представлено знамя Апшеронского пехотного полка, которое было вывезено как раз во время Исхода и сохранено в эмиграции. Мы покажем также памятные вещи, форму одежды, дневники, воспоминания офицеров лейб-гвардии конного полка. Документы Исхода: справки, паспорта, разрешения на погрузку на корабли, которые отходили из портов Крыма. Можно будет уви-

Виктор Александрович Москвин родился в 1955 году в Московской области. Окончил исторический факультет Калининского государственного университета. Кандидат исторических наук. Член Правительственной комиссии по делам соотечественников, проживающих за рубежом. В области культуры работает с 1973 г. Инициатор создания и директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, играющего важную и значимую роль в укреплении связей между русским зарубежьем и Россией и сохранении исторических документов и материалов о соотечественниках, вынужденно покинувших свою родину в результате революции 1917 года и Гражданской войны.

В. А. Москвину присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»; он имеет благодарность президента России. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры. Награжден орденом Дружбы.

деть схему выдвижения отступающих войск Белого движения из Приморья в Харбин, офицерские погоны времен Исхода, уникальные фотографии...

В этом году Дом русского зарубежья отмечает 25-летие. Расскажите немного о главных юбилейных проектах.

В конце октября открылась выставка, приуроченная к 150-летию со дня рождения Ивана Бунина, акцент в которой сделан на эмигрантском периоде его жизни

и творчества. У нас есть интересные документы в собственных фондах, кроме того, нам предоставили копии документов из архива писателя в английском Лидсе и, конечно, материалы из российских музеев и архивов.

Также запланирована очень интересная выставка, посвященная 50-летию со дня присуждения Нобелевской премии Александру Солженицыну, – на ней будут представлены подлинные документы и предметы, которые раньше никогда не показывались.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

К 1922 году из 175 миллионов жителей дореволюционной России в стране осталось 109 миллионов

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ,
писатель, историк

Считается, что в ходе Гражданской войны и в первые годы после нее из России эмигрировали примерно три миллиона человек. Но историками России, Франции и США, которые занимались исследованиями того периода, называются иные цифры: от пяти до семи миллионов. Дело в том, что многие статистики не учитывали эмиграцию из Украины, Закавказья, а также Сибири и Средней Азии.

Что же касается потерь противоборствующих сторон, то по самым скромным подсчетам они составили примерно два миллиона человек. Таким образом, общие потери в населении России – не менее девяти миллионов. Но из-за голода и болезней погибло еще около миллиона. Мы получаем в итоге страшную цифру – около 10 миллионов человек. Если же прибавить к этому население отторгнутых в результате войны областей (56 миллионов), то трагический результат будет таким: к 1922 году из 175 миллионов жителей в дореволюционной России в стране осталось 109 миллионов.

Россия потеряла к тому же огромный пласт творческой интеллигенции, десятки тысяч ученых, инженеров, экономистов, талантливых военачальников, врачей. Многие из них погибли, другие влились в профессиональные содружества в странах Европы и в США. Если иметь в виду, что следующая мировая война была неизбежной, в ряде случаев то были серьезные потери для со-

«Русский витязь», созданный авиаконструктором Игорем Сикорским

ветского государства и важные приобретения для Запада. Достаточно назвать два имени: Игорь Сикорский и Алексей Сурин.

Игорь Сикорский (1889–1972) был одним из крупнейших в истории авиаконструкторов, создателем до революции тяжелого бомбардировщика «Русский витязь» и пассажирского самолета «Илья Муромец». Попав в Америку, он построил трансатлантический гидроплан, 15 типов самолетов и 8 типов вертолетов. Сикорский считается одним из отцов современного американского самолетостроения.

Алексей Сурин (1897–1974), поселившийся после долгих скитаний в Праге, был талантливым военным конструктором. Советская армия,

увы, была знакома с его творениями: захватив Чехословакию, немцы использовали созданные им танки. Продолжая работу по конструированию танков, Сурин в конце войны втайне саботировал ее, тормозя завершение создания новых моделей.

Можно вспомнить и талантливого инженера-кораблестроителя Вильгельма Лютера (1876–1940). Награжденный до революции за свои проекты пятью орденами, он стал в результате Брестского договора жителем Эстонии.

Покинувшие страну жители разных регионов России образовали за границей десятки диаспор.

Первым перевалочным пунктом стал Константинополь, давший в те-

чение нескольких лет пристанище примерно 300 тысячам беженцев. В 1921 году каждый пятый житель Константинополя говорил по-русски.

Мало кто из эмигрантов смог вывезти драгоценности или валюту, и многие семьи оказались в критической ситуации.

Благотворительные организации прилагали большие усилия, чтобы разместить людей и обеспечить их едой. В центре города были организованы десятки бесплатных столовых. Огромную роль в начале 1920-х

технике и связи. Бывшие военнослужащие из бронеавтомобильных частей становились шоферами или автомеханиками. Многие женщины стали служанками, швеями или поварами. Журналисты, учителя, прочие гуманитарии найти занятие не могли и брались за любую работу: становились продавцами, работали садовниками и официантами.

Однако были среди эмигрантов и состоятельные люди, которые открывали кафе, рестораны, кабаре, ателье, книжные и продовольственные мага-

переселение сотен тысяч эмигрантов в Европу и Азию. Значительная их часть поселилась в Западной Европе и США, но также в странах Средиземноморья. На новом этапе центрами эмиграции стали Париж, Берлин, Белград, София и Харбин.

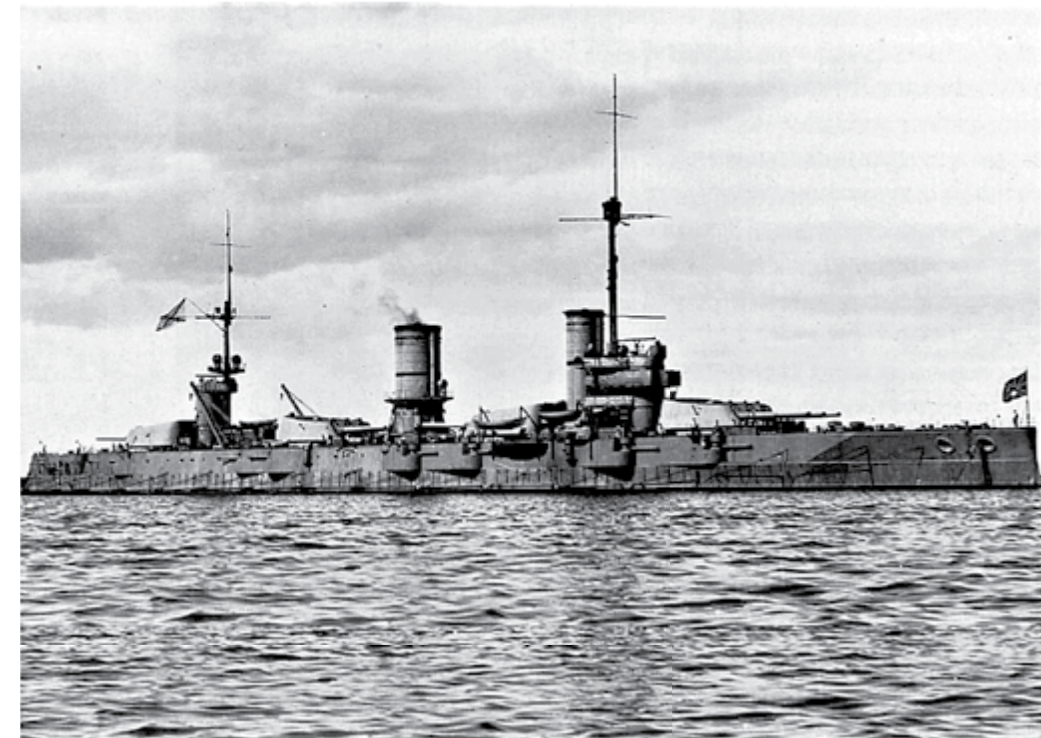
Русская община Берлина насчитывала в 1921 году около 200 тысяч человек, но сначала она испытывала большие трудности, вызванные Версальским договором, а затем, с приходом к власти национал-социалистов, стала быстро таять. Многие

переселялись в Прагу и Париж, который стал культурной столицей русской эмиграции. Перед самой войной и в первые ее месяцы многие русские эмигранты предпочли переехать в США.

Как бы ни был неустроен быт эмигрантов, более всего волновал их правовой статус. 15 декабря 1921 года ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет, согласно которому с момента его издания лишались прав российского гражданства лица, которые подпадали под категории, перечисленные в декрете. Поскольку к этим категориям относились практически все эмигранты, они оказыва-

лись лицами без гражданства. Их права защищали поначалу прежние российские посольства и консульства, но по мере признания советского государства европейскими странами они закрывались. Как следствие этого, ряд правовых вопросов, касающихся российских эмигрантов, можно было решить только на международном уровне.

27 июня 1921 года сессия Совета Лиги наций приняла решение создать должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. Им

«Полтава» – один из лучших линкоров России, построенный в 1909 году русским инженером-кораблестроителем Вильгельмом Лютером

годов играла Русская миссия: здесь размещались больницы на триста коек, бесплатная столовая, где ежедневно питались более 700 эмигрантов, общежитие, склад вещей и даже справочное бюро. В русском посольстве был учрежден архив, а также служба запросов и связи с организациями эмигрантов в других странах. Благодаря этой службе в период с 1921 по 1927 год воссоединилось 16 тысяч семей.

В наилучшем положении оказались профессионалы: врачи, инженеры-строители, специалисты по электро-

технике. В Константинополе появились гимназия и балетная школа, начали выходить русские газеты, журналы и книги. Жители города посещали русскую оперу, варьете, концерты. Русские салоны мехов, ателье и обувные мастерские стали популярны у местных богачей.

Но в 1932 году в Турции был принят закон, запретивший иностранцам работать и заниматься предпринимательством на всей территории страны, и абсолютному числу эмигрантов пришлось покинуть ее. Началось

Княгиня Вера Оболенская (подпольная кличка – Вики)

стал Фритьоф Нансен, норвежский полярный исследователь, ученый и общественный деятель.

В 1922 году появились «нансеновские паспорта» для эмигрантов из России. Платные 5-франковые марки с изображением Нансена наклеивались на паспорта вместо гербов, символизирующих власть государства, и давали законную силу документу. Из средств, собранных за эти марки, формировался особый фонд. Он использовался для облегчения переселения и устройства беженцев в заокеанских странах, прежде всего в Южной Америке.

В 1922 году Нансен был удостоен Нобелевской премии мира за свою работу по репатриации и натурализации лиц, перемещенных в результате Первой мировой войны. И до самого начала XXI века в разных странах оставались эмигранты и их дети, которые жили с нансеновскими паспортами и которые в конце концов получали гражданство Российской Федерации

28 октября 1933 года представителями 12 государств была подписана Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Она приравнивала русских и армянских

беженцев к «местным гражданам или иностранцам, наиболее привилегированным в силу международных соглашений», гарантировала беспрепятственный въезд и выезд из страны, выдававшей нансеновские паспорта, запрещала высылку беженцев за границу, кроме случаев преступления и нарушений общественного порядка.

Русская эмиграция была не только пестрой по составу, она отличалась многообразием политических мнений, суждений о странах и политиках. В начале 1920-х годов почти повсеместно наблюдалось усиление монархических настроений: рядовые беженцы надеялись, что им удастся сплотиться вокруг «вождя», который сможет защитить их интересы в изгнании, а в будущем добиться возвращения эмигрантов на родину. Им, как они надеялись, станет П. Н. Врангель или великий князь Николай Николаевич (Младший). Но позже эти надежды рухнули.

Хотя диаспора в Югославии, Китае и Аргентине оставалась в основном промонархической, эмигранты в Чехословакии, во Франции и в США считали более целесообразной демократическую форму правления. А в 1931 году в Харбине (Маньчжурия), где проживала большая русская колония, русские эмигранты образовали Российскую фашистскую партию.

В 1926 году в Париже прошел Российский Заграничный съезд, на котором была сделана попытка координировать деятельность эмигрантских организаций. Но к этому времени разброс мнений достиг такого уровня, что договориться на съезде нельзя было ни о чем.

Вторая мировая война расколола русскую эмиграцию на два лагеря: на прогерманский и антигерманский. Самым многочисленным из всех белоэмигрантских соединений, воевавших на стороне нацист-

ской Германии, был Русский корпус в Югославии, который сражался против партизан-коммунистов, возглавляемых Тито, а потом и с частями Красной армии. Но в самом Белграде большинство представителей русской эмиграции встали на сторону своей исторической родины,

Наиболее известными из ставших коллаборационистами эмигрантов были Петр Краснов и Андрей Шкуро.

Когда до белой эмиграции стали доходить сообщения о жестокости фашистов по отношению гражданскому населению на русской земле, число эмигрантов, поддерживающих Третий рейх, стало резко сокращаться.

День начала Великой Отечественной войны во многих русских общинах в Западной Европе был объявлен днем национальной мобилизации. Многие эмигранты воспринимали участие в антифашистском движении как возможность помочь Родине. Фактически же вдохновил их на войну против Германии Антон Иванович Деникин, который отказался даже под угрозой смерти сотрудничать с Германией и осудил всех, кто принял ее сторону.

История участия русских эмигрантов в движении Сопротивления началась уже в первые дни оккупации

Диплом участника французского Сопротивления, выданный Тамаре Волконской

Франции. По призыву генерала де Голля они самоотверженно включились в подпольную деятельность вместе с французскими патриотами.

Ими руководило не только чувство долга перед второй Родиной, но и желание внести свой вклад в борьбу с фашистскими оккупантами, которые вторглись в Россию.

Одной из первых подпольных ячеек в Париже была «Гражданская и военная организация», генеральным секретарем которой стала дочь русских эмигрантов – княгиня Вера Оболенская (Вики). Во многих городах оккупированной Франции этой организацией была создана разветвленная сеть. За неделю до нападения Германии на Советский Союз члены организации с большим трудом передали в Лондон добытое сообщение о готовящейся агрессии. Впоследствии, в 1944 году, разведывательные данные о дислокации немецких войск сыграли важную роль при высадке союзников в Нормандии.

Вера Оболенская была арестована, выдержала пытки и мучения, но гестапо сломить женщину не смогло. Оболенскую гильотинировали.

Научные сотрудники Музея человека в Париже Борис Вильде и Анатолий Левицкий организовали в подвале музея типографию, где печатались листовки, призывающие к сопротивлению оккупантам. Члены подпольной группы выполняли также задания разведывательного характера, получаемые из Лондона. Им удалось собрать и передать ценную информацию о строительстве гитлеровцами подземного аэродрома около города Шартр и базы для подводных лодок в Сен-Назере. По доносу осведомителя, который смог внедриться в группу, все подпольщики были арестованы. В феврале 1942 года Вильде, Левицкого и еще пятерых человек расстреляли.

Княгиня Волконская проживала недалеко от местечка Руфиньяк в департаменте Дордонь. Когда в округе появились партизанские отряды, состоявшие из советских солдат, она стала активно помогать им. Княгиня лечила и ухаживала за больными и ранеными, вернула в ряды Сопротивления десятки советских и французских воинов. Советские парти-

заны и французские «Маки» звали ее «Красной княгиней». В составе партизанского подразделения она участвовала в боях за освобождение городов в юго-западной Франции.

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева эмигрировала во Францию в 1920 году. В Париже она создала организацию «Православное дело», деятельность которой была направлена на оказание помощи нуждающимся соотечественникам. По особому благословению митрополита Евлогия она была рукоположена в монахини под именем матери Марии. Эта мужественная женщина и ее друзья укрывали в Париже бежавших из концлагеря советских военнопленных, спасали еврейских детей, помогали русским людям, которые обращались к ней за помощью, предоставляли убежище тем, кого преследовало гестапо.

Мать Мария погибла в концлагере Равенсбрюк 31 марта 1945 года.

Ариадна Скрябина (Сарра Кнут), дочь известного русского композитора, с самого начала оккупации активно включилась в борьбу с фашистами и их пособниками. Ее подпольная кличка – Регина. В июле 1944 года, за месяц до падения режима Виши, Ариадна была убита на явочной квартире в Тулузе петеновским жандармом.

Подсчитано, что на французской земле с фашистами сражалось более 35 тысяч советских солдат и русских эмигрантов. 7,5 тысяч погибли в боях с врагом. На кладбище в коммуне Валлеруа, где похоронены советские участники движения Сопротивления, после окончания войны на этом кладбище был установлен мемориал «Чаша памяти». А на кладбище Пер-Лашез установлен памятник русским участникам движения Сопротивления во Франции, созданный скульптором Суровцевым и архитектором Пасенко.

За 1921–1931 годы в РСФСР и другие республики СССР возвратились 181 432 эмигранта. Из русской эмигрантской колонии в Китае, составлявшей почти 400 тысяч человек, не менее 100 тысяч получили в 1922–

Ариадна Скрябина (подпольная кличка – Регина)

1923 годах советские паспорта, не менее 100 тысяч человек репатрировались в эти годы в Советскую Россию. Но большая часть белой эмиграции в Европе была тогда категорически против репатриации и вступила в идейную борьбу против «возвращенцев».

Новый всплеск «возвращенческих» настроений относится уже к периоду непосредственно после Второй мировой войны. 14 июня 1946 года Верховный Совет СССР издал указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». И многие русские эмигранты, решив стать гражданами СССР, вскоре получили советские паспорта. «Союз советских граждан во Франции» объединял в своих рядах одиннадцать тысяч членов. Затем, в соответствии с указами Президиума Верховного Совета такое же право получили и эмигранты, находившиеся в Китае.

Процесс репатриации продолжался почти два десятилетия. Тысячи русских людей и их дети вернулись на Родину.

А. И. ДЕНИКИН: «НАС РАССУДИТ БОГ И ИСТОРИЯ»

Деникин оставил заметный след в истории России не только как боевой генерал, но и как писатель и мемуарист, обеспечивший историков важными документальными свидетельствами о событиях трех войн — Русско-японской, Первой мировой, Гражданской — и революции 1917 года

ВИССАРИОН ТУГУШИ,
историк

Талантливый военачальник, награжденный десятью высокими орденами Российской империи, Георгиевским оружием с бриллиантами, многими медалями, а также тремя иностранными орденами, Антон Иванович Деникин оставил заметный след в истории России не только как боевой генерал, но и как писатель и мемуарист, обеспечивший историков важными документальными свидетельствами о событиях трех войн — Русско-японской, Первой мировой, Гражданской — и революции 1917 года.

Деникин родился 4 (16 декабря) 1872 года в пригороде Влоцлавка, уездного города Варшавской губернии Российской империи, в семье отставного майора пограничной стражи. Отец будущего генерала происходил из крепостных крестьян Саратовской губернии. Он прослужил в армии 35 лет, участвовал в Венгерской, Крымской и Польской кампаниях. Мать была полькой по национальности из семьи обедневших землевладельцев.

Деникин с детства мечтал пойти по стопам отца и поступить на военную службу. В 1890 году, после окончания реального училища, он был зачислен вольноопределяющимся в стрелковый полк, о затем поступил в Киевское пехотное

юнкерское училище. По окончании двухлетнего курса в училище он был произведен в подпоручики и стал служить в артиллерийской бригаде в 159 верстах от Варшавы. Деникин был исполнительным,

Антон Деникин в 1914 году

дисциплинированным и грамотным офицером, и его рекомендовали для учебы в Николаевской академии Генерального штаба. Окончив ее, он мог остаться служить в Генштабе, но предпочел вернуться в войска.

То были сложные времена, начиналась Русско-японская война. Капитан Деникин добился разрешения быть откомандированным в действующую армию. В начале 1904 года он отбыл в Москву, откуда ему предстояло ехать в Харбин. В этом же поезде ехали на Дальний Восток адмирал Макаров и генерал Ренненкампф.

До поздней осени Деникин служил в Манчжурии, а затем, уже в чине подполковника, принял должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии. Вскоре одна из сопок в зоне действия дивизии получила название «Деникинская» — за то, что он, возглавив штыковую атаку, отбил японское наступление. В феврале — марте 1905 года он участвовал в Мукденском сражении. Став начальником штаба Урало-Забайкальской дивизии генерала Мищенко, которая специализировалась на конных рейдах в тыл противника, разработал ряд планов глубоких рейдов.

«За отличие в делах против японцев» 33-летний офицер был произведен в полковники и награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантами и Святой Анны 2-й степени с мечами.

В 1906–1914 гг. полковник Деникин написал ряд статей, которые

посвятил анализу боев Русско-японской войны. Рассматривая возможность австро-германского нападения, он высказывал свое мнение о необходимости проведения реформ в армии, быстрее развития автотранспорта и военной авиации и даже предлагал созвать съезд офицеров Генерального штаба для обсуждения насущных проблем.

Накануне Первой мировой войны Деникин, получив чин генерал-майора, был утвержден в должности генерал-квартирмейстера 8-й армии генерала Брусилова.

Бои в Первой мировой войне, начавшейся 19 июля (1 августа) 1914 года, поначалу были успешными для 8-й армии, в штабе которой служил Деникин. Армия перешла в наступление и уже 3 сентября взяла Львов. В тот же день, узнав, что предыдущий командир 4-й стрелковой бригады получил новое назначение и желая перейти со штабной на строевую должность, Деникин подал прошение о назначении его командиром этой бригады, которое было тут же удовлетворено Брусиловым.

Бригада Деникина воевала блестяще: взяла село, в котором находился передовой штаб группы эрцгерцога Иосифа (тому пришлось поспешно бежать), а в ноябре 1914 года, воюя в Карпатах, захватила город и станцию Мезоляборч.

В 1915 году армии Юго-Западного фронта отступали либо находились в обороне. Но в сентябре 1915 года Деникин неожиданно приказал своей дивизии перейти в наступление. В результате стремительного удара был взят город Луцк, захвачено в плен 158 офицеров и 9773 солдата. За взятие Луцка Деникин был произведен в генерал-лейтенанты.

И победных сражений такого рода у него было немало!

Февральская революция застала Деникина на Румынском фронте. Генерал встретил ее сочувственно: личные взгляды Деникина, как пи-

шут историки, были близки кадетским. Но весной 1917 года на военном съезде в Могилеве Деникин выступил с резкой критикой политики Керенского, направленной на демократизацию армии. Он призвал упразднить солдатские комитеты и добиться прекращения политических диспутов в армии.

В августе 1917 года Деникин был назначен командующим Юго-Западным фронтом. С трудом пробравшись в Новочеркасск, он принял участие в создании Добровольческой армии. К январю 1918 года Деникину удалось собрать под свои знамена 4000 бойцов. Вскоре его части вступили в первые бои с отрядами Антонова-Овсеенко. Они

понесли большие потери, но сдержали наступление Красной армии.

После гибели генерала Корнилова Деникин возглавил Добровольческую армию, которая в июне 1918 года насчитывала около 9 тыс. бойцов, в то время как у Красной армии на юге России было около 200 тыс. солдат. Но Деникин рассчитывал на способности своих офицеров и выучку солдат.

Кубанский поход Деникина завершился разгромом почти 100-тысячной кубанской группировки красных войск и взятием столицы кубанского казачества — Екатеринодара.

1919 год начался с наступления войск Южного фронта красных, в результате чего развалился фронт Донской армии. Это дало возможность Деникину подчинить себе казачьи войска Дона. Реорганизация войск положила начало созда-

Деникин в танковых частях Добровольческой армии

нию Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Во ВСЮР также вошли Кавказская (позже Кубанская) армия и Черноморский флот.

К лету 1919 года Деникин сосредоточил против Южного фронта 8–9 пехотных и две конные дивизии общей численностью 31–32 тысячи человек. Разгромив большевиков на Дону, дивизии повели наступление вглубь страны, овладели Каменноугольным районом — топливно-металлургической базой юга России, — заняли обширные плодородные районы Северного Кавказа. Добровольческие войска взяли Харьков, Екатеринослав, Царицын. Анализ военных документов показал, что генерал проявил в то время свои лучшие военно-организаторские качества, нестандартное стратегическое и оперативно-тактическое мышление, искусство гибкого маневра.

Деникин с дочерью Мариной в эмиграции

Деникин официально признал власть адмирала Колчака как Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего. А в июле 1919 года он издал директиву, в которой объявил целью кампании захват Москвы – «сердца России». Войска ВСЮР под общим руководством Деникина начали свой Московский поход.

В середине 1919 года были достигнуты значительные военные успехи на Украине. Армиями Деникина были взяты Полтава, Николаев, Херсон, Одесса и Киев. При взятии Киева добровольцы вступили в конфликт с частями УНР и Галицкой армии. Деникин, не признававший легитимности Украины и украинских войск, потребовал разоружения сил УНР и возвращения солдат по домам для последующей мобилизации. Украинцы отказались, и между ВСЮР и петлюровцами начались бои. В ноябре 1919 года петлюровские и галицийские войска потерпели на Правобережной Украине полное поражение, а с галичанами был заключен военный союз, в результате которого Галицкая армия вошла в состав ВСЮР.

Сентябрь и первая половина октября 1919 года были временем наибольшего успеха сил Деникина на центральном направлении. Нанеся в августе – сентябре 1919 года тяжелое поражение армиям Южного фронта красных, его войска,

преследуя разбитые части, стали стремительно продвигаться к Москве. Они взяли Курск, Воронеж, Чернигов, Орел и намеревались взять Тулу. Численность войск, подчиненных Деникину, возросла до 150 тысяч человек, в их составе были теперь бронетанковые подразделения. Под контролем Деникина оказались территории

более полутора десятков губерний с населением 42 миллиона.

Но с середины октября 1919 года положение его армий ухудшилось. Тылы были разрушены рейдом повстанческой армии Нестора Махно по Украине, прорвавшего в конце сентября фронт белых в районе Умани, а большевики, заключив негласное перемирие с поляками и петлюровцами, высвободили силы для борьбы с Деникиным. Из-за перехода с добровольческой на мобилизационную основу комплектования армии качество вооруженных сил Деникина падало, большое количество военнообязанных предпочитало под разными предлогами оставаться в тылу, а не идти на войну. Все меньше крестьян поддерживало белых.

«Когда над бедной нашей страной почит мир, и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первыми поднялись на защиту России от красной напасти».

Антон Деникин

В октябре Красная армия, имея трехкратное превосходство, перешла в контрнаступление и стала теснить белых по всей линии фронта. Зимой 1919–1920 годов войска ВСЮР оставили Харьков,

Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону. После отступления остатков Добровольческой армии в пределы казачьих областей, уже обладая полученным от Колчака титулом Верховного правителя, Деникин попытался сформировать так называемую «южнорусскую модель государственности», основанную на объединении добровольческих, донских и кубанских руководств. Но к марту 1920 года, когда армия отступила к Новороссийску, утратив контроль над казачьими областями, этот план рухнул.

Войска Деникина начали отступать на юг по всему фронту шириной более 400 км.

Донская армия, которой было предписано занять оборону на Таманском полуострове, вместо этого, смешавшись с добровольцами, отступила к Новороссийску. Кубанская армия также ушла с позиций и откатилась к Туапсе. Беспорядочное скопление войск у Новороссийска ухудшило положение. Началась наспех организованная эвакуация в Крым.

Там Деникин попытался осуществить реорганизацию армии, восстановить боеспособность войск. Но в армии и среди генералитета нарастало недовольство Деникиным и его последними действиями.

В этих условиях Военный совет ВСЮР в Севастополе рекомендовал Деникину передать командование Врангелю. Деникин, оскорбленный необоснованными обвинениями, объявил о своей отставке и назначил Врангеля своим преемником. В тот же день на английском миноносце он покинул Крым и направился в Константинополь. Он еще не знал, что покинул Россию навсегда.

Перебравшись затем в Лондон, он прожил там всего нескольких месяцев и в августе 1920 года переехал в Бельгию – в знак протеста против желания британского правительства заключить мир с Советской Россией. В Бельгии он начал работать над фундаментальным исследованием о

Гражданской войне под названием «Очерки русской смуты». Из Бельгии переехал в Венгрию, где прожил три года и завершил работу над последними томами «Очерков». Они были изданы в Париже и Берлине, переведены и изданы с сокращениями на английском, французском и немецком языках.

Весной 1926 года Деникин с семьей поселился в Париже. Здесь Антон Иванович занимался не только литературной, но и общественной деятельностью. Начал работу над автобиографической повестью «Моя жизнь». Часто выезжал в Чехословакию и Югославию для чтения лекций по русской истории. А в 1931 году завершил работу «Старая армия», представляющую военно-историческое исследование Русской императорской армии до и во время Первой мировой войны

С приходом нацистов к власти в Германии Деникин выступил с осуждением политики Гитлера. В отличие от ряда эмигрантских деятелей, планировавших участие в боевых действиях против Красной армии на стороне Германии и ее союзников, Деникин выступал за необходимость поддержки Красной армии против любой агрессии. Он полагал, что защита Родины приведет к пробуждению русского духа в рядах этой армии и она свергнет большевизм в России.

Начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 года) застало генерала Деникина на юге Франции, куда он выехал из Парижа для работы над своим трудом «Путь русского офицера».

Деникин отказался регистрироваться в немецкой комендатуре как лицо без гражданства (русские эмигранты являлись таковыми), мотивируя тем, что является подданным Российской империи, и это подданство у него никто не отбирал. В 1942 году немецкие власти предложили

решено медикаменты принять, но имя дарителя не публиковать. После капитуляции Германии Деникин возвратился в Париж.

В СССР оценили патриотическую позицию Деникина в годы войны, и Сталин не требовал от союзников депортации генерала. Но сам Деникин решил не рисковать и переехал в США, где продолжил работу над книгой «Моя жизнь».

7 августа 1947 года Антон Иванович Деникин скончался от сердечного приступа в больнице Мичиганского университета и был похоронен на кладбище в Детройте с воинскими почестями. 15 декабря 1952 года по решению белоказачьей общины США останки генерала Деникина перенесли на православное казачье Свято-Владимирское кладбище в городок Кесвилл, в штате Нью-Джерси.

2 октября 2005 года прах генерала Деникина и его жены Ксении Васильевны вместе с останками русского философа Ивана

Могила А. И. Деникина и К. И. Деникиной на Донском кладбище

Деникину сотрудничество и переезд в Берлин. Они требовали, чтобы он возглавил антикоммунистические силы из числа русских эмигрантов под эгидой Третьего рейха, но генерал решительно отказался.

Хотя Деникин оставался противником советского строя, он призывал эмигрантов не поддерживать Германию в войне с СССР. Он называл коллаборационистов «мракобесами», «пораженцами» и «гитлеровскими поклонниками». В 1943 году Деникин на личные средства направил Красной армии вагон с медикаментами, чем озадачил советское руководство. Было

Ильина и его супруги Натали Николаевны был перевезен в Москву для захоронения в Донском монастыре, которое было совершено на следующий день.

Перезахоронение осуществлялось по поручению Владимира Путина и Правительства Российской Федерации и с согласия дочери Деникина – Марины Деникиной-Грей. Организовал погребение Российский Фонд культуры. Спустя четыре года Путин поручил изготовить новые надгробия, а затем утвердил их эскизы. Все работы были проведены на личные средства российского лидера.

ИСТОРИЯ

БАРОН ВРАНГЕЛЬ

**Главнейшим событием в жизни Врангеля была Крымская эвакуация
осени 1920 года, годовщину которой мы отмечаем сегодня**

Князь МАКСИМ ВОЛКОНСКИЙ

Барон Петр Николаевич Врангель – одна из самых значительных личностей не только Белого движения и эмиграции, но и всей русской истории XX столетия. Уже в изгнании Петр Николаевич стал формальным и неформальным лидером Белой эмиграции. И это среди многочисленных политических и других известных генералов, не считая великих князей и лидеров политических партий консервативного и либерального толка, претендовавших на лидерство в эмигрантской среде.

До настоящего времени жизнь и деятельность Врангеля не удостоились основательного научного исследования, хотя ему уделялось и уделяется значительное внимание в научно-популярной литературе и массмедиа. До сих пор основным источником оста-

ются воспоминания очевидцев и участников Гражданской войны. А образ, формируемый массмедиа, отличается схематизмом и примитивными клише.

Великий князь Николай Николаевич Романов после кончины Врангеля писал: «В Великую Войну барон Врангель начал свое славное поприще геройской атакой во

главе 3-го эскадрона Конной Гвардии, взявши в конном строю действующую германскую батарею. Затем блестяще командовал кавалерийскими частями до дивизии включительно. В Гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой армии, он одержал ряд славных побед. С назначением Главнокомандующим Добровольческой армией вселил в нее дух, давший ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу с превосходящими силами врагов».

Сейчас мало кто помнит, что деятельность барона Врангеля приходилась на тот период, когда Антанта уже утратила надежду на успех антисоветских сил в вооруженной борьбе против Красной армии и фактически не поддерживала Русскую армию. Не учитывается и то, что к

осени 1920 года, после окончания Советско-польской войны, Красная армия смогла сконцентрировать все свои силы для нанесения решающего удара по Крыму. И до

сих пор нет комплексного анализа полководческого противостояния П.Н. Врангеля и М.В. Фрунзе, а это ключевой этап борьбы Русской армии с большевиками.

Конечно, главнейшим событием в жизни Врангеля была Крымская эвакуация осени 1920 года, годовщину которой мы отмечаем сегодня. Еще великий князь Николай Николаевич признавал: «После беспрецедентной эвакуации Крыма генерал барон Врангель на чужбине, при самых тяжелых обстоятельствах, сохранил кадры доблестных частей Армии. Благодарное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего барона Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех русских людей».

Однажды Врангель признался своему другу, генералу Шатилову, что в жизни у него было всего два страстных увлечения: война и охота. Он жаждал битв и получил их сполна. Военная профессия – это безусловная дисциплинированность, а Врангель отличался еще веселым нравом и, по свидетельству многих, знавших его лично, всегда был душой компании.

Талант Врангеля не сводился только к военному делу, и это, безусловно, привлекало к нему людей. От своего отца он унаследовал литературный талант, проявившийся в зарисовках военного быта времен Русско-японской войны. Эти очерки были опубликованы матерью Врангеля и получили высокую оценку благодаря живым и ярким описаниям тех чувств, которые испытывали солдаты и офицеры на войне. Врангель был военным до мозга костей, что подтверждал и его близкий друг Шатилов.

Помимо таланта военачальника, Врангель обладал и организаторскими способностями, которые реализовал в управлении Крыма в 1920 году. Он быстро проникал в суть вопроса и без промедления принимал решение – как в военном деле, так и при решении

гражданских вопросов. Однако иногда это работало против него, поскольку опыта в гражданском управлении у Врангеля не было; кроме того, подобно многим русским офицерам, ставшим свидетелями крушения Российской империи, он не доверял бюрократам и политикам. Вследствие этого в крымский период Врангеля немало критиковали, особенно представители общественных организаций и политических партий.

Врангель неоднократно заявлял, что оценивает человека исключительно по способностям, а не по положению в обществе. Если бы дело обстояло иначе, список командиров его армии выглядел бы совершенно по-другому.

Не будучи почитателем Врангеля, лидер кадетов Василий Маклаков в письме к бывшему послу Временного правительства в Соединенных Штатах Борису Бахметьеву, писал: «С Врангелем мы дошли бы до Москвы». Маклаков признавал способности Врангеля и понимал, что во времена Гражданской войны только человек исключительной чести и силы воли способен еще противостоять страшным разрушительным силам.

И вот, в 1920 году Белые войска оказались «заперты» на Крымском полуострове. Врангель понимал, что разгром его войск силами подходящих с севера частей Красной армии неизбежен. Помощь союзных держав, которая могла это предотвратить, была недостаточной.

Но Врангель сумел организовать успешную эвакуацию из Крыма, беспрецедентную по своим мас-

Ольга Михайловна и Петр Николаевич Врангели

штабам и трагизму. Это была тяжелейшая работа для Врангеля и его штаба. Благодаря ему десятки тысяч беженцев были благополучно переправлены в Константинополь.

По прибытии на берега Босфора Врангель отдал все свои силы делу сохранения армии в условиях жесткого давления со стороны бывших союзников по Антанте. Врангель еще надеялся, что они смогут в ближайшем будущем вернуться в Россию и возобновить вооруженную борьбу с большевизмом, который он считал угрозой мировой цивилизации. Но советская власть укрепилась, а Русская армия рассеялась по всей Европе и миру, и стало ясно, что армия обречена на вечное изгнание. И даже в этой ситуации Врангель не переставал заботиться о своей армии, оказывая ей действительную помощь в условиях практически полного отсутствия поддержки от бывших союзников. За эту заботу он достоин благодарной памяти не меньше, чем за свои военные заслуги.

Любовь и уважение в среде военных и гражданских беженцев, абсолютно справедливо заслужила и его жена. Роль Ольги Михайловны в жизни Врангеля невозможно переоценить. Она уже спасла его от смерти, когда он лежал больной тифом и врачи не верили в его выздоровление. Бывшая фрейлина, она в годы Первой мировой войны была сестрой милосердия русского Красногоспкреста, работала в прифронтовых госпиталях. В Крыму она посвятила себя благотворительности, опекая военные госпитали. В Константинополе, в Сремских Карловцах и в Брюсселе Ольга Михайловна продолжала благотворительную деятельность. Она часто отправлялась в поездки, даже в США, чтобы организовать сбор средств

Митрополит Антоний (Храповицкий) — первоиерарх Русской зарубежной церкви, генерал П.Н. Врангель с женой Ольгой Михайловной

для беженских санаториев, которые она создала на Балканах.

После Константинополя и Сербии Петр Николаевич с семьей обосновался в Брюсселе, где заканчивал работу над своими воспоминаниями и занимался главным своим делом в тот период – Русским общевоинским союзом (РОВС).

Первый раз Врангель стал чувствовать себя плохо в конце 1927 года. Силы постепенно покидали его, и 27 декабря он слег. Несмотря на болезнь, он нашел в себе силы и посетил собрание бывших военнослужащих Дроздовского полка. После этого визита состояние его резко ухудшилось. В результате медицинского обследования, проведенного лучшими брюссельскими и русскими врачами, у Врангеля были выявлены возбудители туберкулеза: Петр Николаевич болел скоротечной чахоткой. Наступили мучительные дни для Врангеля, он страдал от болей и часто был без

сознания. Часами он бредил, представляя сражения Гражданской войны. Сидя в постели и яростно жестикулируя, хриплым голосом отдавал приказы, направляя войска на опасные участки фронта. Сидевшим у его постели казалось, что перед ними вновь разворачиваются события военного времени. Затем,

измученный, обливающийся потом, он без сил падал в подушки, совершенно не помня тех тирад, которые еще более подрывали его и без того скудеющие силы. Жена Врангеля Ольга Михайловна не уходила от мужа.

Из Парижа приехал его верный боевой друг – генерал Шатилов, с которым они прошли войны, Гражданскую войну и эвакуацию. Они долго говорили об армии и ее дальнейшей судьбе. Все искренне надеялись на чудо...

Но 28 апреля 1928 года, в девять часов утра, Петр Николаевич Врангель скончался на руках жены. Его последними словами были: «Я слышу колокольный звон... Боже, храни армию!»

В 11 часов утра 28 апреля первую панихиду по Врангелю совершил архиерей Василий Виноградов в присутствии семьи и близких друзей. В тот же день барон был похоронен по православному обычаю

на брюссельском кладбище после скромной церемонии.

Соратники Врангеля собрались у его друга и бессменного секретаря Котляревского, где было решено собрать и перевести сумму в 25 тысяч франков на имя Котляревского для покрытия расходов на похороны Врангеля, а также медицинских расходов семьи во время его последней болезни. Участники встречи также просили генерала Миллера ходатайствовать перед великим князем Николаем Николаевичем о выделении матери Врангеля Марии Дмитриевне ежемесячной пенсии в 1000 франков. Подобное же обращение было направлено в финансовый совет Совещания русских послов для покрытия расходов на образование троих детей Врангеля в

Бельгии. Подобная просьба была в порядке вещей, такие пособия выплачивались семьям покойных адмирала Колчака, генералов Алексеева, Корнилова и Маркова.

Врангель завещал, чтобы его останки были погребены в Белграде. Для организации перезахоронения в Сербии учредили комитет, который принял решение инициировать среди эмигрантов сбор средств на эти цели.

Особое внимание уделялось судьбе личного архива Врангеля. Было решено, что на время он останется у Ольги Михайловны и вместе с Котляревским они затем решат, где будут храниться бумаги в дальнейшем. В настоящее время они хранятся в архиве Стэнфордского университета.

А во всех центрах Русского зарубежья тогда состоялись поминальные богослужения – все православные храмы были переполнены. Печальная весть долетела во все

отдаленные уголки земли, где жили солдаты и офицеры Русской армии. Некоторые офицеры, узнав о смерти Врангеля, стрелялись...

Прошло полтора года, прежде чем были решены все финансовые и организационные вопросы, касающиеся перезахоронения, и назначена дата официальной церемонии в Белграде: воскресенье, 6 октября 1929 года.

На церемонии присутствовали Ольга Михайловна, мама Мария Дмитриевна, дети Елена, Наталья, Петр и Алексей, секретарь Котляревский, генералы Шатилов, Архангельский, Кутепов, Барбович, а также Гартман, который представлял Конногвардейский полк, где служил Врангель; вместе они несли гроб от поезда до могилы. Был выставлен почетный караул из военнослужащих Корниловского полка. За гробом казак вел белого командирского коня, вдоль всей дороги стояли казаки с саблями наголо. В процессии принимали участие полк сербских войск и несколько русских полков, делегации русских студентов-эмигрантов, учащихся кадетского корпуса и общественных организаций. На церемонию перезахоронения праха генерала Врангеля прибыли представители всей Зарубежной России. Присутствовали представи-

Барон Врангель с сестрами милосердия

тели 76 эмигрантских колоний из Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии и Италии, десяти благотворительных организаций, семи научных групп, девяти культурно-просветительских и четырех художественных союзов, а также представители всех полков и дивизий Русской армии в изгнании. Два военных оркестра исполняли траурную музыку, у ворот кладбища стоял почетный караул из конногвардейцев. На церемонии присутствовал премьер-министр

Королевства сербов, хорватов и словенцев вместе с самим королем Александром, который когда-то учился и служил в России.

Врангель никогда не получал при жизни таких почестей и внимания, которых был, несомненно, достоин. И только теперь, в эмигрантских военных кругах Врангеля стали воспринимать как выдающегося полководца.

Смерть Врангеля вызвала много слухов об отравлении, подозревали прибывшего в брюссельский дом Врангелей брата их ямщика. На самом деле, у Петра Николаевича был выявлен туберкулез, а преднамеренное заражение возбудителем этой болезни невозможно, поскольку требует длительного вдыхания зараженного воздуха. В двадцатые годы туберкулез все еще был неизлечимой болезнью, от которой ежегодно умирали тысячи и тысячи европейцев и тысячи русских эмигрантов.

Слухи об отравлении Врангеля агентами ОГПУ начали распространяться с новыми силами после того, как из Парижа советскими агентами были похищены его премники на посту главы РОВСа – генерал Кутепов в 1930 году и генерал Миллер в 1937 году. Но Врангеля погубило чрезмерное перенапря-

жение душевных и физических сил, которое он испытывал в последние годы жизни, – такую физическую и моральную нагрузку никогда бы не выдержал простой человек. Ведь в

апреле 1920 года он принял крест командования вооруженными силами Юга России. Врангель сразу стал предпринимать меры по наведению порядка в разваливающейся армии и организовывать гражданскую жизнь в Крыму. Добавились напряженные отношения с прежними союзниками по Антанте – Францией и Великобританией.

Узнав о заключении советско-польского мира в сентябре 1920 года, Врангель понял, что участь белых предрешена. Он начал готовить эвакуацию войск из Крыма и провел ее с впечатляющим успехом. Уже в Константинополе Врангель начал новые политические сражения за материальное обеспечение беженцев и их дальнейшую судьбу. В Сербии Врангель основал РОВС, но после нескольких лет интриг и раздоров в эмигрантской среде вынужден был в 1926 году передать руководство РОВС человеку, которому не слишком доверял, – великому князю Николаю Николаевичу. В итоге, переутомленный Врангель переехал в Брюссель, где прожил всего 14 месяцев. К своим 48 годам Врангель сделал все, что мог, чтобы сохранить армию и спасти десятки тысяч людей...

После смерти мужа Ольга Михайловна прожила в Брюсселе до 1939 года, уехав затем в Америку

и поселившись у старшей дочери Елены. Она продолжала помогать санаториям в Сербии, постоянно собирая средства для них по всему свету. Ольга Михайловна скончалась 8 сентября 1968 года, ее похоронили на кладбище Новодивеевского русского православного монастыря в Америке.

И в эти осенние дни столетия великого Русского исхода мы будем с благодарностью вспоминать Петра Николаевича Врангеля и его супругу. Светлая им память!

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ИСХОД: ЭВАКУАЦИЯ ИЗ КРЫМА

Справочные материалы на основе Архива эмиграции в Париже: фрагменты машинописи и личных документов капитана 2 ранга, начальника оперативной части Русской эскадры Анатолия Федоровича Ульянина (1890–1975)

С 14 по 23 ноября 1920 года нового стиля, суда, вышедшие из портов Крыма, сосредотачивались в Константинополе. Первой задачей было разгрузиться от войск и беженцев, до выгрузки которых нечего было и думать о какой-либо работе на кораблях или правильном течении корабельной службы. Сразу по приходу в Босфор французским командованием снимались раненые и больные и размещались по госпиталям Константинополя и его окрестностей. Ввиду большого числа раненых и больных пришлось в дополнение к береговым госпиталям организовать на некоторых судах и плавучие госпитали. Для этой цели были предназначены транспорт «Ялта» и пароходы «Румянцев» и «Царевич Георгий».

После своза раненых и больных началась разгрузка войск и беженцев, для чего раньше всего надо было решить, кого считать беженцами, а кого действительно военными служащими. Был издан штабом командующего приказ, устанавливающий, что из числа военных и морских чинов могут считаться беженцами:

1. Все генералы и адмиралы, не пожелавшие остаться на службе или пожелавшие, но не получившие назначения.

2. Все штаб-офицеры, не получившие штатных назначений

3. Все штаб- и обер-офицеры, старше 43 лет, не пожелавшие добровольно остаться в составе Русской армии.

4. Все штаб-офицеры, обер-офицеры и солдаты, имеющие свидетельство непригодности к службе (четвертая категория).

5. Все офицеры независимо от чинов, имеющие специальное высшее военное и морское образование (генерального штаба, интенданты, артиллеристы, юристы, инженеры, электротехники), не получившие по специальности штатных должностей и не желающие остаться на должностях рядовых.

6. Все, имеющие третью категорию за болезнью и ранением.

Русская армия, перфорированная в три корпуса: 1-й корпус – регулярные войска, Донской (казачий) корпус и Кубанский (казачий), соответственно расселились: 1-й корпус – в Галлиполи, Кубанский – на острове Лемнос и Донской корпус – в лагерь в районе Чатаджа. Частные лица и военные, зачисленные в категорию беженцев, распределялись по лагерям Константинопольского района, а также отправлялись в Сербию, Болгарию и Румынию.

Особенно трудным периодом были первые дни по приходу в Константинополь, до разгрузки судов, так как за это время эвакуации почти на всех судах были израсходованы запасы провизии, а главное – воды. Вопрос с провизией наладился довольно быстро. С водой же дело осложнялось. Имевшиеся в распоряжении французской базы и Управления русского коменданта порта плавучие средства для доставки воды были недостаточны для ее подачи на 120 кораблей. Многие суда получили воду лишь на 5–6 сутки по приходу. Для выхода из этого тяжелого положения командующий флотом приказал 28 ноября срочно разгрузить от людей и грузов паровые шаланды «Аджадер» и «Иструан», а несколько раньше – «Сураж» и предназначить для подачи воды на рейд. Благодаря этим мерам и водяной вопрос стал налаживаться.

Приказом командующего Русской эскадрой от 25 ноября за номером 21 разрешалось на военных кораблях, и то только до организации специального транспорта при эскадре, оставаться семьям офицеров и матросов, имеющих штатные должности на этих судах. Членами семейств считались: 1) жена 2) дети 3) матери глав семейств. Все остальные члены семейств и родственники оставались в категории беженцев на общих

Пополнив запасы угля, воды и провизии, после сортировки войск по корпусам, транспорты, по соглашению русского и французского командования, начали переброску войск из Константинополя в Галлиполи – 1-й корпус – и в порт Мудрос на острове Лемнос – Кубанский корпус. В Константинополе высаживался и отправлялся в лагерь в район Чатаджа Донской корпус.

При свозке войск с судов французским командованием было приказано

тальных данных на их право на груз, в особо созданной комиссии. Грузы, принадлежащие Русскому правительству, должны были выгружаться средствами французского сухопутного командования и браться на учет.

Ввиду полной необорудованности в первое время лагеря в Галлиполи, отсутствия помещений, лазаретов и недостатка воды, были посланы в Галлиполи в распоряжение генерала Кутепова бывший линейный корабль «Георгий Победоносец» для жилья на нем войск, пароходы «Румянцев», а потом «Ялта» под госпиталь и транспорт номер 412 с запасом пресной воды. Кроме того, для рейдовой службы был послан буксир «Тайфун» и, по назначению французского коменданта Моды, одно парусное судно для доставок в Галлиполи дров.

1 декабря в Галлиполи вышли бывший линейный корабль «Георгий Победоносец» на буксире ледокола «Джигит», тральщик N 412 с пресной водой и буксир «Тайфун». Назначенному коменданту пункта выставки в Галлиполи капитану первого ранга Потапову, начальником штаба Русской эскадры было дано предписание идти с перечисленными судами в Галлиполи, где вступить в исполнение обязанностей старшего морского начальника.

На «Георгии Победоносце» предписывалось разместить для жизни воинские части по указанию генерала Кутепова. Принятую на тральщике номер 412 питьевую воду указывалось расходовать наиболее экономно и рационально, имея в виду, что этой воды должно хватить на продолжительное время.

По приходе Флота в Константинополь и после начала демобилизации пароходов, а также вспомогательных военных судов и формирования различных служб и учреждений, ставших теперь излишними, название «Флот» не соответствовало уже по своему количеству и составу русским вооруженным морским силам, а потому Черноморский флот был реорганизован в Русскую эскадру.

paris1814.com/exode

Офицеры Корниловского полка в Галлиполи

основаниях и должны были съехать на транспорты для направления к местам распределения беженцев, согласно распределению французского командования. Офицерам и матросам, не пожелавшим расстаться со своими родственниками, идущими в категорию беженцев, разрешалось также перейти в категорию беженцев. На основании этого приказа было предложено всем чинам морского ведомства, не получившим назначения, их семьям и членам семейств, не имевшим право оставаться при эскадре, эвакуироваться на пароходе «Владимир» в Катарро.

войска эти разгружать, так как официально разрешалось иметь в частях оружие в весьма ограниченном количестве лишь для несения караульной службы и ведения занятий. Однако это велось больше для формальности, и французское командование удовлетворялось очень небольшим количеством сдаваемого оружия, по большей части непригодного.

До выгрузки всех пассажиров, грузы оставались опечатанные в трюмах под личной ответственностью капитанов. Выдача частных грузов их владельцам производилась только после предъявления владельцами докумен-

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ РУССКИХ ИЗГНАННИКОВ

Культурологическое наследие русской эмиграции имеет историческое значение, и без признания этого факта нельзя представить русскую культуру XX века во всей ее полноте

РЕНЭ ГЕРРА

Октябрьский переворот и Гражданская война привели к исходу из России значительной части творческой интеллигенции. Русская культура оказалась расколота на две части: одна осталась на территории нового советского государства, другая – за его пределами. Русское «рассеяние» по праву может называться Зарубежной Россией, которая сберегла достояние дореволюционной эпохи и даже его преумножила. Перед русскими эмигрантами стояла важная цель – сохранить богатство русской культуры, по возможности развить ее и обогатить культурным влиянием тех стран, где изгнанникам выпало судьбой жить.

В мировой истории нет явления, по масштабу и культурному значению сравнимого с первой, послеоктябрьской, волной русской эмиграции. Великая страна, в переломный период своего развития, породила и великую эмиграцию.

Все творческие личности, «выплеснутые» из России (по мет-

кому выражению З. Н. Гиппиус), оставались в эмиграции со своим отечеством и мыслями, и душой. Будучи искренними и горячими

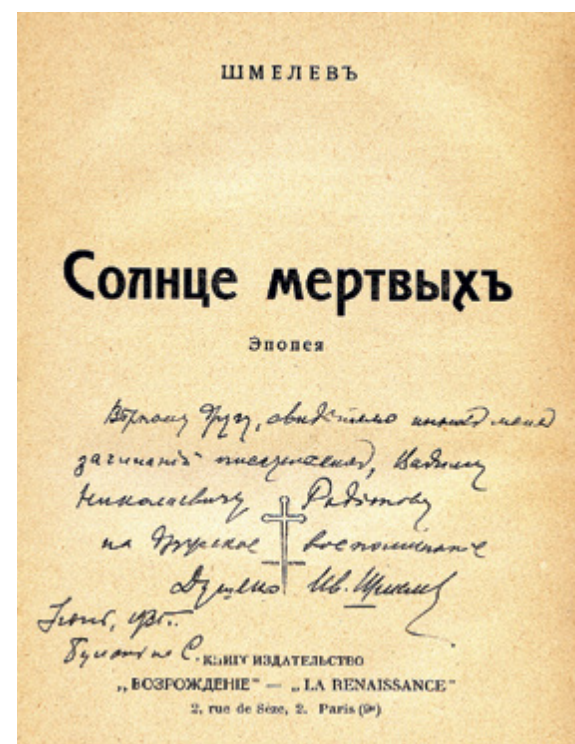
Ю. Анненков. Портрет Р. Герра. 1970 © Р. Герра

патриотами своей родины, они думали и писали не только о причинах революции, но и о желательном и возможном будущем

страны, о путях его достижения, о проблемах, трудностях и перспективах. В изгнании они сохранили веру в Россию, в ее историческое предназначение.

В XX веке были три волны русской политической эмиграции. Первая – послеоктябрьская, вторая – по окончании Второй мировой войны, а третья – с начала 1970-х годов. Последняя была реакцией творческой интеллигенции на отсутствие свободы творчества в СССР, а также на постоянное идеологическое и политическое давление власти. Самой массовой была первая волна, вызванная революцией и Гражданской войной в России. Количество бывших подданных Российской империи, оказавшихся на чужбине, с трудом можно определить даже примерными подсчетами. Данные колеблются от двух с половиной до десяти миллионов

человек, но, безусловно, самое главное – качественный состав первой волны русской эмиграции. За границей оказались практически вся

И. Шмелев. Солнце мертвых. Париж, 1924
Надпись автора В. Н. Родионову. © Р. Герра

аристократия, вся элита (интеллектуальная, политическая, военная), весь цвет русской творческой интеллигенции (философы, писатели, художники, композиторы, ученые и другие) того времени.

В период долгих десятилетий господства большевизма в России за ее рубежами образовался, благодаря многогранной деятельности эмиграции, целый пласт русской культуры, сформировалось особое культурное явление. К тому же эмигранты внесли значительный вклад в культуру принявших их стран, и прежде всего, Франции. Они достойно представляли русскую культуру во всех ее проявлениях – литературе, философии, изобразительном искусстве, драматическом театре, музыке, балете, опере, науке и общественной мысли, тем самым продолжая преданно служить отторгнувшему их отечеству. На чужбине обострился интерес к родной культуре, проявилось стремление сохранить ее достижения и передать следующим поколениям. Для творческих людей, оказавшихся в

«рассеянии», возникла значимая проблема сохранения своей идентичности.

Следствием культурного самоопределения стала постановка вопроса о цивилизационной идентичности самой России – вопроса, не утратившего своей важности и поныне. Исход так называемой белой эмиграции был самоотверженным и массовым актом нравственного противостояния русских людей неприемлемой для них новой большевистской реальности. Их уникальный опыт сохранения себя в иноязычной среде и чужой культуре

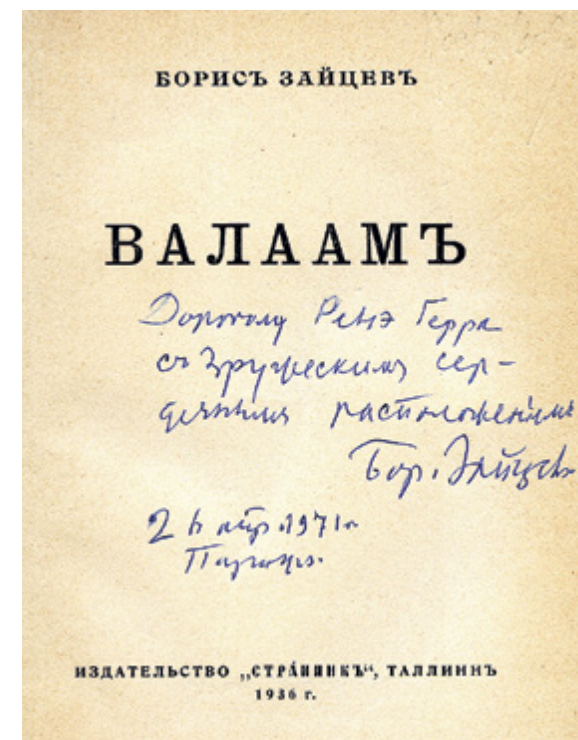
до сих пор весьма актуален, а их способность выживания в очень трудных психологических и материальных условиях достойна изучения.

Проблемы, вокруг которых в свое время велись споры среди русских эмигрантов, – о будущем России, о государственности и власти, об отношении к религии, о социальной справедливости, о взаимоотношениях интеллигенции и народа, – всегда игравшие первостепенную роль в духовной жизни русского общества, не утратили своего значения и сегодня. Обращение к гуманистическим, нравственным ценностям национальной культуры, сохраненным в наследии лучших представителей русской

эмиграции, может способствовать духовному оздоровлению современного российского общества.

Русские эмигранты, создавшие по выражению историка П. Е. Ковалевского «Россию вне границ», оставили огромное философское, литературное, художественное, историческое, социологическое наследие. Прошедшие тяжелейшие испытания и сохранившие чувство собственного достоинства, веру в лучшее будущее России, они являют собой пример мужества, высокой нравственности и духовной стойкости. Уместно вспомнить все, что писали в изгнании мыслители, богословы и философы: Л. П. Карсавин, Л. А. Зандер, И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. И. Шестов, Г. В. Флоровский, А. В. Карташев, Б. П. Вышеславцев, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, В. Н. Ильин, Н. С. Арсеньев.

Писатели и поэты старшего поколения смогли создать свои лучшие произведения: И. А. Бунин

Б. Зайцев. Валаам. Надпись автора Р. Герра.
© Р. Герра

(«Окаянные дни», «Товарищ Дозорный», «Красный генерал», «Митина любовь», «Солнечный удар», «Освобождение Толстого», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи», «Воспоминания»), Д. С. Мережковский («Тайна Запада», «Мессия», «Наполеон», «Данте», «Иисус Неизвестный»), З. Н. Гиппиус («Сияния», «Живые лица»), Б. К. Зайцев («Золотой узор», «Преподобный Сергей Радонежский», «Странное путешествие», «Путешествие Глеба», «Афон», «Валаам», «Анна», «Дом в Пасси», «Москва», «Далекое»), Н. А. Тэффи («Городок», «Авантюрный роман», «Воспоминания», «Ведьма», «О нежности», «Всё о любви»), А. И. Куприн («Юнкера», «Жанета»), И. С. Шмелев («Солнце мертвых», «Про одну старуху», «Няня из Москвы», «Богомолье», «Лето Господне», «Пути Небесные»), И. Д. Сургучев («Эмигрантские рассказы», повесть «Ротонда», «Детство императора Николая II»), А. М. Ремизов («Взвихренная Русь», «Звезда-надзвездная», «По карнизам», «Посолонь», «Пляшущий демон», «Подстриженными глазами», «В розовом блеске»), М. А. Алданов («Святая Елена, маленький остров», «Чертов мост», «Ключ», «Бегство», «Десятая симфония», «Истоки»), М. И. Цветаева («После России»), В. И. Иванов («Римские сонеты», «Человек»), В. Ф. Ходасевич («Собрание стихов», «Державин», «О Пушкине», «Некрополь»), Г. В. Адамович («На Западе», «Одиночество и свобода»), С. К. Маковский («Вечер», «Somnium Breve», «Год в усадьбе», «Круг и тень», «На пути земном», «Еще страница», «Реквием», «Портреты современников», «На Парнасе Серебряного века»), Саша Черный («Дневник фокса Микки», «Несерьезные рассказы», «Солдатские сказки»), К. Д. Бальмонт («Моё – Ей», «В раздвинутой дали», «Северное

сияние»), Г. В. Иванов («Розы», «Отплытие на остров Цитеру», «Распад атома», «Портрет без сходства», «Петербургские зимы»).

Писатели и поэты младшего поколения также внесли свой вклад: В. Набоков, Б. Темиряев (Ю. Анненков), М. Осоргин, И. Одоевцева, Н. Берберова, Б. Поплавский, Н. Оцуп, Б. Божнев, Д. Кнут, Ю. Мандельштам, В. Злобин, Ю. Терапиано, Г. Газданов, С. Шаршун, Л. Зуров, Я. Горбов, Р. Гуль, А. Седых, Г. Кузнецова, В. Вейдле, В. Варшавский, В. Яновский, И. Лукаш, Дон Аминадо, Ю. Фельзен, А. Штейгер, И. Кнорринг, Н. Туроверов, Н. Евсеев, В. Мамченко, В. Смоленский, Ю. Одарченко, Е. Бакунина, А. Головина, А. Присманова, Н. Кодрянская, С. Прегель, Е. Рубисова, А. Гингер, Г. Раевский, В. Дряхлов, Л. Червинская, А. Головина, О. Можайская, Т. Величковская, В. Емельянов, Ю. Иваск, И. Чиннов, А. Величковский, Б. Закович, З. Шаховская, Е. Таубер, Л. Андерсен и другие.

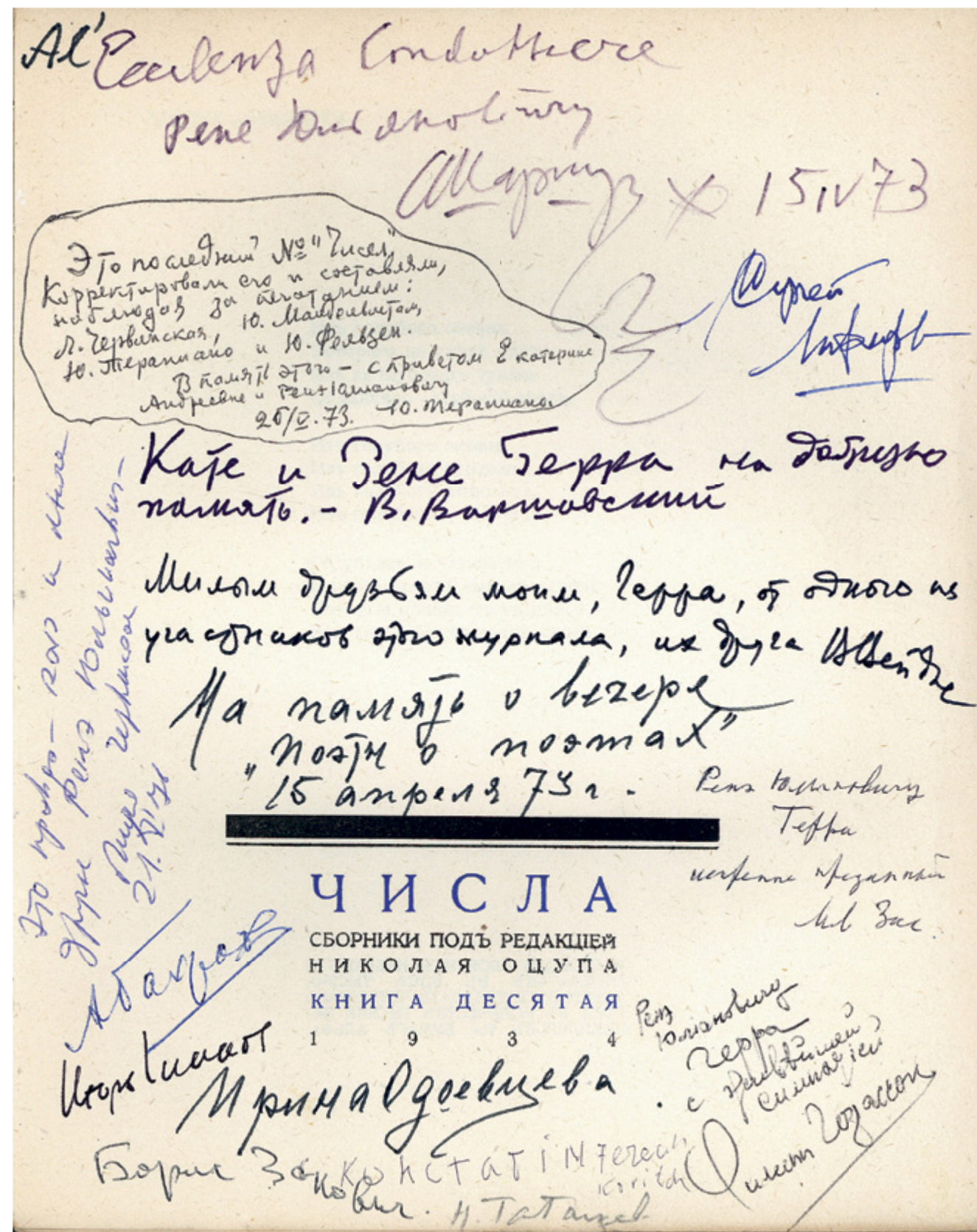
Представители эмигрантской интеллектуальной элиты блестяще опровергли общепринятый тезис советского литературоведения, согласно которому русский писатель или художник, оказавшись за рубежом, непременно становился жертвой творческого бесплодия. Главной сферой эмигрантской деятельности было то, что они смогли «унести с собой» на чужбину, – духовность. «И вот мы здесь, за рубежом – для того, чтобы стать голосом всех молчащих там, чтобы восстановить полифоническую целостность русского духа», – писал философ Г. П. Федотов в своей статье «Зачем мы здесь» (Современные записки. Париж, 1935. № 58).

В Париже оказались почти все художники знаменитого «Мира искусства» первого поколения: Л. Бакст, А. Бенуа, О. Браз, М. Добужинский, К. Сомов, К. Коровин, И. Билибин, Д. Стеллецкий, С. Судейкин, А. Шервашидзе, Н. Мил-

лиоти, Г. Лукомский, Н. Тархов, Н. Калмаков, С. Чехонин, Н. Гончарова, А. Яковлев. К ним присоединилась и более молодая, вторая волна их единомышленников и последователей – Б. Григорьев, В. Шухаев, З. Серебрякова, С. Сорин, Ю. Анненков, Д. Бушен, А. Арнштам... Благодаря славе довоенных дягилевских «Русских сезонов», а также своим профессиональным качествам – мастерству, опыту, тонкости вкуса, изобретательности, пониманию стиля эпохи и таким уникальным навыкам в сфере театрального искусства, как создание эскизов оригинальнейших декораций и костюмов, – русские художники быстро заняли достойное место в театральном и музыкальном Париже.

Наряду с мирискусниками для сцены начали активно работать П. Челищев, М. Васильева, А. Экстер, Р. Эрте (Тыртов), Л. Зак, Е. Берман, Ф. Гозиасон, Г. Лапшин, Б. Билинский, А. Бродович, С. Иванов, Н. Исаев, А. Алексеев, А. Зиновьев, С. Лисим, М. Андреев, Г. Пожедаев, А. Серебряков, Р. Добужинский, В. Жедринский, Г. Вахевич и др. Большинство из них были не только театральными художниками, но и замечательными оформителями книги: книжной графикой успешно занимались в Париже больше 160 русских художников. Ими были проиллюстрированы более тысячи книг, как французских, так и русских. Сейчас готовится к печати мой многолетний труд, трехтомник «Художники Зарубежной России в искусстве книги: 1920–1970». Горжусь тем, что я единственный французский славист, который не просто был знаком, но и дружил с очень многими писателями и художниками-эмигрантами.

Благодаря «великому исходу», Серебряный век, начавшийся в России в конце XIX столетия, не кончился в 1921 году со смертью А. Блока и расстрелом Н. Гумилева, а продолжился и завершился

Числа. Кн.10. Париж, 1934 Автографы С. Шаршуна, Ю. Терапиано, С. Лифаря, В. Варшавского, Л. Червинской, В. Вейдле, И. Одоевцевой, Л. Зака, А. Бахраха, И. Чиннова, Ф. Гозиассона, Б. Заковича, К. Терешковича, Н. Татищева. © Р. Герра

Мемуарно-
Историческая
Серия

Верному сообщнику
и другу Ремо Герра

Ирина Одоевцева

НА БЕРЕГАХ СЕНЫ

Этот первый экземпляр
в надежде на
"На берегах Сены"

Ирина Одоевцева
6 октября 1983 г.

И. Одоевцева. На берегах Сены. Париж, 1983. Надпись автора Р. Герра

в конце 1950-х годов в Париже, ставшем с 1924 года политической и культурной столицей Зарубежной России.

Провидчески выразила смысл «Великого исхода» З.Н. Гиппиус: «Мы – не в изгнании, мы – в послании». Грядущая Россия и ее культура – единственный адрес этого послания, духовно-нравственное оправдание исхода из России после «окаянных дней». И.А. Бунин на собрании русских эмигрантов 16 февраля 1924 года в Париже утверждал: «Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас».

Русские интеллигенты-эмигранты считали себя носителями и хранителями национальной культуры, у них была, несомненно, исключительная, историческая миссия. Во-первых, они считали своей главной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прервалась связь времен и поколений, чтобы сохранялась основа для будущего возрождения России. Во-вторых, они видели свой долг в том, чтобы познакомить Запад с достижениями русской мысли и культуры. Несмотря на все сложности и всевозможные препоны, послеоктябрьская эмиграция выступала активным посредником в диалоге между Россией и Западом. Можно смело утверждать, что она, безусловно, выполнила свою нелегкую миссию. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в непростой эмигрантской жизни национального чувства, препятствовали ассимиляции. Жилось очень трудно, но свобода мысли и творчества искупала многое. «Не будем проклинать изгнанье», – писал В. Набоков.

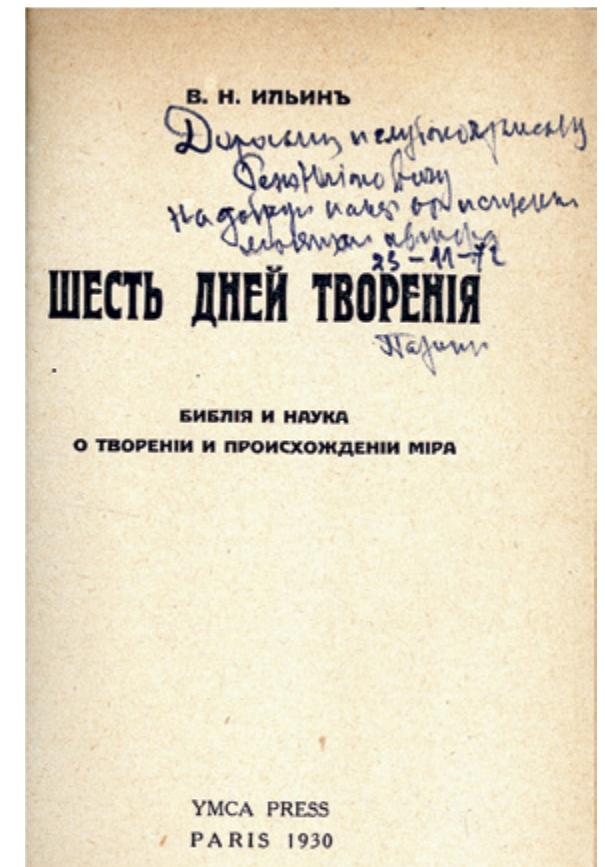
Русские изгнанники стремились доказать всему миру, что Россия, несмотря на тяжелые испытания и унижения, выпавшие на ее долю, не

только не погибла, но по-прежнему обладает огромным потенциалом нерастраченных творческих сил, и в этом – залог будущего возрождения. Рассматривая себя как неотъемлемую часть России, они продолжали созидать во имя ее будущего. Униженные, изгнанные из большевистской России, объявленные врагами, верные сыны и дочери сохранили любовь к Родине, веру в ее возрождение. Осмысление культуры, представленное в наследии русских эмигрантов, демонстрирует понимание культуры как целостной системы. Для изгнанников русская культура отождествляется, прежде всего, с православной, и поэтому они верят, что только на пути возрождения и поддержки духовных основ культуры возможно преодоление кризисных явлений культуры. В свою очередь, духовная и творческая деятельность человека невозможна без гарантии личной свободы.

Сегодня проблема сохранения культурной памяти о дореволюционной и Зарубежной России за последние тридцать лет все более отчетливо вырисовывается в общественном сознании. Культурное наследие Зарубежной России может и должно внести весомый вклад в духовное единство народа. Ныне проблема сохранения культурной памяти и культурного наследия представляется одной из важнейших задач, без решения которой невозможно обеспечить целостность России. Культурное наследие как фактор коллективной идентификации рассматривали русские ученые Д.С. Лихачев и С.С. Аверинцев. Для

современной России осмысление проблемы культурно-исторического наследия должно сыграть роль того духовного основания, на котором может быть укреплено ее единство. Все это невозможно без опыта и наследия Зарубежной России.

Культурологическое наследие русской эмиграции имеет историческое значение, и без признания этого факта нельзя представить русскую культуру XX века во всей ее полноте. Духовное богатство великого русского исхода по праву принадлежит к первым опытам осмысления государственно-политического и социально-экономического развития России. Это особенно важно в современных условиях укрепления сегодняшней Россией цивилизационной идентичности, когда страна стоит перед необходимостью дать адекватный ответ на вызовы глобализации.

В. Ильин. Шесть дней творения. Париж, 1930. Надпись автора Р. Герра

ПЕРВАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Уникальный культурный опыт послереволюционной эмиграции и ее монументальное и разноликое духовное наследие остаются явлением беспрецедентным и непревзойденным

ТАТЬЯНА МАРЧЕНКО,

доктор филологических наук, зав. отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Весть о присуждении 10 декабря 1933 года Нобелевской премии по литературе Ивану Бунину облетела весь мир. Соотечественники писателя, оказавшиеся за рубежом, плакали от радости, словно узнали о победе на фронте. Газеты, ликуя, трубили о победе русской литературы и русской эмиграции: «Кроме России, русского языка и Пушкина за Буниным ничего не было, – утверждал известный критик зарубежья Г.В. Адамович. – Но этого оказалось достаточно для торжества».

Сейчас термины «русское зарубежье», «русская диаспора» обозначают всех людей в мире, считающих себя русскими, помнящих свое происхождение.

Куда же бежали русские люди? Что ждало их «на чужбине», как им удалось выжить, устроиться, создать «Россию вне России», сохранить русскую ментальность и передать детям и внукам принадлежность именно русской национальной культуре?

Русский исход – эвакуация Белой армии и гражданских лиц в 1920 году из Одессы, Севастополя и Новороссийска – разрезал жизнь пополам. На кораблях союзников и на прочих судах, вместе с гражданским населением, бежавшим впопыхах, в никуда, без средств и почти без скарба, из Крыма и Одессы в 1920 году уплывала сама Россия. «Я зачем-то плыву в Константинополь, – выразил это об-

щее чувство Бунин, – России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец».

Главный багаж изгнанников, их единственную ценность, лишить которой невозможно, составлял русский язык. «Человек, не говорящий и не думающий по-русски, перестает быть русским», – было записано в памятке белградского Союза ревнителев чистоты русского языка. Именно в Белграде под председательством П.Б. Струве был основан в 1925 году «Союз русских писателей и журналистов», а в 1928 году прошел Первый съезд русских писателей и журналистов за границей. 9 апреля 1933 года был открыт Русский дом имени императора Николая II, который построил эмигрант из России – архитектор В.М. Баумгартен.

На Балканах диаспора была по преимуществу православно-монархической, вобрав в себя остатки «белого воинства». Прага превратилась в крупнейший центр русского послереволюционного рассеяния благодаря политике чехословацкого правительства – «Русской акции», действовавшей с 1921 по 1938 год. Но «Русская акция» заслонила более широкомасштабную политику, направленную на всю эмиграцию, центральным звеном которой была поддержка русской демократической прессы. Так в Праге начала издаваться «Воля России», а в Париже – «Современные записки». «Все эми-

грантские «ереси» – евразийство, социалистические издания, «возвращенчество с высоко поднятой головой» – шли именно из Праги» (Вадим Морковин). Евразийство оказалось единственным историософским и общественно-политическим учением эмиграции, надолго пережившим своих создателей. «Левые» евразийцы стремились в Советский Союз, поверив в идеи коммунизма. С.Я. Эфрон и Д.П. Святополк-Мирский заплатили за свою веру жизнью (оба были арестованы и погибли).

Т. Масарик считал, что образование и систематический труд воспрепятствуют «эмигрантским фантазмагориям», то есть политическим дрязгам, и во многом это удалось. По инициативе высланного из СССР в 1923 году В.Ф. Булгакова – директора музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и хранителя его московского дома-музея в Хамовниках – появился Русский культурно-исторический музей, первый в истории эмиграции центр сохранения и изучения культуры русского зарубежья (1935–1944). На призыв поддержать музей откликнулись ученые и писатели, приславшие свои книги с автографами, деятели искусства; сам Булгаков неутомимо разъезжал по всей Европе, комплектуя музейные фонды. Художественная коллекция музея пополнилась «великодушными дарами» Н.С. Гончаровой, Б.Д. Григорьева,

М.В. Добужинского, Н.В. Зарецкого, К.А. Коровина, Н.К. Рериха, З.Е. Серебряковой и других известных мастеров. С русским музеем связано имя И.Я. Билибина, книжного графика, акварелиста, который писал декорации к спектаклям пражских театров, создал эскизы фресок и иконостаса для русского храма на Ольшанском кладбище в Праге. Война нанесла существенный урон музею, погибли многие раритетные экспонаты. Оккупационными немецкими властями был арестован директор музея В.Ф. Булгаков; однако он не только вернулся в Прагу, но и сумел собрать уцелевшую коллекцию и, согласно уставу музея, организовал ее передачу в Москву в «качестве национального достояния». Сам Булгаков вернулся в Ясную Поляну хранителем музея, а коллекция оказалась разделена – произведения искусства были переданы в Третьяковскую галерею, а документы и книги – в Российский (ранее Центральный) государственный архив литературы и искусства.

В Берлине, игравшем в 1921–1923 гг. роль одного из центров русской культурной жизни, свободно скрещивались на краткий исторический миг пути тех, кто останется в эмиграции, и тех, кто вернется на родину. В Берлине надолго или временно останавливались А. Белый, А.М. Ремизов, Р.Б. Гуль, И.Г. Эренбург, В.Ф. Ходасевич, В.Б. Шкловский, Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, С.А. Есенин. Немецкая марка девальвировалась, и жизнь привлекала дешевизной; именно экономические выгоды обусловили размах постановки издательского дела: с 1918 по 1928 год в Берлине было зарегистрировано 188 русских издательств. По переписи 1925 года в Берлине русских оказалось около четверти миллиона. Русский «Шарлоттенград» – русский путеводитель (чтобы не затеряться), русские кафе, вывески, рекламы, книжные магазины «Москва» и

Иван Бунин

«Родина» – мирное завоевание! Подспудно, однако, шел активный процесс быстрого взаимного знакомства с современными эстетическими и интеллектуальными тенденциями, многие из которых привезли в Берлин эмигранты: русский авангард в искусстве, формализм в литературоведении, из которого возникнет впоследствии европейский структурализм. К берлинскому периоду жизни В.В. Набокова (с 1923 по 1937 г.), вступившего в литературу эмигрантским писателем В. Сириным, относится почти все, написанное им по-русски в стихах и прозе в межвоенное время.

Как известно, Россия состоит из столицы и провинции. Именно так сложился и мир русского рассеяния. На периферии русского зарубежья оказались страны-лимитрофы, новые государства, образованные после распада Российской империи – Польша и Финляндия, Латвия, Эстония и Литва. Так в эмиграции оказались И.Е. Репин, Л.Н. Андреев, И. Северянин. Войска разгромленной Северо-Западной армии Н.Н. Юденича пополнили русскую диаспору. Русская жизнь в этих странах была похожа на довоенную, но в социальном и профессиональном отношении отличалась от других эмигрантских

анклавы. «В Латвии бывших военных было куда меньше, чем в Югославии, профессуры меньше, чем в Чехословакии, писателей парижского масштаба и вовсе не было, зато имелось то, чего нигде больше не было. Имелась «парадоксальность балтийской эмиграции» (Ю. Абызов). Парадоксальность состояла в том, что русские жители Прибалтики эмигрантами не были, обладая полноценными паспортами граждан. В каждой из прибалтийских стран была своя культурная доминанта, но не было «эмигрантского гетто», как назвала Париж З. Н. Шаховская.

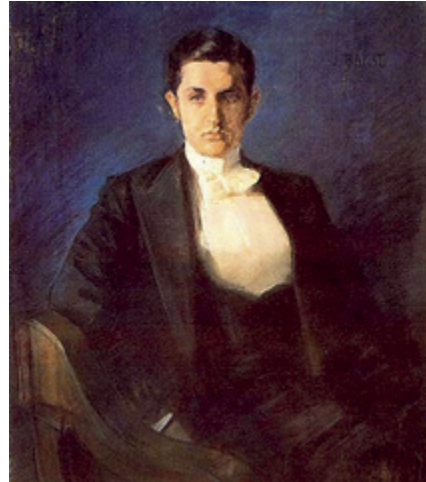
Особая ситуация сложилась в Польше, которая приступила к строительству национального государства. Православное население испытывало гонения, русские оказались заложниками застарелых межнациональных проблем.

По-своему уникальна фигура публициста, критика, общественно-политического деятеля Д. В. Философова. Это был редкий пример вхождения эмигранта в национальную интеллектуальную и культурную среду, успешная социализация личности в чужой стране. Уникальный эмигрантский опыт Философова ценен не попыткой адаптироваться и прижиться на чужой культурной почве, а своего рода космополитической моделью существования в мире, ранним примером цивилизационного опыта конца XX – начала XXI века.

Космополитической столицей мира был между двумя войнами Париж. Париж стал и столицей русского рассеяния. Благодаря политике Третьей республики русские эмигранты буквально хлынули на берега Сены, осели в дешевых тогда районах Рив Гош (к югу от Сены) и Пасси (в 16-м округе).

После краткого пребывания в Константинополе и Софии в марте 1920 года в Париж прибыл и Бунин, который быстро стал играть роль литературного мэтра. «Париж нравится», – записала

в дневнике В. Н. Муромцева-Булгина. И грустно добавила: «Нет почти никаких надежд на то, чтобы устроиться в Париже. За эту неделю я почти не видела Парижа, но зато видела много русских. Только прислуга напоминает, что мы не в России». В 1922 году во

А. Бакст. Портрет Дмитрия Философова. 1897 г.

Франции было уже 75 000 русских беженцев; к 1930 году их число (по данным Красного Креста и Лиги Наций) возросло до 175 000, а к началу войны составляло примерно 110 000, на что влияли и общая демографическая ситуация, и движение внутри самой диаспоры.

Париж сразу стал политической столицей эмиграции; в нем было сосредоточено большинство создававшихся общественных организаций и профессиональных союзов; сложная сеть знакомств и связей позволяла легче трудоустроиться и продолжать существование внутри родного этоса – посещать службы в православном храме, привычно питаться в столовых или ресторанах (в зависимости от кошелька), принимать участие в благотворительных балах – или получать пособие со сделанной выручки. В Париже была сосредоточена религиозно-церковная жизнь эмиграции.

Париж стал и культурной столицей русского зарубежья, ее главным литературным центром.

Русский «Городок» (Н. Тэффи) сконцентрировал в себе все лучшие, жизнеспособные творческие силы эмиграции.

Музыкально-театральная жизнь русского Парижа только в перечислении имен и событий заняла бы многие страницы: от классики, исполняемой в лучших залах выходцами из России – пианистами, скрипачами, певцами и целыми коллективами, – до сценических опытов Н. Евреинова, воссоздавшего кабаре «Бродячая собака», а затем ставившего пьесы собственного сочинения с труппой «Бродячие комедианты». Венчал музыкальную жизнь эмиграции бас мирового уровня – великий Ф. И. Шаляпин. Никита Балиев (М. А. Баян), создатель легендарного театрального кабаре «Летучая мышь», был подвергнут большевиками остракизму за «разложение» и, не дожидаясь худших времен, вывез своих актеров из России, основал театральную компанию под тем же названием (в переводе на французский – «Chauve-Souris») и с успехом выступал в Париже и еще успешнее на Бродвее, снимался в кино и был в 1928 году награжден орденом Почетного легиона. Огромная слава выпала за рубежом на долю С. В. Рахманинова. И, пожалуй, самой захватывающей страницей русского музыкально-театрального искусства за рубежом стало воссоздание «Русских балетов».

Но культурное наследие русского зарубежья откровенно и прежде всего логоцентрично. Эмиграция щедро выражала себя в слове, что проявилось в издательской деятельности, в разноплановости периодики, в многообразии литературы художественной (поэзии и прозы) и документальной (мемуары, дневники, письма). К этому следует прибавить философские трактаты, критику и публицистику... И если метафорически русская эмиграция может быть определена как текст, то его главные страницы были на-

писаны в Париже. «Не Россия и не Франция, а Париж (или Прага, Ревель и т. д.) ее родина, – утверждал о литературе русского зарубежья Б. Ю. Поплавский, – с какой-то только отдаленной проекцией на русскую бесконечность».

Желая руководить интеллектуально-художественной жизнью зарубежья, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус проводили у себя на квартире воскресные собрания (1926–1940), претендующие на роль «инкубатора идей». Общество «Зеленая лампа» (1927–1939; председатель Г. Иванов, секретарь В. Злобин) собиралось в зале Русского торгово-промышленного союза, публикуя стенограммы в журнале «Новый корабль». Писатели именитые («старшее по-

приносящими доход литературными турне, выговаривали себе гонорары повыше в периодике зарубежья и устраивали переводы своих книг на иностранные языки. А. М. Ремизов ничего не организовывал – французские литераторы «открыли» его сами. Между традиционными эпическими формами и попыткой модернизировать русскую словесность оказалось творчество И. Д. Сургучева, М. А. Осоргина и Б. К. Зайцева. Искрометные рассказы Н. А. Тэффи заставляли с улыбкой взглянуть на горести эмигрантского существования: «Ке фер? Фер-то ке?» – эта крылатая фраза вылетела из-под ее пера.

Тяготение к объединению в кружки, студии, общества отли-

монпарнасских кафе «Хамелеон», «Куполь», «Ротонда», «Дом», где встречались «среднее» (Г. Иванов, Г. Адамович, В. Ходасевич, М. Слоним) и «младшее» (Г. Газданов, Б. Поплавский, В. Варшавский, В. Яновский, Б. Божнев) литературные поколения. В 1925 году под началом Н. Оцупа возник «Союз молодых поэтов и писателей», а с переездом в 1928 году «Воли России» в Париж – «свободное литературное объединение» «Кочевье» под патронажем М. Л. Слонима, где, помимо коллективной читки новых произведений и творческих вечеров, устраивали разбор новинок советской литературы.

Удачно найденное (не по смыслу, а по образности) название «Парижская нота» прославило литературное направление, самыми яркими представителями которого оказались Г. Адамович, А. Штейгер, И. Чиннов. Их стихи были аскетичны по форме и трагичны по содержанию, как трагична сама эмиграция. Г. В. Адамович в критике (на страницах «Последних новостей») скрещивал шпаги с В. Ф. Ходасевичем (ведущим критиком газеты «Возрождение»), стоявшим на иных эстетических позициях и пророчествовавшим, что «в наступающем мраке»

коление») – И. А. Бунин, мастер стилиа, остановивший мгновение в прекрасном прошлом, Д. С. Мережковский, соединивший литературу с ученостью и грозными пророчествами, И. С. Шмелев, творец мифа об исчезнувшей России, М. А. Алданов, исторический романист, – предпочитали выступать с лекциями и чтением новых произведений, ездить с

чало литературную молодежь по всему русскому рассеянию, но молодой литературный Париж выделялся не классической ориентацией, а безудержным модернизмом. С 1921 года существовали объединения авангардистской ориентации «Палата поэтов» «Гатарapak», леворадикальное «Через». Поэты, художники, артисты собирались в

образованные люди будут «аукаться именем Пушкина».

Литераторов-ровесников Владимир Варшавский назвал «незамеченным поколением»: явлением стало не их творчество, а громадная творческая энергия, которая из рутины эмигрантской обыденщины находила выход в самовыражении и самоидентификации

в художественном слове. Судьбы сложились по-разному: самый яркий поэт Борис Поплавский погиб молодым, Антонин Ладинский вернулся после войны на родину и стал известным историческим романистом, Довид Кнут, участник Сопротивления, стал после войны израильским поэтом, сам Варшавский героически прошел Вторую мировую войну и рассказал об эмигрантском опыте своего поколения в мемуарной книге, как и Василий Яновский, – впрочем, в ином, ядовито-сатирическом ключе восстановивший жизнь русского Монпарнаса. В большого русского писателя вырос Гайто Газданов, на жизненном пути которого было Белое движение, «ночные дороги» парижского таксиста, работа на радио «Свобода». Нина Берберова, из многочисленных литературных опытов которой осталась в истории мемуарный (однако скорее мифотворческий) «Курсив мой», уверяла, что за их поколение можно быть спокойным: оно нашло свое оправдание во Владимире Набокове. Не получивший Нобелевской премии по литературе Набоков, творивший и на русском, и на английском (на который он перешел после второй эмиграции – в Новый Свет из воюющей Европы), остается классиком мировой литературы XX века.

В Париже в 1924 году И. Бунин произнес речь «Миссия русской эмиграции». Писатель говорил о гибели России, имея в виду тысячелетнюю Россию с ее православной верой, с историческими завоеваниями, победами и великими культурными достижениями. В тот момент, когда он произно-

сил свои пламенные слова, Советская Россия вступала из периода большевистской революции в сталинизм; тогда никто не мог предсказать судьбу страны на век вперед. Добрый знакомый Бунина, крупнейший историк античности М. В. Ростовцев уверял: «В Россию? Никогда не вернемся», – и пояснял, что два-три десятилетия – миг на весах истории, а в человеческой жизни это громадные веки. Никакой особой программы Бунин не предлагал, он вообще ничего позитивного не сказал, лишь выразил ненависть к большевистской власти и неизменную жгучую любовь к оставленному отечеству. Может ли любовь к родине стать программой? Как показала и доказала русская эмиграция XX века, – может. Сохранение традиционных культурных и духовных ценностей, русского языка и «русскости»

Кафе «Ротонда»

стало *modus vivendi* русских людей на чужбине. Е. В. Саблин, последний дипломатический представитель России в Великобритании (1919–1924), признавался летом 1941 года: «От моей русскости я

никогда не избавлюсь. Для меня Россия превыше всего. В нее я верю, и в конечном итоге спасение придет оттуда».

Миссия русской эмиграции состояла в сохранении преемственности по отношению к исторической России.

Революция 1917 года переломила поступательный, эволюционный ход исторического развития русского государства (рухнуло самодержавие, атеизм как мировоззрение заместил тысячелетнее православие, индивидуализму был противопоставлен коллективизм). В 1918–1939 гг. русское зарубежье сложилось как культурно-историческое явление, вобрав в себя эмигрантов из постреволюционной России (в значительной своей части это были люди образованные, среди них было много представителей творческих профессий),

а также тех, кто покинул родину еще до революции, и тех, кто вынужденно оказался за рубежом в результате послереволюционного изменения государственных границ. Все виды интеллектуально-

духовной деятельности русской эмиграции приобрели компенсаторный характер по отношению к «большевистской» России: религиозная философия – против научного коммунизма, литературный модерн и поэтизация русской старины – против авангарда 20-х и соцреализма 30-х; одиночество и свобода (со всеми ограничениями для лица без гражданства) – против диктатуры и цензуры. В то время как «железный занавес» между СССР и остальным миром становился все менее проницаемым, русская эмиграция интегрировалась в жизнь чужих стран и народов. При этом русское зарубежье сохранило свою идентичность, основанную на духовных и культурных традициях и ценностях дореволюционной России или особом чувстве причастности к оставленной родине, заложенном в детстве.

«Мы не в изгнании, мы в послании», – проронила однажды Н. Н. Берберова, и с ней согласилось все зарубежье. Русское рассеяние в мире стало уникальным опытом: вырванные из родной почвы, из патриархального общества, только-только вступающего в индустриальную стадию, формирующего демократические институты, русские эмигранты оказались участниками историко-культурных процессов в странах по всему земному шару – для послевоенного мира это особенно справедливо. Завершив традиции классической русской прозы в творчестве Бунина и поэтического Серебряного века в творчестве Г. Иванова и М. Цветаевой, создав миф о православной Руси в эпосах И. Шмелева, придав русской книжности и фольклорной архаике черты модерна в сочинениях А. Ремизова, русское зарубежье восполнило русскую литературу XX века, воссоздав ее целостность. Русская философская мысль расцвела в эмиграции. Традиции русской оперы и драматического театра обогатили мировую сцену, а русский балет дал жизнь многим национальным шко-

лам балета. Русские художники, работавшие в самых разных жанрах и техниках, снискали мировую славу; русские архитекторы придавали новый облик городам на всех материках. Каждое новое свидетельство духовного взлета – особое в матрице эмигрантского существования. Отрыв от отечества, от родной почвы, от языка и веры, от близких всегда драматичен, и потому особенно притягательны судьбы оказавшихся за пределами России русских людей, чье изгнание обернулось успехом, чьи личности состоялись в той или иной сфере литературы, культуры, науки.

Но было ли это триумфом эмиграции? Разве не о национальном читателе мечтали пишущие, не о национальном слушателе и зрителе – исполнители, не о признании в отечестве и отечеством? Задумываясь о феноменологии эмиграции в отечественной истории XX века, поневоле думаешь, что даже трагические коллизии в жизни народа могут оборачиваться благом. Органически слившись с чужой средой, эмигранты, оставаясь русскими, служили приютившим им странам. Меняя окружающий культурный ландшафт русской нотой, русской линией, русским словом, менялись сами, впитывая традиции других народов. Русская культура, в Советской России развивавшаяся под идеологическим прессингом и пробивавшаяся наружу в самых прекрасных формах чаще вопреки, чем благодаря, в зарубежье оставалась самой со-

Нина Берберова с мужем Владиславом Ходасевичем. 1924 г.

явлениях – и просто познакомила с русскими художественными ценностями весь мир, а иные страны – и одарила. Трагедия изгнания обернулась удачей и для русского самосознания: послание было получено, культура русского зарубежья спустя десятилетия вернулась на родину, «зарубежная Россия» стала частью русской интеллектуально-духовной истории XX века. Первая волна русского зарубежья хронологически завершается с началом Второй мировой войны. Эмиграция из России продолжается вплоть до настоящего времени – историки насчитали не одну волну. Но уникальный культурный опыт послереволюционной эмиграции и ее монументальное и разноликое духовное наследие остается явлением беспрецедентным и непревзойденным.

«МАСКА И ДУША» ФЕДОРА ШАЛЯПИНА

Фрагмент из автобиографической книги величайшего оперного певца XX века

В мрачные дни моей петербургской жизни под большевиками мне часто снились сны о чужих краях, куда тянулась моя душа. Я тосковал о свободной и независимой жизни. Я получил ее. Но часто, часто мои мысли несутся назад, в прошлое, к моей милой родине. Не жалею я ни денег, конфискованных у меня в национализированных банках, ни о домах в столицах, ни о земле в деревне. Не тоскую я особенно о блестящих наших столицах, ни даже о дорогах моему сердцу русских театрах. Если как

русский гражданин я вместе со всеми печалюсь о временной разлуке нашей великой страны, то как человек, в области личной и интимной, я грущу по временам о русском пейзаже, о русской весне, о русском снеге, о русском озере и лесе русском. Грущу я иногда о простом русском мужике, том самом, о котором наши утонченные люди говорят столько плохого, что он и жаден, и груб, и невоспитан, да еще и вор. Грущу о неповторимом тоне часто нелепого уклада наших Суконных слобод, о кото-

рых я сказал немало жестокой правды, но где все же между трупоб растет сирень, цветут яблони и мальчишки гоняют голубей...

Россия мне снится редко, но часто наяву я вспоминаю мою летнюю жизнь в деревне и приезд в гости московских друзей. Тогда это все казалось таким простым и естественным. Теперь это представляется мне характерным сгустком всего русского быта.

Да, признаюсь, была у меня во Владимирской губернии хорошая дача. И при ней было триста десятин земли. Втроем строили мы этот

деревенский мой дом. Валентин Серов, Константин Коровин и я. Рисовали, планировали, наблюдали, украшали. Был архитектор, некий Мазырин, – по-дружески мы звали его Анчуткой. А плотником был всеобщий наш любимец, крестьянин той же Владимирской губернии – Чесноков. И дом же был выстроен! Смешной, по-моему, несуразный какой-то, но уютный, приятный; а благодаря добросовестным лесоторговцам срублен был – точно скован из сосны, как из красного дерева.

И вот глубокой осенью, получаешь, бывало, телеграмму, от московских приятелей: «Едем, встречай». Встречать надо рано утром, когда уходящая ночь еще плотно и таинственно обнимается с большими соснами. Надо перебраться через речку – мост нечаянно сломан, и речка еще совершенно чернильная. На том берегу речки стоят уже и ждут накануне заказанные два экипажа с Емельяном и Герасимом. Лениво встаешь, неохотно одеваешься, выходишь на крыльцо, спускаешься к реке, берешь плоскодонку и колом отталкиваешься от берега... Тарантас устлан пахучим сеном. Едешь восемь верст на станцию. В стороне от дороги стоит огромный Фекаин бор с вековыми соснами, и так уютно, тепло сознать, что ты сейчас не в этом лесу, где холодно и жутко, а в тарантасе, укутанный в теплое драповое пальто. И едешь ты на милой лошаденке, которую зовут Машкой. Как любезно понукает ее Герасим:

– Ну, ну, Машка-а! Не подгаживай, не выявляй хромоты.

Федор Шаляпин в образе Ивана Грозного

Шаляпин в образе Бориса Годунова

Машка старалась и как будто легонько ржала в ответ. И вот станция. Рано. На вокзале зажжены какие-то лампы керосиновые; за дощатой тонкой стеной время от времени трещит, выстукивая, телеграф. Кругом еще сизо. На полу лежат, опершись на свои котомки, какие-то люди. Кто-то что-то бормочет во сне. Кто-то потягивается. Время от времени кто-то скрипит дверью, то выходя, то входя. Но вот вдруг та самая дверь, что только что скрипела сонно, начинает скрипеть веселее. Входит какой-то озабоченный человек на кривых ногах с фонарем в руке и через спящих людей пробирается в телеграфную комнату, откуда слышится:

– Через шестой?

И человек с фонарем, вбегая в зал, громко кричит:

– Эй, эй! Вставай! Идет!

Люди начинают шевелиться. Кто встает, кто зевает, кто кашляет, кто шепчет: «Господи Иисусе!»... Зал ожил. Белеет окно. Делаются бледнее и бледнее лица. Лохмотья пассажиров выступают заметнее и

резвее... Слышен глухой далекий свисток... Человек с фонарем на кривых ногах подбегает к колоколу.

– Трым, трым, трым!

Люди совсем ожили. Кто-то откашлявшись, напевно пробурчал: «Яко да за царя всех подыдем...»

А там уже разрезан молочный туман расплывчатыми лучами еще не показавшегося солнца, и тускло, как всегда перед солнцем, вдали мелькнули огни паровоза.

Едут! И приезжают московские гости, и среди них старший – Савва Иванович Мамонтов.

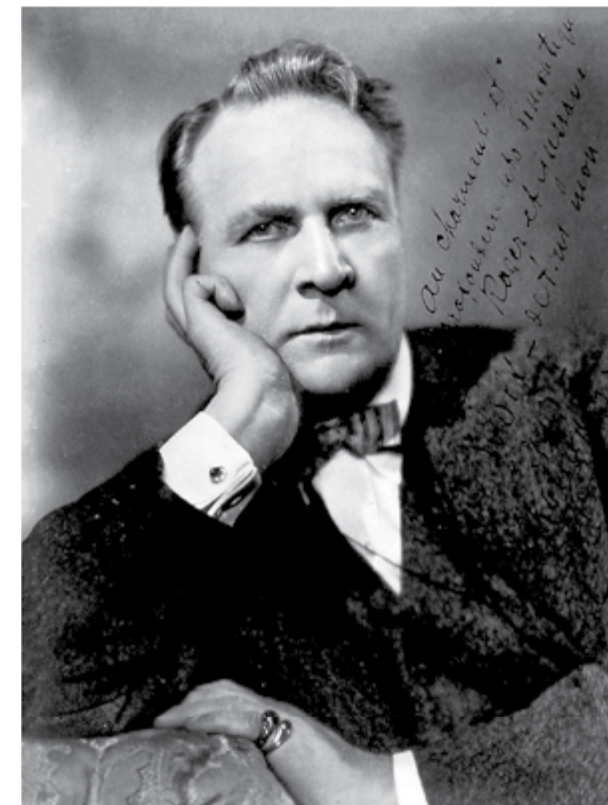
Нигде в мире не встречал я ни такого Герасима, ни та-

кого бора, ни такого звоняря на станции. И вокзала такого нигде в мире не видел, из изношенно-занозистого дерева срубленного. При входе в буфет странный и нелепый висит рукомоиник... А в буфете под плетеной сеткой – колбаса, яйцо в черненьких точках и бессмертные мухи...

Милая моя, родная Россия!..

«На чужбине» – написал я в заголовке этих заключительных глав моей книги. Написал и подумал: какая же это чужбина? Ведь все, чем духовно живет западный мир, мне, и как артисту, и как русскому, бес-

конечно близко и дорого. Все мы пили из этого великого источника творчества и красоты...

ОТЗВУК ВЕЧНОСТИ

Сергей Рахманинов: «Лишившись Родины, я потерял самого себя»

МАРИЯ ВИНАРОВА

Бескрайние просторы России, строгие монастыри и великолепные соборы, сельские церкви, поля, проселочные дороги, богомольцы, и над всем этим праздничный благовест заутреннего звона... Это повседневная реальность, окружавшая каждого жителя России в конце XIX – начале XX веков. Для кого-то обыденная, но послужившая музыкальному гению Сергея Рахманинова отправной точкой.

«Я русский композитор, – писал Рахманинов, – и моя Родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и поэтому это русская музыка. Единственное, что я стараюсь делать, когда сочиняю, – это заставить ее прямо и просто выражать то, что у меня на сердце».

Музыкальная одаренность Рахманинова не была удивительной: его двоюродный брат Александр Зилоти был известным пианистом; троюродный брат Николай Стрельников – композитором; мать, Любовь Петровна, хорошо пела, была одаренной пианисткой, училась у Антона Рубинштейна. Талант мальчика проявился рано – уже с четырех лет он занимался с матерью игрой на фортепиано.

Отец – отставной гусар Василий Аркадьевич Рахманинов – был чело-

веком более чем легкомысленным, обаятельным и веселым, любившим шумные застоля и карточные игры. Его стараниями к моменту рождения сына в 1873 году от довольно большого приданого жены осталось одно-единственное имение в Новго-

бабушка Сергея по материнской линии. Она была женщиной глубоко религиозной и настоящим знатоком церковного пения. По совету пианиста Александра Зилоти, она решила перевести Сергея учиться в Московскую консерваторию и сумела убедить в необходимости этого свою дочь.

В Петербург Рахманинов больше не вернется; с этих пор и до 1917 года его судьба будет связана с Москвой.

Начались годы серьезной упорной работы, без которой не мог бы развиваться даже такой огромный талант. Консерваторию Рахманинов закончил с отличием и большой золотой медалью по классам фортепиано и композиции. К этому времени он был уже достаточно известен в Москве как замечательный пианист. Выступать с концертами Рахманинов будет до конца своих дней, и его виртуозное исполнительское искусство будет только наполняться новыми оттенками и переживаниями.

В 1897 году Савва Мамонтов предложил ему занять место дирижера в своей Русской частной опере, и Рахманинов без колебаний согласился.

Имя Саввы Ивановича Мамонтова вписано золотыми буквами в историю русского меценатства. Вряд ли кто-то другой сделал больше для Се-

Сергей Рахманинов

родской губернии. Но и оно в 1882 году было продано, и семья была вынуждена переселиться в Петербург к родственникам.

Неизвестно, как дальше сложилась бы судьба великого музыканта, если бы в Петербург не приехала Софья Александровна Бутакова,

ребряного века русского искусства. На сцене его частной оперы в Москве блистали лучшие исполнители, а декорации создавали лучшие художники: Поленов, Коровин, Васнецов, Серов, Врубель.

Сам Мамонтов, считавшийся одним из самых крупных промышленников России, удивительным образом сочетал это с талантами драматурга, режиссера, скульптора. Он не просто покровительствовал искусству, он создавал его, привлекая к себе все новое, молодое, одавленное. И никогда не ошибался. Так, например, услышав в Петербурге еще почти неизвестного Шаляпина, он просто «заболел» им и сделал все возможное, чтобы переманить его к себе. Именно в театре Мамонтова раскрылся невероятный по своей силе драматический и певческий дар этого величайшего русского артиста.

Приглашение Рахманинова за дирижерский пульт оказалось еще одной гениальной находкой Мамонтова. Благодаря этому оркестр частной оперы звучал так, как никогда прежде.

На репетициях двадцатичетырехлетний Рахманинов много работал не только с оркестрантами, но и с исполнителями оперных партий. По воспоминаниям концертмейстера Даниила Похитонова («Из прошлого русской оперы»), Шаляпин как-то сказал ему: «Знаешь, Доня, с кем я проходил роль Сальери? С Сережей Рахманиновым. Это было в Москве, когда я служил у Саввы Ивановича Мамонтова. И придирался же ко мне Рахманинов за каждую неточность!»

Несмотря на такое начало знакомства, Рахманинов и Шаляпин сдружились настолько, что певец попросил Рахманинова быть шафером на его свадьбе с итальянской балериной, рыжеволосой красавицей Иолой Торнаги. Их дружба продолжалась долгие годы и оборвалась только со смертью Шаляпина.

В 1902 году, через четыре года после свадьбы Шаляпина, женится и Рахманинов. Его избранница – Наталья Сатина, которой еще двадцатилетним юношей он посвятил романс «Не-

пой, красавица, при мне» на стихи Александра Пушкина. У них родились две дочери – Татьяна и Ирина.

Второй фортепианный концерт, созданный в 1901 году, приносит Рахманинову европейскую известность. Он дает концерты во всех странах Европы. Начинается всемирный триумф русской музыки Рахманинова.

В 1906–1909 годах семья Рахманиновых большую часть времени живет в Дрездене, только на лето возвращаясь в Россию. В Дрездене написаны Вторая симфония, симфоническая поэма «Остров мертвых» (по мотивам картины художника-символиста Арнольда Беклина) и Третий фортепианный концерт. Рахманинов очень любил этот город, и, уже покинув Россию, часто приезжал сюда.

В декабре 1917 года, воспользовавшись приглашением на гастроли в Швецию, Рахманинов с семьей покидает Россию. Навсегда.

С 1918 года музыкант живет в Америке и занимается концертной деятельностью. Популярность Рахманинова была огромна, и до конца жизни слава лучшего пианиста в мире по праву принадлежала ему.

Первые годы эмиграции он не пишет музыку. Ностальгия, свойственная всем русским, вынужденно покинувшим Родину, у Рахманинова была особенно сильна. Он по-настоящему тосковал, сердце его осталось в России. В одном интервью он сказал: «Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия... воспоминаний».

Ни огромные гонорары, ни восхищение публики не могли заставить музыканта забыть о России. Мысли его были с теми, кто в это время страдал под гнетом сталинского режима.

Рахманинов был одним из 215 виднейших представителей русской эмиграции, которые в 1930 году обратились к гражданам Америки с открытым письмом, протестуя против намерения правительства США

Рахманинов с женой Натальей

официально признать Советский Союз с существующей в нем властью: «Взоры страны, которая была великой, но чей народ ныне мучается в оковах рабства, обращены на вас, – говорилось в нем. – Кто из вас может остаться холодным свидетелем пыток и бесчисленных казней? Кто может остаться равнодушным к преследованию религии? <...> Во имя великого прошлого и светлого будущего вашей страны – будьте другом и союзником великого русского народа, а не мучителей России».

Вместе с ним обращение подписали Бунин, Зайцев, Куприн, Лосский, Набоков, Деникин, Гиппиус, Мережковский, Алданов, Струве.

Но в сорок первом, когда началась война, Рахманинов одним из первых решил, по словам его жены, «показать своим примером всем русским, что надо в такое время забыть несогласия и объединиться для помощи изнемогающей и страдающей России». Рахманинов дает концерты и половину сбора жертвует Международному Красному Кресту, а половину – генеральному консулу СССР в Нью-Йорке для передачи Советскому правительству.

17 февраля 1943 года состоялся последний концерт Рахманинова. 28 февраля жизнь великого музыканта оборвалась.

ЖИВОПИСЕЦ РАЯ

Марк Шагал всю жизнь писал рай, хотя век, в котором он жил, был отнюдь не райским

МАКСИМ КАНТОР

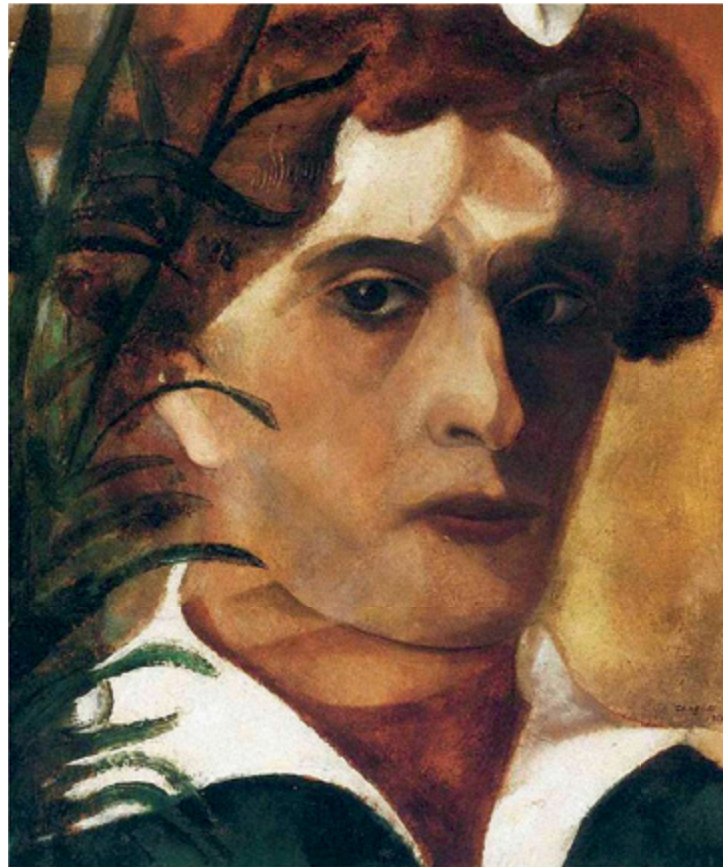
У всякого художника есть свой цвет – как у писателя есть своя интонация. Поскольку художник говорит красками, в его речи важна личная, присущая только ему интонация, то есть важен его личный цвет. Такой цвет, характеризующий личность мастера, возникающий в процессе долгой работы, называют словом «карнация». Это не «колорит», то есть это не просто сочетание красок, но то общее состояние цветовой материи, которое передает мир художника.

Картины Шагала, если собрать все его холсты вместе и вывести общий цветовой знаменатель, образуют глубокий синий, ультрамариновый тон, цвет сияющих небес.

Витражи

Он так часто писал ультрамариновые небеса, что этой синей краской затопил все пространство вокруг себя. Это потому, что Шагал всегда писал рай, а рай – синего цвета.

Синий цвет у Марка Шагала доходит до крещендо, до такого состояния глубокой синевы, когда уже синее и быть ничего не

Марк Шагал. «Автопортрет». 1914 г.

может. В его витражных окнах в Реймском соборе и в церкви Всех Святых в Тудли (Англия), а также в витражах, выполненных для здания ООН, фигуры буквально плавают в синеве, взмывают в синеву, растворяются в ней, воскресают из синевы. Стихия синего цвета вообще свойственна витражу, но, кажется, даже во времена Средневековья не было мастера, так любившего синий цвет.

Для Шагала синий – это цвет пространства, разделяющего предметы, цвет воздуха. Помимо прочего, синий (небеса) – это цвет Бого-

матери, цвет чистоты, наряду с белым (лилия); белый – это одна из стадий синего, это ступень в лестнице райского синего.

Для Института искусств в Чикаго Шагал выполнил витраж, состоящий из сотен оттенков голубого, начинающихся восхождение от прозрачно-лазоревого и доходящих до глубочайшего ультрамарина. Он словно измерял уровни небес, показывал нам лестницу, по которой восходят к самой предельной синеве.

Марк Шагал создал такое количество росписей в храмах и витражей в соборах, что сказать о художнике Шагале «живописец рая» – значит просто обозначить его про-

фессиональное занятие. Это отнюдь не преувеличение. Но и тогда, когда художник не делал витражей в Реймсе и в соборе Святого Стефана города Майнца, – и тогда он оставался живописцем рая.

Эстетическая эмиграция

По всем эстетическим характеристикам творчество Шагала есть продолжение ренессансного символизма. И когда его называют авангардистом или (тем более!) наивным художником, то совер-

шают грубую ошибку. Шагал был автором чрезвычайно искусственным, его композиции продуманы и сложны в классических традициях кватроченто, а его эстетические взгляды, образы, художественные приемы диаметрально противоречат принципам авангарда XX века. Именно это отличие и послужило причиной эмиграции Шагала из Советской России.

История его исхода общеизвестна, но историю эту уместно повторить. Когда Шагала назначили уполномоченным по культуре в Витебске, он, став ректором Витебской академии художеств, пригласил в преподаватели разных знаменитостей из Москвы.

То было время массовых митингов, деклараций, производства наглядной агитации. Все это Шагал не любил, а большинству художников все это очень нравилось.

Один из приехавших в Витебск преподавателей написал на Шагала донос, обвиняя художника в недостаточной революционности и недостаточной преданности идеям большевизма. Шагал лишился работы, его отозвали в Москву, сделали театральным художником: в те годы театральная деятельность была своего рода ссылкой.

Марк Шагал некоторое время проработал в театре, но в 1922 году вместе с семьей уехал в Литву, где была организована его выставка, а оттуда – в Германию. Осенью 1923 года семья Шагала переехала в Париж (французское гражданство художник получил лишь 14 лет спустя. – Прим. ред.).

Причем – и это надо сказать отчетливо – он не уехал от революции, уехал не столько от советской власти, сколько от авангардизма и его казарменной эстетики. Знаменитая фраза «Я уехал в Париж, потому что там даже консьерж разбирается в живописи» подразумевает то, что француз не изменяет свой культурный код по приказу в течение дня; не способен был это сделать и Марк Шагал.

Он любил саму масляную живопись, станковую картину, образное антропоморфное искусство. Он любил гуманистическое искусство – несколько не стеснялся этого пафоса, часто и страстно про это говорил. Квадраты и полоски Шагала не уважал, марши и монументы не переносил – вот и уехал прочь. Это была не политическая, но эстетическая эмиграция.

При этом никакого симбиоза русско-французской культуры в судьбе художника не произошло. Нельзя сказать, что вот был такой российский еврейский художник, а набрался французских приемов. Было бы ошибочно утверждать, что Шагал принес свое русское видение в Париж и там создал оригинальный стиль, соединив два культурных кода.

Шагал – художник поразительно раннего развития; он приехал в Париж – еще в первый раз – двадцати трех лет от роду уже сложившимся мастером, причем мастером европейской традиционной школы. В

«Здравствуй, Париж». 1945 г.

Париже не пришлось менять в своем, уже выработанном к 1910 годам стиле практически ничего; ранние витебские картины с дачной верандой или косогорами скомпонованы с изощренностью, отличающей парижские работы тридцатых. Латинская пластика – это не приобретенное; это его природное свойство – возможно, объяснимое местом рождения.

Белорусский город Витебск в течение трехсот лет последовательно входил в княжество Литовское и Речь Посполитую, и еврейское местечко, откуда родом Моисей Сегал (взявший себе творческий псевдоним на французский манер – Марк Шагал), испытывало влияние католической культуры. В энциклопедиях Шагала обозначают как француза, еврея, белоруса – через запятую.

Характерно то, что, решившись на эмиграцию из Советской России, Шагал всю жизнь скитался, но – пластически, образно – не сдвинулся с места ни на сантиметр: принадлежал к европейской изобразительной культуре изначально.

В параде эмигрантских судеб, коими богат XX век, его судьба поразительна: Модильяни и Пикассо тоже были эмигрантами, но они сменили страну лишь однажды; Шагал сменил страну проживания пять раз: Россия – Литва – Германия – Франция – Америка – опять Франция. Лишь после войны осел на юге Франции, в Сен-Поль-де-Вансе. Классический странствующий еврей, Вечный жид, Агасфер, и при этом Шагал такой своеобразный еврей, который свое еврей-

«Синий скрипач». 1947 г.

ство сознательно разменял на европейские ценности.

Еврейская тема в холстах существует. Мало того, нет практически ни одного холста без раввина, ангела или семисвечника, но тема иудаизма растворена в христианстве. Шагал скорее христианин, нежели иудей: трудно представить еврея, написавшего столько распятий Христа. Иное дело, что Шагал не противопоставлял Заветы: Новый Завет в его полотнах вплавлен

в Завет Ветхий и Сын не существует отдельно от Отца.

Шагал принадлежит – прозвучит странно, но это именно так, – сразу ко многим конфессиям; он являет тот тип экумениста, о котором мечтал Соловьев, или тот тип верующего в Дух бунтаря против догмы, пример которого являл Лев Толстой.

Шагал умудрился расписать (или сделать витражи) храмы шестнадцати конфессий. При этом ев-

рейство его вопиет, обозначая не веру, не этническую отдельность, но принципиальное родство со всяким изгоем.

Шагал прожил долгую жизнь в мире, в котором было явно столько насилия, как никогда прежде в истории человечества. Убивали так щедро и яростно, что проповедовать любовь многим казалось неуместным. Служить народу – означало служить страстям народа, и страсти эти были темными.

Сказать, что в его картинах вовсе нет тревоги, нельзя; длинный оранжевый язык пламени возникает на задних планах его картин постоянно.

Однако картины Шагала мирные: живописец рая не хочет изображать жестокость и отчаяние.

Любовь, понятая как мировоззрение

Среди разрухи, голода, нищеты, войны, когда многие художники-гуманисты изображали ужас бытия, Марк Шагал изображал свет и радость.

Все его картины написаны про любовь, причем любовь не надрынную, не отчаянную, не проту любовь, что возникает на пепелище. Такую любовь описали гуманисты «потерянного поколения» Ремарк и Хемингуэй: на краю бездны люди прижимаются друг к другу, ища последнего тепла. Это своего рода героизм – любовь как сопротивление.

Ничего подобного в картинах Шагала нет. Шагал всегда пишет мелодраматично-трогательную, едва ли не слащавую любовь, то сентиментальное чувство, которого мы всегда немного стесняемся. Люди прижимаются друг к другу не потому, что спасаются от всеенского холода, но просто потому, что умиляются существованию любимого человека. Чувство умиления, тихой радости разлито во всех картинах Марка Шагала.

Шагал умиленной любви не стеснялся, он именно сентиментальное чувство и считал истинно важным – этим противоречил брутальному веку.

Суровые гуманисты XX века обвиняли романтиков, да и не только

романтиков, в пошлом идеале; например, Оруэлл считал диккенсовские мечты о прекрасном (романы кончаются свадьбой, домом и семьей) пошлыми.

Жизнеописание героя, муки становления – это понятно; борьба приветствуется. А потом-то что? Неужели «возделывать свой сад»? Но ведь несправедливости еще немало в мире, рано складывать оружие.

«Впереди много войн, и я подписал контракт на все», – говорит один из героев Хемингуэя. А Шагал от такого контракта уклонился; он сентиментального идеала не стеснялся, поэтизировал то, что Владимир Маяковский мог бы назвать «мещанским раем».

«Невеста». 1950 г.

Впрочем, будем справедливы. Маяковский не назвал картины Шагала «мещанским раем» – и не сделал этого по вполне понятной причине: в картинах Шагала нет уюта, нет мещанства, нет покоя. И не только потому, что художник до самой старости не знал оседлой жизни, но и потому, что умиленная любовь Шагала была не «уютной» и не домашней, но всемирной.

Это та любовь, которая перерастает интимное чувство и делается согревающим символом для всех людей, та любовь, о которой писал и сам Маяковский, – любовь, понятая как мировоззрение.

Расстояние от тесной комнаты до небосвода любящие преодолевают легко и естественно; это кажется Шагалу и его зрителям нормальным: вот люди целуются, стоя на полу, а вот они полетели по чистому синему небу. И эта трогательная незащитная любовь оказалась сильнее диктатур.

В хрупкости героев Шагала, в их незащитности по отношению к маршевой и авангардной эстетике заключено то главное, что принесло в мир христианское искусство.

В 1943 году, по просьбе друга, великого историка искусств Лионелло Вентури, Шагал прочел лекцию о своем творчестве. Художник говорил исключительно ясно: «В искусстве недостаток „гуманизма“ (не надо бояться этого слова) был мрачным предзнаменованием еще более мрачных событий. Пример великих школ и великих мастеров прошлого учит нас, что истинное высокое мастерство в живописи не согласуется с антигуманными тенденциями, которые демонстрируют нам в своих работах некоторые представители так называемых авангардных школ».

В лице великого живописца Марка Шагала человечество получило представителя позднего Ренессанса, напомнившего нам о христианском гуманизме, сумевшего преодолеть яростные доктрины дня тихой, но упорной любовью.

«БОГОВ ПОКИНУТЫХ ЖРЕЦЫ...»

Октябрьский переворот Мережковский истолковал как торжество «надмирного зла»

ВИКТОР ЛУПАН,
глава редакционного совета

Истинным входом Дмитрия Мережковского в большую литературу считается публикация его стихов в журнале «Отечественные записки». Именно она принесла ему славу и популярность. Мережковскому было тогда всего 17 лет.

Однако в историю мировой литературы Мережковский вошел не как поэт, а как прозаик. Прозаик-эрудит, глубоко знающий и понимающий корни европейской культуры, ее суть, ее противоречия, ее мистику и апостасию. Второго такого писателя в русской литературе просто нет.

С ранней юности Мережковский был склонен к мистицизму. В 1886 году, то есть в двадцатилетнем возрасте, Мережковский перенес какую-то страшную, очень напугавшую его болезнь, о которой, по сути, ничего не известно. Чудом выживший, он сам потом утверждал, что переживание этого страшного недуга и является причиной его «поворота к вере».

После выздоровления 22-летний, известный уже литератор отправляется в путешествие по югу России – через Одессу на Кавказ. Экзальтиро-

ванный молодой человек описал его потом как «духовное странничество, предпринимаемое неопитом для откровения Истины». Как бы там ни было, путешествие это сыграло реша-

Д.С. Мережковский. Портрет работы И. Петина (около 1900 г.)

ющую роль в его жизни, ибо, будучи в Боржоме, он знакомится с 19-летней Зиной Гиппиус. Случилась не просто любовь с первого взгляда, молодые люди ощутили в общении полное

духовное и интеллектуальное единение. Быстро обвенчавшись в Тифлисе, они перебрались в Петербург.

Вот так, казалось бы невзначай, родилась самая, пожалуй, влиятельная пара в истории русской литературы. Гиппиус и Мережковский были не просто законодателями мод, они создавали и разрушали репутации, их суждение являлось эталоном качества, вокруг них толпилась самая изысканная и перспективная творческая молодежь.

Мережковский постоянно работал, писал, причем без самоутверждения. Он находил время для перевода на русский язык Гете и Софокла. Это соответствовало его желанию обучить, воспитать, осветить Россию. Его огромная культура и прекрасное знание древних и современных языков невольно делали из Мережковского некоего воспитателя русской интеллигенции. Он прививал в России ев-

ропейское сознание, ни на минуту не забывая, что он – русский.

Парадоксальный Мережковский не был, однако, пассеистом, человеком завороченным прошлым. В ок-

тябре 1892 года он прочел нашумевшую лекцию «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Лекция, наряду со сборником его стихов «Символы», считается манифестом символизма и модернистского обновления русского искусства. Мережковский утверждал, что только «мистическое содержание», «язык символа» и импрессионизм способны расширить «художественную впечатлительность» современной русской словесности, отмечая при этом, что составляющие нового движения уже присутствуют в творчестве Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова. Мережковский фактически объявлял модернизм продолжением гениальной русской литературной классики.

Лекция произвела фурор, но либерально-демократический лагерь отнесся к ней как к проявлению «мракобесия». С восторгом принял доклад лишь немногочисленный кружок сторонников нового направления, сформировавшийся вокруг журнала «Северный вестник». В это же время Дмитрий Мережковский начал работать над одним из своих шедевров – романом «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

Февральская революция 1917 года «понравилась» Мережковским. Они считали, что только «честная революция» может покончить с войной, а «установление демократии даст возможность расцвета идей свободы (в том числе и религиозной) перед лицом закона».

Временное правительство Мережковский воспринимал как «вполне близкое». Керенский даже просил его написать несложный текст о декабристах – для распространения в войсках. Но уже в марте Мережковский предсказал скорое падение Временного правительства и диктатуру Ленина.

Октябрьский переворот Мережковский истолковал как восшествие во власть «народа-Зверя», как торжество «надмирного зла». Мережковские тщетно хлопотали об освобождении заключенных

в Петропавловскую крепость министров Временного правительства – их друзей.

В конце 1917 года Дмитрий Мережковский уже выступал с антибольшевистскими лекциями, писал антибольшевистские статьи.

Вот что писал Мережковский в своем дневнике в январе 1918 года: «Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее. Идучи по петербургским улицам и вглядываясь в лица, сразу узнаешь: вот коммунист. Не хищная сытость, не зверская тупость – главное в этом лице, а скука, трансцендентная скука “рая земного”, “царства Антихриста”».

Началась Гражданская война. Страдая от голода, вынужденно сотрудничал с горьковскими большевистскими изданиями, продавал домашнюю утварь... И в ночь с 24 на 25 декабря 1919 года Мережковские, вместе с несколькими друзьями, тайком покинули Петроград, а затем и Россию. Думали – ненадолго, а оказалось – навсегда.

Обосновавшись в Париже, где бурлила интеллектуальная и политическая жизнь русской эмиграции, где выходили русские газеты и журналы, Мережковские не вошли ни в один эмигрантский кружок. Их взгляды были неприемлемы ни для правых, ни для левых. Единственным безоговорочным единомышленником и соратником Дмитрия Мережковского был Иван Бунин. Иронично, что именно он станет Нобелевским лауреатом, хотя кандидатура Мережковского выставлялась десять раз! Великие русские писатели часто выступали вместе. Так, в 1924 году они стали инициаторами события, вошедшего в историю

Зинаида Гиппиус. Портрет работы А. Бакста. 1906 г.

под названием «Миссия русской эмиграции». О ней было написано много статей, диссертаций, книг. «Мы, – писал Мережковский, – воплощенная критика России, как бы от нее отошедшая мысль и совесть, суд над нею, настоящей, и пророчество о ней, будущей».

Нина Берберова в своих замечательных мемуарах «Курсив мой» передает парижский диалог между Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским: «Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?» – Она думала минуту. – «Свобода без России... И потому я здесь, а не там». – «Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... – и он задумывался, ни на кого не глядя, – на что мне, собственно, нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой?»

В этом диалоге содержится значительная доля трагедийной сути эмиграции. Далеко не вся русская эмиграция осознавала свою «миссию». Далеко не все эмигранты понимали и понимают суть понятия «свобода», смысл представления «Россия», толкования слова «Родина».

БОРЬБА НА СОГЛАШЕНИЕ: ФЕНОМЕН ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Газданов являет собой тот редкий тип автора-собеседника, о котором говорил Мандельштам как о писателе будущего

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО, ЗОРИСЛАВ ПАУНКОВИЧ

Гайто Газданов – человек необычной судьбы и автор произведений, окончательная оценка которых, несмотря на все усилия исследователей, возможна только в будущем.

Осетин по происхождению, не говорящий по-осетински, он родился в Петербурге и был на родине предков всего несколько раз, в детстве. Юность Газданова прошла в Харькове, где подхватила его Гражданская война. В ней, по его собственным словам, он участвовал из любопытства и выбрал ту сторону, которая была побеждена. В эмиграции оказался в Турции, потом в Болгарии и наконец – в Париже, где начал писать и был сразу же замечен как один из самых талантливых прозаиков. Газданова высоко оценил Бунин; поддержал молодого прозаика и Горький, ознакомившись с романом «Вечер у Клэр».

Газданов участвовал в литературной жизни эмиграции и вел при этом нелегкую жизнь: наряду с прочими занятиями почти два десятилетия работал ночным таксистом в Париже. Был участником французского Сопротивления, а после войны работал на американской радиостанции «Свобода».

Написал девять романов и около сорока рассказов.

В романе «Призрак Александра Вольфа» в уста учителя вложены

слова: «Вы начинаете жить и вам придется участвовать в том, что называется борьба за существование. Грубо говоря, есть три ее вида: борьба на поражение, борьба на уничтожение и борьба на соглашение. Вы молоды и полны сил, и вас, конечно, притягивает именно пер-

вый вид. Но помните всегда, что самый гуманный и самый выгодный вид – это борьба на соглашение. И если вы из этого сделаете принцип своей жизни, то это будет значить,

что та культура, которую мы старались вам передать, не прошла бесследно, и вы стали настоящими гражданами мира...»

Гражданский мир противостоит гражданской войне, «мир» понимается как общее согласие – результат «борьбы на соглашение».

На Гражданской войне в сердцах противоборствующих сторон горел огонь борьбы на уничтожение, и этот опыт стал важен для формирования мировоззрения писателя.

В те годы, когда Югославия переживала ужасы гражданской войны, спрос на его труды резко вырос. Может быть потому, что живительная проза Газданова врачует сердца, опаленные войной?

Роман «Призрак Александра Вольфа» начинается и заканчивается выстрелом. Стреляет один и тот же человек – в того же самого... Первый раз гибель не приходит сразу, не охватывает человека целиком – она поселяется в жертве и постепенно разъедает душу. Человек, запрограммированный на разрушение, продолжает жить – и служить поселившемуся в нем демону. Демон стремится к воплощению, результатом которого

является полная, окончательная смерть. Между двумя выстрелами заключено все действие романа. То, что представляется в начале случайным, оказывается в конце за-

кономерным. Газданов показывает динамику разрушительного процесса, отсрочка конца которого позволяет увидеть его суть. Оба героя переживают опыт смерти: один – как убийца, другой – как убитый. Это переживание преобразует их, но не сбивает, а лишь упрочивает каждого на своем пути. Один продолжает идти путем зла, другой – путем добра. Но их роли парадоксально перепутаны: зло творит убитый, добро – убийца. Убийца – защитник, он защищает свою жизнь и любовь от опасного маньяка, от человека, обуреваемого жаждой смерти.

Газданов дописывал свой роман во время Второй мировой войны, и ее подспудные токи, напряжение массового смертельного насилия, «борьбы на уничтожение», пронизывают произведение... Но писатель обладает даром преобразования тягостного материала: соприкасаясь с насилием, он сам не заражается его флюидами, не получает удовольствия от изображения сцен насилия и, тем более, не сообщает это извращенное удовольствие читателю, в противоположность, увы, многим современным сочинителям.

Эмиграция Газданова была вынужденной, ее можно рассматривать как затянувшееся путешествие, и его работа водителем – шофером ночного такси в Париже, – продолжение путешествия, а работа ведущим литературной редакции на радиостанции «Свобода» в последние годы жизни – форма парадоксального возвращения на родину... Газданов вернулся вначале как голос, как едкий прокуренный голос, звучавший до 1971 года (псевдоним – Георгий Иванович Черкасов).

Газданов представлял человеческую жизнь через метафору путешествия и остановки: «История одного путешествия», «Полет», «Ночные дороги», «Пилигримы» – таковы названия его романов. Кроме «Призрака Алексан-

дра Вольфа», самые популярные романы Гайто Газданова – «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды».

В романе «Пробуждение» он показал условность представлений об избранности и казности. Герой романа – «средний француз», бухгалтер, который находит смысл жизни в служении потерявшей разум женщине. Парадокс в том, что женщина эта принадлежит родовой аристократии и ни при каких обстоятельствах не могла бы поддерживать знакомство с человеком, не принадлежащим к ее кругу, – но после выздоровления она уже не может без него жить...

В этой истории критики заметили христианскую мораль – нам же представляется, что фабула ее сказочна именно в том смысле, что сказка подсказывает решение трудных вопросов. Аристократия во всем мире к середине XX века была оттеснена от власти, потеряла влияние, стала беспомощной – не о ее ли судьбе написал роман-притчу Газданов?

Писатель прекрасно передает ощущение сплоченности, дружеской солидарности, юношеского романтизма в романе «Вечер у Клэр», новелле «Общество восьмерки пик» и ранних рассказах, посвященных эпохе Гражданской войны. В целом проза Газданова полна редкой проникновенности, ее можно читать запоем.

Газданов являет собой тот редкий тип автора-собеседника, о котором говорил Мандельштам как о писателе будущего. Чтение как сотворчество становится делом немногих, – но только такое чтение можно признать истинным, прочее же вытеснит кино и телевидение. Это чтение возвращает нас к истокам искусства, в глубины веков,

когда не было разделения на исполнителей и слушателей, все присутствующие были участниками праздничного

мифо-ритуального действия, придающего жизни смысл. Проза Газданова несет в себе отголоски этой древней праздничности, которая сейчас становится вновь актуальной: вновь силы хаоса выходят из-под контроля, и как никогда нужны общие действия, направленные на поддержание мира и порядка, обуздание хаоса.

Более 20 лет назад в Москве было создано Общество друзей Газданова, которое координирует исследования и издания произведений писателя. При содействии Общества было проведено несколько международных конференций, состоялись съемки двух фильмов... Фильм о Газданове «Игра воображения» («Нарт-Арт студия», продюсер Темина Туаева, автор и режиссер Рафаэль Гаспарянц и оператор Михаил Немыцкий) был показан в Тургеневской библиотеке на собрании Общества друзей Газданова

пять лет назад. С тех пор нам довелось познакомиться с несколькими сценариями художественных фильмов и пьес по Газданову. К сожалению, до сих пор эти проекты так и не были реализованы.

Во Франции издаются ранее не переведенные на французский рассказы, выходят новые переводы его романов в Германии и Нидерландах, в Египте и Англии. Интерес к Газданову возрастает, и это закономерно: в наши дни перед многими людьми встает задача – как сохранить честь и достоинство, не потерять разум и остаться человеком творческим и человеческим, с сердцем и умом в это непростое время? Пример Газданова показывает нам, что это возможно.

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

«На русском Монпарнасе он был страдающим нищим Орфеем, чьи песни завораживали многих»

СВЕТЛАНА КУЗЬМИНА

Борис Юлианович Поплавский (1903–1935) вместе со своими родителями эмигрировал в Париж через Константинополь в 1919 году. Его стихотворения появляются в эмигрантской печати с 1928 года, преимущественно в журнале «Воля России», а затем – в крупнейшем и авторитетном литературно-критическом журнале «Современные записки».

Жизненные условия Поплавского были крайне трудными, жил в нужде. Умер, приняв сверхдозу наркотического вещества, что было, как пишет Вольфганг Казак, «скорее несчастным случаем на пути его поисков мистической отрешенности, чем сознательным стремлением к смерти». Был отмечен как значительный поэт такими критиками, как Д. Мережковский и Вл. Ходасевич. Посмертно вышли и его сборники «Снежный час» (1936) со стихотворениями, написанными в период с 1931 по 1935 гг., и «В венке из воска» (1938).

С. Карлинским в 1980–1981 гг. осуществлено издание трехтомного собрания сочинений Бориса Поплавского, которое вышло в г. Беркли (США). С 1989 года стихотворения Поплавского стали публиковаться и на родине.

Среди литературных источников творчества Поплавского – «проклятые» поэты Ш. Бодлер, Г. Аполлинер, французские сюрреалисты и русские символисты, особенно А. Блок.

Весь мир Поплавский ощущает как одушевленный. Мистически настроенный на одухотворенность всего сущего, поэт создает образную многослойность, сложное символическое письмо, обращенное к другому

«Ты», которое им самим трактуется как обращение к Богу и Любви. Работая над филигранностью каждой поэтической строки, о чем свидетельствуют черновики и множественные варианты, Поплавский достигает музыкальности и ощущения свободной стиховой импровизации. Г. Адамович отмечал «какой-то обволакивающий, анестезирующий привкус и оттенок, как

будто это нескончаемая, протяжная колыбельная песня».

Для современников Поплавский был живой легендой. Опубликованные дневники раскрыли напряженность его духовной жизни, насыщенность интеллектуальных и творческих поисков. Н. Бердяев откликнулся на дневники Поплавского в «Современных записках» (№ 68), высказав, может быть, основное в мироощущении поэта: «Эта книга очень значительная, очень замечательная... Документ современной души, русской молодой души в эмиграции... Поплавский был настоящий страдалец, жертва стремления к святости. Он чувствовал между собой и Богом тьму».

Адамович признавал, что Поплавский «был необычайно талантлив, талантлив «насквозь», «до мозга костей», «в каждой случайно оброненной фразе». Но при этом бросалось в глаза и отсутствие «защиты» от внешнего мира, что восполнялось множественностью обликов поэта: художник (он занимался в Академии художеств в Париже), боксер (им написаны даже две статьи о боксе), нищий, не имеющий возможности заплатить в кафе за чашку кофе, библиофил и библиоман, проводящий все время в библиотеке, мистик, погруженный в медитации, христианин, буддист, монархист, коммунист и т. д., личность, не установленная и не устоявшаяся, чей мозг дает несравненно яркие вспышки.

Адамович пронизательно отметил, что Поплавский был поэтом не столько русским, сколько западным, где поэзия стала поэзией неудач, катастроф, личных трагедий. Любимый им поэт А. Рембо стал как бы его прототипом – и в творческом, и личном планах. Поплавский виртуозно схватывал самую суть чужой поэзии. Его стихотворение «Роза смерти» может служить и путеводителем по основным темам сборника Г. Иванова «Розы», и быть «визитной карточкой» самого автора.

*Темный воздух осыпает звезды,
Соловьи поют, моторам вторя,
И в киоске над зеленым морем
Полыхает газ туберкулезный.
<... >
И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливо: смерть.*

Вероятно, Поплавский знал статью А. Блока «О современном состоянии русского символизма», в которой Блок описывает духовное состояние, при котором происходит подмена чистых символов символами-подобиями. В какой-то степени похожее состояние замены жизни смертью, скрупулезный и точный анализ этого состояния передан и в стихотворении Поплавского «Лунный дирижабль». Название указывает на призрачность, инобытие, ночную сновидность, невозможную и обязательно убывающую при восходе солнца.

*Строит ангел дворец на луне,
Дирижабль отходит во сне.
Запевают кресты винтов,
Опадают листья цветов.
<... >
Напевают цветы в саду.
Оживают статуи душ.
И, как бабочки из огня,
Достигают слова меня.*

Для поэзии Поплавского свойственны полутона, смешанные полу-раски начинающегося рассвета или

иногo пограничного времени. Мир рассечен зеркальными отражениями в «Морелла II»:

*Где Ты, светлая, где? О, в
каком снеговом одеянье
Нас застанет с Тобой
Воскресения мертвых
труба?
На дворе Рождество.
Спит усталая жизнь над
гаданьем,
И из зеркала в мир
чернокрылая сходит
судьба.*

Религиозные мотивы и образы даны в глубоко личной мотивации, чаще всего они просвечивают возможной надеждой сквозь извечный кошмар реальности:

*Пылал закат над сумасшедшим
домом,
Там на деревьях спали души
нищих,
За солнцем ночи, тлением
влекомы,
Мы шли вослед, ища свое жилище.
Была судьба, как белый дом
отвесный,
Вся заперта, и стража у дверей,
Где страшным голосом на ветке
лист древесный
Кричал о близкой гибели своей.*

Поплавский умеет с фетовской силой передать живописность снежного леса, не утратив философской глубины своего поэтического мышления. В стихотворении «За рекою огонь полыхает» (1931) в классической манере соединяются мгновенное и вечное:

*И опять за широкой рекою
Будут звезды гореть на весу,
Точно ветка, что тронул рукою
Запоздалый прохожий в лесу:
И с нее облетело сиянье.
Все спокойно, и тьма холодна.
Ветка смотрится в ночь
мироздания,
В мировое молчанье без дна.*

В его поэзии часто встречается образ парохода, мотив плавания, входящий к поэзии Рембо, становится символом самой жизни, ее текучести

и непредсказуемости: «Грань воздушных и водных миров, / И один превратился в другой». Поэт – и свидетель, и участник этих метаморфоз, иногда сказочно красивых, но чаще чарующе трагичных, завораживающих гибелью и риском.

Многослойность смыслов, символическая и метафизическая глубина образов, их ассоциативные связи, сквозные образы и мотивы, цепочки взаимноисключающих понятий, принципы контраста и суггестивности, драматизм стихотворных сюжетов – основные черты поэтики Поплавского, соединившего художественный эксперимент и достижения символистской и постсимволистской русской и западноевропейской поэзии в своем творчестве.

«На русском Монпарнасе, – считает А. Чагин, – он был страдающим нищим Орфеем, чьи песни завораживали многих, заставляли спускаться вслед за ним в ад разрушающейся человеческой души, рассказывая об одиночестве и беззащитности человека на земле, о наступлении сил зла, о мучительных поисках Бога. Словом, обо всем том, чем жили тогда и многие его поэтические собратья и сверстники, но что наиболее обнаженно и ярко проявилось в его поэзии (и во всем, что им написано), в судьбе, в самой его безвременной гибели. И если бы понадобилось когда-нибудь найти образ, который полнее всего воплотил бы в себе духовную высоту и трагедию молодого поколения первой волны эмиграции, то, несомненно, это был бы «омытый слезами» образ Бориса Поплавского».

ВОЙНА И МИР НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

Эмигрантской апатии он противопоставил деятельный патриотизм

ИРИНА РОДИНА

Родиться в канун XX века – значит обречь себя на бурную жизнь, что и сделал Коля Туроверов, появившись на свет 18 марта 1899 года в семье потомственных старочеркасских казаков.

Как все казацкие дети мужского пола, Коля в три года был посажен на коня, в пять – уже свободно ездил верхом. Когда в эмиграции Туроверов будет вспоминать о доме и детстве, муза подскажет ему почти пасторальные картинки. Да так оно, наверное, и было, в особенности по контрасту с пришедшей на смену этой буколке гражданской смуты:

*На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнаженных,
Сидят на постланных коврах
Принарядившиеся жены.
Весь город ждет и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожиданье там и тут
Гуляет пеннистая кружка...*

В 1914 году грянула Первая мировая война. Туроверову было всего 15, но на фронт ему страстно хотелось, как и многим его сверстникам, грезившим военной романтикой. Едва дождавшись семнадцати лет, Николай поступает вольноопределяющимся в Атаманский полк, в составе которого уходит на фронт.

Спустя 15 лет, уже в парижской эмиграции, участник этих драматических событий Николай Туроверов напишет:

*Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.*

За три года войны Туроверов заработал четыре ранения и орден Св. Владимира 4-й степени – боевую награду, которой фронтовики гордились.

В первых числах ноября 1920 года в числе 140 тысяч русских военных, в том числе 50 тысяч казаков, Туроверов навсегда покинул родину. Его, раненого, внесли на один из последних пароходов в Севастопольском порту. Следом по трапу поднялась жена – Юлия Грекова, медсестра крымского госпиталя.

Корабль взял курс на греческий остров Лемнос. Именно в это место Эгейского моря, если верить мифам, Зевс-громовержец выбросил своего новорожденного сына, разгневанный его хромоногим уродством. На острове бога-кузнеца предстояло ковать новую жизнь. В черно-голубую воду вслед за уплывающим пароходом бросались кони, не в силах расстаться с уплывающими в никуда казаками. И об этом душераздирающем расставании Туроверов не смог не написать.

Стихи, посвященные коню, в СССР тайно переписывали, даже

не зная имени автора. Сейчас всем приходит на память финал советского фильма «Служили два товарища» – там белогвардеец Брусенцов в исполнении Высоцкого смотрит с борта эмигрантского корабля на своего белого Абрека, прыгнувшего в море с высокого причала. Офицер достает револьвер и стреляет – не в коня, в висок. В реальности же кавалеристы стреляли в лошадей – «чтоб не мучились»:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.*

После изнурительного морского путешествия казаки оказались на Лемносе. Формально это был предоставленный французами пересылочный лагерь для врангелевцев, фактически – большая, окруженная водой тюрьма. «Союзники» установили для русских строгий режим интернирования и обеспечили весьма скудное снабжение. Жили в бараках и насквозь продуваемых палатках. Собирать бурьян для растопки печек не разрешалось: казакам запретили ходить по острову, за этим строго следила французская охрана. Многими овладевало отчаяние: ни родины, ни дома, ни работы, ни свободы. Самоу-

бийства среди эвакуированных стали случаться все чаще. Одновременно люди искали противоядия от наступившего их ужаса. Построили церковь из ящиков и палаточной материи. Самодельный храм всегда был переполнен, а на службах пели казацкие хоры.

Туроверов принимает вызов судьбы: погони пришлось снять и взвалить на плечи мешки с солью и мылом. В следующем пункте своего эмигрантского маршрута в Сербии он обогатит свой послужной список профессиями лесоруба и мукомола.

У них с Юлией рождается дочь Наталья, и молодому отцу некогда мучиться поиском смысла жизни. Между тем на горизонте начинает маячить голубая мечта всех русских изгнанников – Париж. Чтобы попасть туда, необходимо прежде заручиться контрактом о будущей работе. И друзья устраивают Николаю такой контракт – ему зарезервировано место грузчика на парижском вокзале. В 1922 году семья переезжает во французскую столицу на постоянное место жительства.

Разгрузку вагонов Туроверов ухитряется совмещать с посещением лекций в Сорбонне. А вскоре ему вообще неслыханно везет – он устраивается на работу шофером парижского такси.

Таких «счастливых», как Туроверов, в Париже хватало. Работая шоферами, официантами или уборщиками, «среди своих» эмигранты по-прежнему считались адвокатами, артистами, чиновниками. Многих настигало своеобразное раздвоение личности и стремление жить вчерашним днем. Николая Туроверова от этого спасло писание стихов.

Осмысливать жизнь в стихотворных строчках стало его привычкой с 21-го года. В 28-м появился первый поэтический сборник «Путь». Последующие четыре носили одно и то же аскетическое название «Стихи» и увидели свет в 37-м, 39-м, 42-м и 65-м годах.

Уже первая книга показала миру – явился поэт, какого он раньше не знал. О дебютном сборнике одобри-

тельно высказались литературные мэтры русской эмиграции.

Поэтический талант удивительным образом сочетался в Николае Николаевиче с гибкостью и адаптивностью в жизни бытовой и социаль-

ной. В начале 30-х годов он поступил на службу в крупнейший парижский банк «Диас», в котором проработал почти сорок лет, получив в конце карьеры медаль «За долгую и безупречную службу». Подобно клерку Францу Кафке, он вел двойное существование службиста и творца.

Интенсивность жизни Николая Николаевича была очень далека от среднестатистической. Эмигрантской апатии он противопоставил деятельный патриотизм. Туроверов взял на себя заботу о чуде сохранившемся при исходе из России архиве Атаманского полка. Он разыскивал новые материалы и документы, сам покупал их на аукционах и в конце концов открыл в собственной квартире музей полка.

Туроверов стал составителем сборников «Казацкие песни» и «Наполеон и казаки». Последний считается библиографической редкостью. В 1937 году инициировал создание парижского «Кружка казаков-литераторов», а после войны – «Казацко-союз», который помогал донцам

устроиться на чужбине: обзавестись новыми документами, поступить на работу, переехать в другую страну. Почти 20 лет был редактором журнала «Родимый край». Организовал выставки – «Казаки», «Суворов», «Пушкин и его эпоха» и даже «1812 год» (последняя была наивеличайшей дерзостью).

После Второй мировой войны, в которой Туроверов принял участие в составе Иностранного легиона, он возвращается к своим привычным делам: сочинительству, журналистике, общественной работе. Его литературный авторитет безусловен, имя известно во всех уголках Земли, где живут разбросанные по свету русские: в Аргентине и Алжире, США и Югославии. Он печатается в тиражных эмигрантских изданиях: «Перезвонах», «Возрождении», «России и славянстве», «Современнике», «Гранях», в альманахе «Орион», в «Новом журнале». Его стихи включены в послевоенные антологии «На Западе», «Муза диаспоры», «Содружество». Мысли о Доне и России не оставляют его так же, как и прежде, но возвращение все чаще предстает несбыточной химерой, а любовь к родине приобретает эпитет «неразделенная»:

*... И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать,
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.*

Не признавшая сына мать-родина – вот навязчивый кошмар Туроверова. Что касается настоящих родителей поэта, то они бесследно сгинули после его отъезда то ли в лагере, то ли в ссылке. Следов их он так и не смог найти, хотя долго искал. В 50-м году умирает жена Юлия, поэт воспринимает ее уход как преддверие близкого свидания.

Последние годы жизни поэт часто болел. Умер Николай Туроверов во французском госпитале Ларибуазьер в 1972 году. Похоронен на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

«НА ЧУЖБИНЕ»

Фрагмент из книги воспоминаний французского и советского писателя, искусствоведа, журналиста и публициста Льва Любимова (1902–1976), который после Второй мировой войны вернулся из эмиграции в СССР

ЛЕВ ЛЮБИМОВ

Незадолго до войны французское радиовещание просило меня сделать сообщение о культурных достижениях русских во Франции, да и вообще за рубежом. Я охотно согласился.

Говорил я около часа. Мое сообщение прерывалось пластинками с пением Шаляпина, игрой и музыкой Рахманинова, музыкой Глазунова, Стравинского, Гречанинова да еще Черепнина, Мегнера, Кедрова, Чеснокова.

Спектакли созданной в Париже Русской оперы, где шли «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Русалка», «Садко», «Сказка о царе Салтане» в декорациях Коровина, Билибина, были триумфом русского искусства.

В буре половецких плясок Борис Романов приводил французов в неопределимый восторг. А когда в «Князе Игоре» стареющий, но еще безмерно великий Шаляпин исполнял в одном спектакле партии Галицкого и Кончака, у многих русских в зале стояли в глазах слезы.

«Вот что мы можем показать иностранцам, которые считают за малость, что приняли нас в своей стране!» Да, все это бы прекрасно!

На сцене Театра Елисейских полей умирает Борис-Шаляпин, и я слышу, как известный французский критик говорит с влажными от волнения гла-

Хаим Сутин. «Пейзаж Канн». 1924–1925 гг.

зами соседу: «Это действительно совершенство!»

И еще был русский триумф, когда на этой же сцене умирал Лебедь – Анна Павлова. Или когда на эстраде огромного концертного зала Плейель появлялся высокий худой человек, медленно, чуть ли не флегматично садился у рояля и в воцарившейся тишине, вдруг преобразившись лицом, со сдвинутыми бровями, опускал руки на клавиши. «Рахманинову ура!» – как-то закричал по-русски восторженный соотечественник, и французы в зале поддержали этот возглас.

Я сказал французским радиослушателям, что из балетных студий, основанных в Париже знаменитыми русскими балеринами Кшесинской, Преображенской, Егоровой, Трефиловой, вышли не только про-

славившиеся за рубежом русские танцовщицы Баранова, Туманова, Рябушинская, танцовщики Юскевич, Еглевский, но, в сущности, и весь современный французский балет, так что русская хореография сторицей отплатила сейчас за все то, чем некогда была обязана хореографии французской. Мало того, что во Франции был создан русский балет, выступавший затем в Англии и в Италии, в Америке и в Австралии, но и список танцоров и танцовщиц парижской Большой оперы запестрел именами русских юношей и девушек. А балетмейстером оперы, первым ее танцовщиком и гордостью стал в те годы Сергей Лифарь, русский, дягилевский любимец (как и подвизавшиеся в США Мясин и Баланчин), который танцевал в паре с Семеновой, когда она гастролировала в Париже.

Прыжок Лифаря знатоки сравнивали с «полетом» самого Нижинского, тоже оказавшегося на чужбине.

И так утвердилось тогда сияние русской хореографии, что желающие скорее прославиться танцовщицы – француженки, англичанки, американки, в подавляющем большинстве ученицы русских эмигрантских балетных школ, – часто выступали, да и выступают сейчас, под русскими псевдонимами.

Напомнил я еще парижанам о спектаклях балиевской «Летучей мыши», перекочевавшей затем в Нью-Йорк. Ведь и Никита Балиев был одно время парижской знаменитостью. Ставил русские и французские стилизованные номера по точному образцу тех, что имели столь громкий успех в предреволюционной Москве. При этом по-прежнему выступал как конферансье. Говорил Балиев по-французски не очень грамотно и с сильным акцентом. Между тем французы очень нетерпимы к дурному французскому языку. Балиев вышел из положения весьма оригинально: иностранный акцент и лингвистические ошибки он еще усугубил, доведя свою французскую речь до чистейшего гротеска. Получился «новый жанр», на что «весь Париж» особенно падок. А когда извлек из своей выдумки максимум, переправился через океан и с не меньшим успехом потешал американцев столь же шутовской английской речью.

Я назвал еще очень многих русских музыкантов, артистов, художников, подвизавшихся в Париже. Указал на роль во французском кино двадцатых годов Волкова, Протазанова, Можухина, Наталии Лысенко, Туржанского

и других кинорежиссеров и артистов. Напомнил об огромном престиже и значении С. П. Дягилева, о блестящем вкладе Питовых во французское театральное искусство. Отметил, что чуть ли не все гримеры парижских театров – русские и что французы признают в этом деле абсолютное превосходство наших соотечественников.

Да и в других областях культуры мне было нетрудно украсить свое сообщение любопытными фактами, показательными примерами. Вот некоторые из них.

Автомобильная фирма Ситроена поручила иллюстрировать свою шумевшую африканскую экспедицию русскому художнику Яковлеву. Острые яковлевские зарисовки Черной Африки были событием в художественной жизни Франции.

Русские художники Сутин и Терешкович стали одними из самых выдающихся представителей парижской школы живописи.

Раскопки, произведенные на Ближнем Востоке русским архео-

логом, профессором М. И. Ростовцевым, дали огромный научный материал и принесли ему мировую известность. Едва ли не первым во Франции знатоком искусства индокитайского народа кхмеров, выдающимся исследователем памятников древней кхмерской архитектуры считался в тридцатых годах русский археолог В. В. Голубев.

При знаменитом Пастеровском институте работали в те же годы один из крупнейших в мире микробиологов почвы С. Н. Виноградский, ученик Мечникова, профессор С. И. Метальников, и еще несколько выдающихся русских ученых-эмигрантов.

Сын знаменитого живописца актер Г. В. Серов прославился во французском кино.

Гордость Франции, огромный пассажирский пароход «Нормандия», быстрее всех перерезавший океан и завоевавший премию «Голубой бант», возбуждал гордость и русских эмигрантов: профиль его был сконструирован русскими инженерами-парижанами Юркевичем и Петровым, дизеля строились по проекту профессора Аршаулова, а винты – по системе Хоркевича.

Тогдашний чемпион мира по шахматам был французским гражданином, но звали его Алехиным, а когда этому «француз» пришлось защищать свое звание против чемпиона Германии, им не понадобилось переводчика, так как «немца» звали Боголюбовым.

Наконец, я похвастался Нобелевской премией Бунина, первого русского писателя, получившего эту награду, и сообщил французам, что молодой французский писатель Анри Труайя, удостоившийся знаменитой премии Гонкуров, – выходец из России, армянин-эмигрант, подлинная фамилия которого Тарасов.

После моего сообщения по радио я получил много писем от эмигрантов с благодарностью за то, что я «поднял их дух», «утер нос французам», «разъяснил иностранцам, на что способны русские».

Игорь Стравинский, Сергей Дягилев, Сергей Лифарь

«КИТМИР» МАРИИ РОМАНОВОЙ

Освоив навыки машинной вышивки на курсах вышивальщиц-мотористок, великая княгиня основала в Париже собственный Дом моды

Великая княгиня Мария Павловна Романова, дочь великого князя Павла Александровича, покинув после революции Россию, долго скиталась по миру: какое-то время жила в Румынии, затем переехала к своему брату Дмитрию в Лондон, где встретила холодный прием со стороны английской королевской семьи, с которой Романовы были в родстве.

В Лондоне она впервые попробовала зарабатывать на жизнь и стала вязать свитера и платья для магазина одежды. Там же она возглавила швейное ателье по изготовлению обмундирования для Добровольческой армии на Дону. Затем великая княгиня переехала в Париж, где и началась ее карьера в мире моды.

Стиль «А-ля-рюс»

Осенью 1921 года Мария Павловна в поисках средств к существованию решила попытаться счастья у Коко Шанель, которая тогда уже имела весьма солидную репутацию и клиентуру. К тому же было известно, что она испытывала слабость к русской культуре. Как раз в эти годы Шанель находилась под обаянием Дягилева и так сильно поверила в ми-

ровое художественное значение его антрепризы, что выделила большие средства не только на поддержание, но и на возрождение и расширение «Русского балета».

Великая княгиня Мария Павловна Романова

Мария Павловна освоила навыки машинной вышивки на курсах вышивальщиц-мотористок и на производстве, и после нескольких удачно выполненных заказов у нее появилась идея создания собственного Дома. Предприятие было названо «Китмир» в честь любимого пекинеса

бывшего посла России в США Бориса Бахметьева. Мария Павловна продала очередную порцию фамильных драгоценностей и арендовала помещение на авеню Франциска I, неподалеку от Елисейских Полей. Наняла двух русских девушек, отправив их за свой счет на курсы, которые сама окончила, и купила три вышивальные машины.

В это время Коко Шанель начала готовить к традиционному февральскому показу очередную весеннюю коллекцию. Она предоставила Марии Павловне право самой придумать рисунки вышивок, выбрать ткани и нитки. Идеи и эскизы обсуждались совместно. Великая княгиня погрузилась в ранее совершенно не ведомую ей сферу жизни: училась работать с поставщиками, решала организационные и коммерческие вопросы.

Первый заказ на партию блузок, туник и пальто Дом «Китмир» получил от «Шанель». Мария Павловна собственноручно расшила большую часть изделий, выполнив вышивки в серых тонах с красными вкраплениями. Эти модели стали гвоздем коллекции Шанель. После трехчасового дефиле клиенты бросились наперебой заказывать вышитые

вещи. «Китмир» приобрел статус эксклюзивного поставщика Дома моды «Шанель».

На великокняжеское предприятие посыпались заказы, с которыми Мария Павловна и ее работницы едва справлялись. Она вспоминала, что иногда спала прямо на полу в мастерской, подстелив вместо матраса шубу. Вероятно, многих организационных и производственных проблем можно было бы избежать, если бы Мария Павловна наняла опытных французских вышивальщиц. Но она, стремясь поддержать соотечественниц, набирала исключительно русских девушек-эмигранток, чем вызвала недовольство Коко, которая жестко требовала от великой княгини «искоренить дух благотворительности, который нельзя путать с коммерцией». Впрочем, в целом отношения между ними до поры до времени были вполне дружескими.

«Китмир» ежегодно увеличивал и менял ассортимент. Мария Павловна внимательно следила за веяниями в мире моды и, почувствовав ослабление интереса к псевдорусскому историческому стилю, стала вводить в свои вышивки орнаменты персидской керамики, коптских тканей, китайского фарфора. Ее модели 1922 года были расшиты уже не только золотом и шелком – в дело пошли бисер, бусы и блескты. Успех был огромным. Шанель требовала все больше вышитых изделий.

Триумф и закат «Китмира»

В 1923 году «Китмир» переехал в трехэтажный особняк на рю Монте-Теперь штат Дома вышивки насчитывал более пятидесяти человек. Дом приобрел известность и за пределами Франции.

Однако успех таил в себе опасность, которую великая княгиня тогда еще не совсем понимала. Она была человеком творческим и бесконечно трудолюбивым, но аристократическое воспитание в ней плохо уживалось с коммерческой хваткой – тем,

в чем была особенно сильна Шанель, выбившаяся из народа. Расширение дома «Китмир» не было подкреплено финансовыми успехами.

С одной стороны, Дом вышивки Марии Павловны возник и расцвел во многом благодаря Коко Шанель, гарантировавшей заказы. С другой стороны, по условиям контракта «Китмир» не имел права копировать заказы Дома «Шанель» во Франции и сотрудничать с иными домами моды. Мария Павловна могла тиражировать лишь заграничные заказы. Этим воспользовались американцы, которые стали заказывать уже не только

вышивку одежды, но и окончательную предпродажную подготовку, чем раньше «Китмир» не занимался. Американская эпопея началась с того, что некто Курзман, купивший у Марии Павловны несколько блузок, объявил себя импортером изделий «Китмира» в Соединенных Штатах. Вскоре он с гордостью прислал вырезку газетной рекламы с изображением императорской короны, инициалами великой княгини и ее полными титулами. Мария Павловна была в шоке от американского стиля продвижения продукта. Сама она тщательно скрывала свой титул, ибо считала, что торгует вышивками, а не царским происхождением.

Неприятности у Марии Павловны возникли после того, как Дом моды Жана Пату, один из главных конкурентов «Шанель», предложил заключить с «Китмиром» контракт. Великая княгиня честно рассказала об этом Коко Шанель. Та сделала вид, что рада расширению «Китмира», но составила список клиентов, с кем русской фирме запрещалось сотрудничать. Дом Пату стоял в нем на первом месте. Отношения между Коко Шанель и Марией Павловной обострились. Эксклюзивный кон-

тракт был потерян. Шанель обратилась в другие дома вышивки, а «Китмир» обрел самостоятельность, с которой Мария Павловна, плохо разбиравшаяся в коммерции, справлялась далеко не блестяще.

Впрочем, поначалу дела шли в гору. «Китмир» приобрел новых крупных заказчиков, и все они выдвигали свои требования. В следующем сезоне было создано более двухсот моделей на любой вкус. Теперь на Марию Павловну работали более ста вышивальщиц по всей Франции. Однако расширение производства на деле означало потерю единого стиля Дома. К тому

же в 1923–1924 годах рынок изменился. Открытие Картером гробницы Тутанхамона породило моду на Египет. Стиль «а-ля-рюс» ушел в прошлое.

«Китмиру» пришлось осваивать геометрические рисунки на египетские темы. Свой звездный час «Китмир» пережил в 1925 году, когда в Париже была организована Всемирная выставка современного декоративного и прикладного искусства арт-деко. Творчество великой княгини не осталось незамеченным. «Китмир» получил золотую медаль и почетный диплом участника выставки, выписанный на имя... мсье Китмира.

Несмотря на успех, отмеченный ведущими парижскими модными журналами, финансовое положение великокняжеского Дома вышивки по-прежнему было зыбким. Очередная финансовая операция Марии Павловны кончилась тем, что для погашения долгов она была вынуждена распродать остатки драгоценностей. В конце 1920-х годов прошла мода на вышивки, осваивать же новые сферы модного бизнеса великая княгиня не умела, а может быть, и не захотела. В 1928 году «Китмир» был поглощен французской фирмой вышивки «Фитель и Ирель».

СКИТАНИЯ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ РОМАНОВОЙ

*Революция 1917 года в одночасье разрушила мир великой княжны
Ольги Александровны Романовой*

НАДЕЖДА КНУДСЕН

Великая княжна Ольга Александровна Романова, младшая дочь императора Александра III, как говорили некогда, «родилась в пурпуре». Потому как появилась на свет в 1882 году у венценосной пары. И вся жизнь царевны Ольги должна была проходить в роскоши, неге и быть легкой, словно «танец по лепесткам роз».

Любимица отца, она получила прекрасное образование при дворце в Гатчине, а дар рисования, унаследованный от матери, императрицы Марии Федоровны, ей развил известный художник Станислав Жуковский.

В 1901 году 19-летнюю княжну выдали замуж за герцога Ольденбургского, который был старше ее на 14 лет. Брак оказался неудачным. «Мы прожили с ним под одной крышей 15 лет, но так и не стали мужем и женой», — писала в своих

Великая княжна Ольга Александровна Романова

мемуарах Ольга Александровна.

После нервного срыва она уехала в родовую усадьбу под Воронежем, где освоила профессиональные навыки медсестры в сельской больнице. Преодолевая многие трудности и запреты, сменив в одночасье роскошные придворные наряды на простое платье медсестры прифронтового лазарета, Ольга Александровна три года выхаживала раненых. И молилась за их жизни, вымаливая у Бога и свое счастье.

Когда началась Первая мировая война, она стала работать медсестрой в военном госпитале на колесах. 14 августа фронтовой лазарет на 200 раненых, в составе которого было пять врачей и 18 медсестер, прибыл в Киев, а через несколько дней был уже в Ровно, где принимал раненых с поля сражений. Лазарет этот был под патронажем вдов-

ствующей императрицы Марии Федоровны.

И однажды, в конце октября 1916 года, счастье улыбнулось княжне Ольге: в госпиталь приехал с осмотром ее старший брат Николай II и, вручив ей, сияющей от счастья, декрет о расторжении брака, благословил на венчание с офицером Кирасирского полка Николаем Куликовским, в которого она была много лет влюблена.

Венчание состоялось 4 ноября 1916 года в церкви святителя Николая в Киеве. 17 ноября Ольга Александровна и Николай Куликовский, получив на две недели увольнение с фронта, уехали в провинцию, где и провели в старинной дворянской усадьбе свой медовый месяц. А потом опять вернулись на фронт, каждый в свою часть.

Февральская революция застала их в Киеве, откуда они в начале марта 1917 года вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, дождавшись приезда из Петрограда сестрв Ксении с семьей, по совету и при содействии ее мужа, великого князя Александра Александровича, бежали в Крым.

На спецпоезде дискретно, в два дня, они добрались до предместий Севастополя, а оттуда доехали до принадлежавшей великому князю Александру Михайловичу летней резиденции Ай-Тодор неподалеку от Ялты. Им казалось, что здесь, среди виноградников и холмов, они могли быть в безопасности.

В начале августа 1917 года у четы родился сын, которого нарекли при крещении именем Тихон. К тому времени Куликовские уже перебрались в небольшой уютный домик по соседству с виллой Ай-Тодор. Казалось, счастье поселилось с ними навеки...

В феврале 1918 года, по решению местных красных комиссаров, Романовых перевезли из резиденции Ай-Тодор во дворец Дюльбер, поместив под строгий домашний арест с охраной.

Чета Куликовских в списки не попала: в связи со своим морганатическим браком великая княжна Ольга Александровна не могла претендовать на царский трон и поэтому не представляла особого интереса для большевиков.

В январе 1919 года, когда усилились обстрелы побережья Ялты военными эсминцами врага, а немцы уже были на подходе к Крыму, Куликовские решили бежать на Кубань, в станицу Новоминская, откуда был родом один из казаков личной охраны Марии Федоровны. Там жила его семья, и в случае чего их могли защитить.

Бегство из Крыма было нелегким. Они добрались до Новороссийска, где встретили генерала Кутепова, который впоследствии пропал в Париже, в эмиграции, при неясных обстоятельствах. Он был очень любезен и предложил свой спецвагон, который довез их до кубанской станицы. Там в апреле 1919 года у четы Куликовских появился на свет второй сын — Гурий.

К осени красные стали подбираться все ближе, и, спасаясь от пламени Гражданской войны, охватившей Кубань, семья Куликовских бежала в Ростов-на-Дону, намереваясь потом добраться по морю в Константинополь, а затем — в Сербию.

В предместье они нашли старинный заброшенный армянский монастырь. С выбитыми окнами, сорванными и унесенными, скорее всего, на растопку дверями, он представлял собой жалкое зрелище. Но, обнаружив к великой своей радости в одном из маленьких флигельков исправный камин, они заткнули выбитые окна мешками с сеном, обустроились и прожили там худо-бедно три месяца, до самых холодов, пока не выпал снег.

В начале декабря 1919 года пришло известие о наступлении красных. Времени на раздумья не было. В своих дневниках Ольга Александровна пишет: «Завернув двух малышей в теплые платки и

шали, погрузили мы свой нехитрый скарб в баулах на сани <...>. Добравшись вскорости до Ростова, мы увидели море людей, все рекой устремились к главному вокзалу. Хаос и неразбериха царили там полнейшие. Все друг друга о чем-то все время спрашивали, но никто не знал наверняка, какой поезд, когда и куда поедет. В страшной давке и гвалте людском нам удалось все же занять место в купе одного из составов, там уже было три офицера, один с супругой, но очень слабых и, видимо, больных тифом. Мы были им очень рады, как бы друзья по несчастью, и к тому же, пока поезд стоял на путях, а это было в течение двух суток, мы были под их защитой. Покидать поезд было бы безумием, потому что места наши сразу же занял бы кто-то из толпы страждущих уехать, которые осаждали в панике вокзал в надежде бежать из Ростова. Но когда наконец состав наш тронулся в путь, мы все, вздохнув от облегчения, вдруг неожиданно вспомнили, что наступило Рождество! Мне взгрустнулось, когда вспомнилось, как раньше весело мы праздновали этот радостный праздник. Но несмотря на то, что сейчас мы потеряли все, что имели в изобилии раньше, мы не потеряли самое главное — любовь друг к другу, да и наша жизнь, как и жизнь наших чудесных сынишек, была в наших руках!

На одном из полустанков один из офицеров успел во время остановки купить горячей отварной картошки, хлеб и сосиски, и все мы устроили веселый рождественский «пир горой» в нашем маленьком купе поезда. Вот уж поистине, в тесноте, да не в обиде».

Холодным январским утром они прибыли в Новороссийск. Море было и правда «черным» по цвету, сам же город показался им хмурым и неприветливым. К счастью, их встречал бывший сослуживец мужа по Петербургу, офицер, который теперь был здесь при должности начальника одного из квар-

талов города. Причем пришел он на вокзал не один, а в компании с Томасом Шутте, в то время консулом датским. Он дал им кров, приняв в своем доме на месяц и готов был также помочь перебраться сразу же в Данию. Но, увы, они решили ехать в Сербию – поездом через Болгарию, до которой надо было добраться на пароходе «Габсбург», шедшем туда через Константинополь. Пароход был заполнен до отказа беженцами, такими же, впрочем, как и они, с корзинами, детьми, баулами.

Великая княжна запишет в своих дневниках: «Мы постепенно уже привыкли к жизни в примитивных условиях. Едва дошли до Дарданелл, как пароход попал в карантин. Тех, кто шел в Константинополь напрямую, отправили сразу же – на открытом небольшом кораблике переправили в город, – а остальных везли на остров Тузла для дезинфекции, где продержали всех целый день под открытым небом, под охраной. Мужчин всех отвели направо, женщин – налево. Потом брали всех нас группками по 10–12 человек, заводили в дощатый сарайчик, где мы, скинув все одежды, шли под горячие струи воды, в то время как всю одежду нашу тщательно дезинфицировали. Причем довольно долго, так что мы успели слегка замерзнуть в водяных парах продуваемого насквозь сарая-душевой. Детям повезло, их не дезинфицировали (тех, кому до трех лет), так что мои сынишки оба мирно играли на песке, греясь на солнце. На острове нас продержали до заката; правда, приветливые солдаты из охраны, индусы в белых чалмах, покормили нас и отбуксировали затем на остров Принкипо (Prinkipo).

Диву даюсь, как только мы тогда не подхватили малярию или воспаление легких! В карантине держали всех нас 14 дней, потом доставили в Константинополь, откуда мы поездом через Болгарию добрались до Сербии.

Ольга (в центре) с отцом, Александром III, 1888 год. Сзади (слева направо): великий князь Михаил, императрица Мария Федоровна, великий князь Николай (Николай II), великая княжна Ксения и великий князь Георгий

В Белграде мы провели недели две в гостях у сербского короля Александра, с которым я была знакома с той поры, как учился в школе в Санкт-Петербурге. И тут нас неожиданно догнал наш хороший знакомый Томас Шутте, консул, который ехал домой, в Данию. Мы решили не испытывать судьбу и с ним добраться до Копенгагена».

И после долгой дороги с небольшой остановкой в Вене, поездом все вместе наконец доехали до датской столицы, где к этому времени уже жила вдовствующая императрица Мария Федоровна, устроившись в своих бывших девичьих комнатах старинного дворца Амалиенборг.

Как писала Ольга Александровна в дневниках: «Нас приютили

там же. И я, и мой муж, и мои сыновья никогда этого не забудем и будем с благодарностью всегда вспоминать, как тепло нас приняли на родине моей матери».

В своих мемуарах Рене Бризак, последний владелец знаменитого модного Дома Бризак в дореволюционном Петербурге, пишет: «Великая княжна Ольга жила в окрестностях города с мужем, бывшим офицером Императорского двора и двумя их сыновьями. Небольшой деревянный дом, где они жили, был окружен чудесным огородом, которым княжна занималась собственноручно, да так, словно всю свою жизнь провела среди грядок.

Когда я приехал к ней, великая княжна Ольга была в окружении своих двух сыновей. При разговоре со мной она попросила не напоминать ей о прошлом, которое для нее умерло и о котором она не желает больше вспоминать. Княжна сказала, что сейчас она счастлива, и единственное ее желание – оставаться до конца жизни рядом с мужем и сыновьями.

Изумительно было слышать такие слова из уст женщины, чье состояние было таким огромным, что никто не знал точно его размеров. Говорили, что до революции оно было больше, чем состояние императора, которое в то время считалось самым большим в мире. Муж великой княжны Ольги после их приезда в Копенгаген служил тренером на конюшне беговых лошадей, принадлежавших датскому банкиру. В тот день его не было дома.

После многочисленных вопросов о моей матушке и о моих сестрах великая княжна Ольга предложила мне пройти в столовую. Я до сих пор помню то восхитительное чаепитие в русском стиле – с самоваром, пирожными и с сахаром. Это чаепитие напомнило мне довоенную Россию – то счастливое время, которое уже никогда не вернется. Прощаясь со мной, Ее Императорское Величество любезно вручила

мне подарок для моей матушки – маленькую акварель собственноручной работы со своей подписью. Великая княжна Ольга обожала живопись и хорошо рисовала. До войны она продавала свои рисунки с благотворительной целью».

Из письма великой княжны Ольги Александровны мадам де Бризак, от 24 августа 1930:

«Я так привязана к нашему милостивому дому, саду и т.д., здесь в Ругард, что лью слезы, что мы должны оставить все это и то счастье, что жило вместе с нами... Уже давно мой муж говорит о переезде в Сербию, чтобы дать детям образование и Отчизну... В Сербии хорошо для русских, и они там даже имеют "преимущества" по сравнению с сербами – школы, детский корпус – все это, как было в России. Сейчас, помимо нашей воли, все, кажется, выталкивает нас отсюда – сначала мы боролись, но потом подумали: может быть, нужно решиться, может быть, это сам Бог нас подталкивает к этому – кто знает. Мой муж ушел от мсье Расмуссена, который захотел – после пяти лет – нанять датчанина. Все это интриги – кто не хотел иметь это хорошее место. Так что мы сможем провести здесь зиму – и потом уедем отсюда. Это

Вилла Вилкоре в Видере (Дания)

Ольга Александровна с мужем Николаем Куликовским и сыновьями Гურიем и Тихоном

так горько, но что делать, такова жизнь. Еще не все ясно – и мой муж собирается поехать в Сербию, чтобы посмотреть, можно ли там приобрести ферму и начать сначала. Видере, Дания».

Видере – это летняя резиденция Марии Федоровны на взморье, неподалеку от Копенгагена, где в доме садовника жила Ольга Александровна с семьей, будучи для своей матери секретарем, сиделкой и медсестрой до самого ухода Марии Федоровны из жизни 13 октября 1928 года.

В 1948 году СССР предъявил Дании ноту протеста в связи с тем, что великая княжна помогает на чужбине «врагам народа». Спасаясь от преследования Сталина, Ольге Александровне с семьей пришлось спешно эмигрировать в Канаду, бросив все нажитое за 20 лет в Дании.

Жизненный путь Ольги Александровны закончился 24 ноября 1960 года – через два года после смерти Николая Куликовского, с которым они прожили вместе 42 года. Они похоронены на кладбище York Cemetery под Торонто. Там же находится могила их старшего сына Тихона.

Так случилось, что потомков великой княжны Ольги Александровны Романовой жизнь разбросала по всем континентам, от Канады до Европы и Австралии... но это уже совсем другая история.

АНГЕЛ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ

Анастасия Манштейн-Ширинская: «Я ждала русского гражданства»

СОФИЯ КУЗЬМИНЫХ

Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская родилась 23 августа (5 сентября по новому стилю) 1912 года. Во время Гражданской войны она была вывезена восьмилетней девочкой из России в Тунис.

Гражданская война страшна тем, что велась не с врагами, нападшими на твою землю: сражались со своими братьями, говорящими на твоём языке, живущими на твоей земле, а во многих случаях и в твоей семье. Но ещё более чудовищно то, что из 10 миллионов людей, которые погибли, только 800 тысяч – это военные, офицеры, а остальные 9 миллионов 200 тысяч – мирные жители.

Отец Анастасии, Александр Манштейн, был морским офицером, командиром эсминца «Жаркий». В ноябре 1920 года 33 корабля уплывали, как оказалось, навсегда из России – сначала в Константинополь, на о. Галлиполи, на котором остались сухопутные войска армии барона П. Н. Врангеля, а потом в город Бизерту, в Тунис.

Александр Манштейн сказал морякам: «Мы унесли с собой русский дух. Теперь Россия здесь». И это глубокие слова, потому что на самом деле эти люди сумели унести Россию в своём сердце, на своих кораблях.

На пути в Бизерту разразился страшный шторм. Потерявшего ход эсминца «Жаркий» буксировал шедший впереди «Кронштадт». Моряков и их семьи вынуждены были пересадить на другой корабль. Трос несколько раз отрывался, и тогда старый боцман Богдан Чмель привязал

икону святителя Николая Чудотворца к эсминцу. Корабль без моряков на борту был абсолютно неуправляем, но Божьим чудом его дотащили до Бизерты.

В Бизерте

В Бизерте моряки жили своей привычной жизнью – так, как они и должны были жить: не прекращались военные учения, моряки занимались подводным плаванием. Всего в тунисский город прибыло более 6000 человек, среди которых

Анастасия Манштейн-Ширинская

были профессора, врачи, священники. Между палубами были построены мостики – ведь морякам и их семьям почти четыре года нельзя было сходиться на берег. Корабли окружили желтыми буйками, были места-квартирки: кто жил на корме, кто на палубе. Читались

лекции, ставились спектакли; дети знали все православные праздники, пекли куличи на Пасху, им преподавался полный гимназический курс. Моряки воспитывали своих детей не только в православии, но и в любви к истории своей страны.

Был сформирован Морской корпус для гардемарин на крейсере «Генерал Корнилов», была православная церковь, школа, на одном из кораблей была организована операционная, имелись даже ремонтные цеха на крейсере «Кронштадт», который потом был конфискован французскими властями из-за загадочным образом попавшей туда чумы. Крейсер был отогнан во Францию, через месяц получил новое имя «Вулкан», и уже французский флаг стал над ним развеваться.

Среди такой обстановки жила и воспитывалась маленькая Настя Манштейн. Когда Франция признала Советское государство, всем русским было предложено принять французское подданство. Отец Анастасии Александровны говорил, что офицер присягает один раз, и как они присягали царю один раз, так и остались верными той присяге, верными Царской России.

Кто не имел французского гражданства, лишался работы. Женщины обстирывали, обшивали, штопали. Мама Анастасии Александровны, Зоя Николаевна Доронина, говорила, что ей не стыдно стирать одежду, ей стыдно стирать её плохо. И стирая, она пела песни о Родине. И делала все возможное, чтобы три ее дочери получили образование, стали достойными людьми.

Русская эскадра в Бизерте (Тунис)

Семья Манштейн, как и многие другие семьи, не приняла французского гражданства. До 1997 года Анастасия жила с паспортом русской беженки, Нансеновским паспортом, в котором было написано, что она может посещать любую страну, кроме СССР.

Анастасия всю жизнь ждала российского паспорта с двуглавым орлом. И дождалась: 5 мая 1997 года указом президента России она получила гражданство Российской Федерации, а затем, 17 июля 1997 года, в Посольстве России в Тунисе Анастасии Александровне был торжественно вручен российский паспорт.

Но многие этого не дождались. Не дождались родители Анастасии Александровны. Не дождался последний контр-адмирал Черноморского флота Михаил Андреевич Беренс, в последние годы жизни шивший кожаные сумки. Он умер в ужасной нищете.

Всю жизнь – с 16 лет, когда сама была ещё ученицей, – Анастасия преподавала математику. И она говорила: «Занимайтесь математикой, это позволит сохранить ум». Ее дочери – по образованию физики – живут во Франции. Им

она говорила, что от нищеты могут спасти только точные науки.

Одним из учеников Анастасии был мэр Парижа в 2001–2004 годы Бертран Деланоэ, с семьей которого она дружила. И, приезжая в Бизерту, он всегда навещал свою учительницу. Как-то, оказавшись в Санкт-Петербурге, позвонил оттуда Анастасии Александровне и сказал, что увидел на русских кораблях Андреевский флаг. А на ее памяти был трагический финал Русской эскадры, когда в октябре 1924 года Андреевские флаги были спущены, а корабли переданы французскому правительству.

Морской префект в Бизерте, вице-адмирал Эксельманс был оповещен, что накануне Франция официально признала Советский Союз. Адмирал Эксельманс, получив телеграмму, предписывающую ему приступить к ликвидации эскадры, собрал на миноносце «Дерзкий» русских офицеров и гардемарин, чтобы разделить с ними тяжкую новость. Вот как описывает это собрание старший лейтенант Монастырев:

«Старый адмирал был очень взволнован, и несколько раз его глаза были полны слез. Достойный моряк,

он нас понял и переживал с нами наше горе. Но долг офицера заставлял его исполнять данный ему приказ: мы должны были оставить корабли... и мы ушли».

В тот же день, 29 октября, в 17:25, Андреевский стяг был спущен.

Для Анастасии Александровны, дочери морского офицера, дожить до того времени, когда над русским флотом вновь будет развеваться Андреевский флаг, стало великим счастьем и милостью Бога, который сподобил ее увидеть это своими глазами.

Храм Святого князя Александра Невского

Храм Святого благоверного князя Александра Невского был построен в Бизерте в 1932 году в память Русской эскадры, ее моряков, офицеров, адмиралов. Катапетасма царских врат этого храма – те самые флаги Андрея Первозванного, спущенные в 1924-м. В храме находится мраморная плита с перечнем всех кораблей, пришедших в Бизерту. А еще там есть ковчег с севастопольской землей. На воротах храма – Георгиевские кресты.

Храм Александра Невского

Думается, что Россия возрождается сейчас в том числе благодаря жертвам и подвигу людей, которые в Гражданскую войну сумели остаться людьми, не ожесточиться.

Анастасию Александровну часто спрашивали о том, как она может любить Россию, которая так много зла принесла ей и ее семье. На это она отвечала, что Россия ей ничего не сделала, – сделали те люди, которые встали во главе России и разрушили ее. Когда она говорила эти слова, в ее голосе не было ненависти к этим людям – лишь констатация факта: раз это попущено Богом, значит, есть на то причина.

Храм был построен на скудные средства русских офицеров. Но помогали также тунисцы-мусульмане. И, как рассказывала Анастасия Александровна, сначала была

«Я ждала русского гражданства. Советское не хотела. Потом ждала, когда паспорт будет с двуглавым орлом, – посольство предлагало с гербом Интернационала, но я дождалась с орлом. Вот такая упрямая старуха».

Анастасия Маништейн-Ширинская

устроена только моленная комната в арендованном помещении, причем за аренду не брали денег: брать деньги за молитву к Богу – грех. Где-то к 1960-м годам русских практически не осталось, семью свя-

щенника стало не на что содержать, и на целых 30 лет храм оставался без богослужений.

Чтобы храм не закрыли, Анастасия Александровна со своими подругами, среди которых были и мусульманки, и католички, просто ходила в храм, чтобы люди видели, что храм нужен.

Анастасия Александровна аккумулировала в себе все то, в чем выросла, в чем была воспитана, чем была наполнена ее душа. И она дождалась 1990-х, когда Московский Патриархат прислал в Тунис русского священника. Она вымолила и не позволила снести храм Святого князя Александра.

В 2006 году, еще при жизни Анастасии Александровны, муниципалитет Бизерта переименовал

площадь, на которой расположен православный храм Св. Александра Невского, назвав ее именем Анастасии Ширинской. Она также была награждена тунисским государственным орденом Командора культуры.

«Бизерта. Последняя стоянка»

Анастасия Александровна, оставшись последней русской в Бизерте, на свои скудные средства содержала могилы русских моряков, присматривала за памятником русским и советским морякам (в годы оккупации в Тунисе находился концлагерь).

В 2004 году Русская Православная Церковь вручила Анастасии Александровне Орден Святой равноапостольной княгини Ольги III степени. А в 2005 году за книгу воспоминаний «Бизерта. Послед-

няя стоянка», изданную на французском и русском языках, ей была присуждена специальная награда Всероссийской литературной пре-

15 ноября 1921 года был учрежден нагрудный крест российских моряков, эвакуированных осенью 1920 года из Крыма в тунисский порт Бизерта

мии «Александр Невский» – «За труды и Отечество».

В 2006 году Анастасия Александровна тяжело заболела, впала в кому. Но Господь вернул ее, чтобы

она оставила бесценные воспоминания для фильма Николая Сологубовского и Виктора Лисаквича «Анастасия. Ангел Русской эскадры». Фильм получил множество почетных наград, премию Кинотавра. Его героиня дожила до премьеры фильма и все ждала, когда же его покажут в России. Фильм показали в феврале 2010 года на Первом канале, уже после смерти Анастасии Александровны 21 декабря 2009 года.

Вся ее жизнь, жизнь ее родителей и других людей, потерявших имя, дом, Родину, – это великий подвиг верности России, Русской Церкви и Богу.

ОБЩЕСТВО

РУССКИЙ ДОМ В СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

*По сей день Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа является
главным местом встреч русской эмиграции*

М. БЛИНОВ

(архивы русской эмиграции в Париже)

Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа

Русский дом (также Русский старческий дом) – дом престарелых, основанный 7 апреля 1927 года в имении Коссонри (франц. Cossonnerie) в Сент-Женевьев-де-Буа. Управляется Ассоциацией Русского дома. Его постояльцы – первые русские эмигранты.

На самом крупном русском зарубежном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа покоятся князь Феликс Юсупов, княгиня Вера Оболенская, Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Альберт Бенуа, Серж Лифарь,

Матильда Кшесинская, Рудольф Нуреев, царские генералы, казаки, летчики, представители многих знатных фамилий. Перед входом на кладбище высится церковь Успения Божией Матери, возведенная в 1938 году по проекту Альберта Бенуа. Первые русские могилы здесь датированы 1927 годом.

Основателем и первым президентом Ассоциации с 1927 по 1949 год была княгиня Вера Кирилловна Мещерская, дочь дипломата Кирилла Струве (1884–1889). После Ок-

тябрьской революции она эмигрировала во Францию, где вместе с сестрой Еленой Орловой открыла пансион для благородных девиц. Позже при финансовой поддержке одной из своих воспитанниц, богатой американки мисс Доротей Пэдджет, Вера Кирилловна купила в тридцати километрах от Парижа участок земли, где 2 апреля 1927 года организовала Русский старческий дом для эмигрантов первой волны. В 1920–1940-х годах Дом принимал до 250 пенсионеров.

Благодаря своим связям, главным образом с иностранцами,

Мещерской удавалось привлекать крупные пожертвования. Русский дом существует до настоящего времени, хотя русских в нем теперь – меньше половины. Похоронена княгиня Мещерская вместе с мужем, князем П. Н. Мещерским на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Вот как в 1937 году описывались цели и задачи такого учреждения:

«Нынешнее положение Эмиграции и Русских организаций во Франции характеризуется отсутствием средств и тем невозмож-

ностью за редким исключением даже приступить к реальному осуществлению своих задач. О достижении же цели и говорить не приходится. Необходимо поэтому подвести под русские Национальные организации материальную базу, могущую постепенно обеспечить им хотя сперва и скромный, но постоянный бюджет.

Эмиграция не создала себе возможности жить на свои средства, работая на себя, тогда, когда были деньги и у частных лиц, и у организаций. Теперь денег нет, но есть сознание спешной необходимости найти выход, а если это мы поняли, и не на словах, то будут и деньги.

Организации не могут существовать и осуществлять свои задачи на членские взносы, подписные листы и балы. Организации – это статья расхода. Где же доходная статья? Нужно ее создать, что ничуть не исключит ныне применяемые способы изыскания средств. Другая характерная для эмиграции черта – это невозможность реального объединения ее организаций на политическом плане.

Вот некоторые причины такого положения: отсутствие общей реальной работы и невозможность, за неимением средств, создать таковую; отсутствие сдерживающего начала, дисциплины, общего интереса и взаимной зависимости

Княгиня Вера Кирилловна Мещерская (1916–1949)

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

между организациями; и наоборот, присутствие отдельных самолюбий и честолюбий – личных или организованных – увя, почти неразрывно связанных с личностью большинства энергичных людей, и это при недостаточном противовесе идейности и жертвенности, несмотря на часто только словесную готовность идти на все жертвы во имя спасения нашей Родины.

Что же может восполнить эти пробелы, дать эмиграции необходимую ей мощь, а ее остову – русским национальным организациям – не словесное, а реальное объединение, сплоченность на общей работе и общем интересе, которые являются взаимно связующим и взаимно сдерживающим началом? Только общий Русский дом, спаянный общим русским кооперативом.

Мысль эта нашла отклик во многих организациях и ныне созрела для своего осуществления – как мера спасения эмиграции от денационализации, а русские организации от прозябания...»

После Второй мировой войны Русский дом продолжал функционировать. Кто мог, платил за проживание, кто нет – получал, как и сейчас, пособие от французского правительства.

И по сей день Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа, директором которого является правнук княгини Мещерской Николая де Буаю, – главное место встреч русской эмиграции.

В 2010 году Правительство Российской Федерации выделило более 700 тысяч евро на ремонт здания, предназначенного для Центра по изучению истории русской эмиграции.

Здания Русского дома XIX и XVIII веков, домовая церковь святителя Николая Чудотворца и часовня для отпеваний взяты под охрану французским государством в 2012 году. Здесь хранятся портреты императоров и трон, находившиеся до признания Францией СССР в здании Российского посольства в Париже, занимающем Особняк д'Эстре.

С самого основания при Русском старческом доме существовала библиотека, которой пользовались постояльцы. Со временем количество читателей и потребности в книгах неуклонно уменьшались... Часть библиотеки сохранилась и по сей день.

Различные организации русской эмиграции и сегодня проводят в Русском доме торжественные собрания и дни памяти.

100-ЛЕТИЕ РУССКОГО ИСХОДА И ПАМЯТЬ НОВОМУЧЕНИКОВ

Мученичество, страстотерпчество и страдание жертв русского лихолетья первой половины XX века стало свидетельством неупразднимой богоуценности человеческого существования

Священник АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ

Столетие русского исхода есть повод вспомнить о том, что ему предшествовало, вспомнить и о тех, кто, по самому своему происхождению, по своим убеждениям, мог уйти, избежать гонений, преследований, неволи или просто обрести свободу, но не смог или не захотел этого сделать. В десятилетия, последовавшие за Октябрьской революцией 1917 года в России, огромное количество людей пало жертвами красного террора и Гражданской войны, большого террора, преследований и репрессий.

Тех, кто так или иначе был связан с Церковью, большевики также убивали и преследовали. Богословие называет преследование за веру гонением, а страдание за Христа именуется мученичеством. Та часть Русской Церкви, которая вследствие Русского исхода оказалась за границей, могла свободно и почти сразу же вспоминать и почитать тех, кто навеки остался в России, пострадав за свою веру. Русская же Церковь в самой России под давлением государства вынуждена была делать вид, что никаких гонений не было, а потому не могла и почитать всех пострадавших за веру во Христа. Необходимо было дождаться Юбилейного Собора Церкви 2000 года, когда в лике новых мучеников Русской Церкви было прославлено более 800 святых. Символом этого прославления святых

стала общая их икона, в центре которой изображен последний император Николай II.

Если попытаться выбрать цитату из Библии, которая подходила бы для характеристики Николая, то, наверное, это были бы слова Книги Иова: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла. И родились у него семь сыновей и три дочери» (Иов 1–2). Такими словами начинается Книга. Иов был древним библейским праведником, время жизни которого исследователями оспаривается до сих пор. Важно, что, по навету сатаны, Иов был лишен всего и претерпел страдание. Предание именуется его Патриархом, Пророком и даже Царем, а в богослужении Церкви он именуется Многострадальным.

Исключая дни памяти самых известных и празднуемых святых, обычно мало кто помнит, когда празднуется память того или иного святого. Но поскольку день памяти Иова был днем рождения Николая II, об этом дне хорошо помнили не только современники последнего царя, но, конечно же, и сам Николай. Парафразируя слова Книги Иова, можно было бы сказать: «Был человек в земле Русь, имя его Николай; и был человек этот справедлив, богобоязнен и уклонялся от зла. И родились у

него четыре дочери и один сын». Можно считать роль Николая в истории спорной, но объективно нельзя не признать, что император был по-настоящему благочестивый и глубоко верующий царь.

Между святыми порой существуют удивительные и интересные параллели. Если общность святых, между которыми было нечто исторически общее, уже интересна, то общее между святыми, между которыми не было ничего исторически общего, никогда не перестает удивлять. Первыми святыми, которых прославила Русская Церковь, были святые братья Борис и Глеб (+1015). Их канонизация была спешной, ведь начало их почитанию во святых положил их брат – Ярослав Мудрый (978–1054).

Русская Церковь родилась в киевской купели Крещения, то есть начала свое существование спустя 1000 лет после Пришествия в мир Христа и спустя 700 лет после последнего всеобщего гонения римской языческой имперской власти на христиан. Это гонение именуется Великим гонением императора Диоклетиана. Некоторые древние восточные церкви вообще начинали отсчет нового летоисчисления с этого гонения.

Древняя аксиома первых христиан говорила, что на крови мучеников основалась Церковь. Первые христиане служили литургию на

гробницах мучеников, и это правило семантически соблюдается в Церкви и сейчас. Современники Крестителя Руси Владимира знали об этой роли мучеников в жизни Церкви, а потому, несомненно, задумывались и о том, что, не пережив никаких гонений за веру, Русская Церковь начинала свое странствование в истории «как-то не так». Поэтому важно было осознать, что эта новая Церковь, не испытав гонений, на деле способна дать миру мучеников – свидетелей веры во Христа.

Необходимо отметить, что Борис и Глеб не пострадали за веру. Они не желали бороться за власть и ради этого убивать. По традиции правившей тогда на Руси династии викингов, великокняжеская власть над столичным Киевом переходила по старшинству рода. Святополк не имел непосредственного права на престол – и убил Бориса и Глеба. За эту готовность уступить, за кротость даже до смерти Киевская Церковь, называя Бориса и Глеба мучениками, прославила их во святых как страстотерпцев. Важно, что для Церкви это была новая категория святости.

Преемственность святых может быть по-настоящему удивительной. Борис и Глеб были первыми святыми Руси монархической, Николай II – последним российским императором. Подобно тому, как это было с Борисом и Глебом в случае с их спешной канонизацией, прославление во святых Николая также состоялось спешно. Многим она казалась небезупречной. Поскольку Николай был коронованной особой, многие хотели канонизировать его как великомученика. Ведь великомучениками в древности именовали святых царского рода. Немало было и тех, кто считал, что Николаю следует в канонизации отказать.

Прославление святых Церковью ни в коем случае не может быть просто декларацией. Ведь святость – это конкретный уста-

Первыми святыми, которых прославила Русская Церковь, были святые братья Борис и Глеб

новленный пример. Пример жизни, пример смерти, пример конкретного свидетельства веры во Иисуса Христа.

Николай II не мог быть примером мученичества за Христа. Ведь отречения от веры палачи от него не требовали. Убийцы его и его семьи вообще не воспринимали его как верующего человека. Они же-

стоко убили последнего русского царя вместе с женой и детьми. Убили как символ старого мира, как символ прошлого. Убийство всей царской семьи, детей и подростков, было совершено так жестоко, что кровь стыла в жилах даже у современников того кровавого времени.

Важно понимать, что Николая отличала готовность принять то,

что на него неминуемо надвигалось. Исторические свидетельства о последних неделях, днях, часах и минутах его смерти говорят о том, что он никого не поносил, не осуждал, не призывал к отмщению и не пытался бежать. Важно признать, что на самом деле от Николая отреклась и Церковь – да-да, та самая Церковь, которой он столько благодетельствовал и помогал при своем правлении. Царя Николая предали и близкие родственники. Так, об английском короле Георге V (1865–1936), который был как две капли воды похож на Николая, известно, что он отказался просить об освобождении своего двоюродного брата. Большевикам нужны были деньги, и, в принципе, они могли Николая за границу продать. В свою очередь, Георг V мог принять брата Николая, но не хотел вызвать недовольства социалистов у себя на родине... Во всем этом Николая в его последние дни отличало удивительное и последовательное благородство.

Вся жизнь последнего русского царя хорошо документирована и поддается реконструкции не только по дням, но по часам, а порой и минутам. Известно, что в переписи населения 1897 года в графе «Род занятий» Николай назвал себя «Хозяином Земли Русской». В своем Манифесте об Отречении 2 марта 1917 года он подписался просто «Николай».

«Кто-то, по видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест». Такими словами начинается великий роман писателя Франца Кафки. Согласно повествованию, главный

герой, против которого было выдвинуто обвинение, не воспринял происшедшее всерьез. Действие романа построено на том, как постепенно машина абсурдного, беспричинного и, тем более, беспредельного судебного разбирательства приближала осуждение без суда. В конце повествования к нему вошли палачи. Один из них «вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды». «Как будто этому позору суждено пережить его», – этими словами заканчивается роман. В другом произведении Кафки, рассказе «Превращение», главный герой внезапно утром утрачивает человеческое подобие и становится насекомым. Не находя сочувствия окружающих, прежде всего родных, он вынужден бывает исчезнуть.

По сути, приговор, диффамация и лишение всякого человеческого достоинства в жестокой казни и по смерти постигли и последнего

Император Николай II и императрица Александра Федоровна с детьми Ольгой, Марией, Анастасией, Алексеем и Татьяной

русского царя. Для нескольких поколений российский и советских людей в XX веке он надолго стал символом царского произвола, же-

стокости и бездарности. И великая заслуга Русского исхода в том, что именно там, в зарубежье, доброе имя Николая II сохранилось. Прославление его во святых в Русской Зарубежной Церкви состоялось еще в 1981 году. Эта «локальная» канонизация обладала глубоко символическим значением и пророчески указывала на то, что прославление памяти новомучеников и возвращение доброго имени российского дореволюционного прошлого неминуемо грядет.

Среди тех, кто навсегда остался в России, пострадав за верность Церкви и Народу, а в страдании своем предварил событие Русского исхода, стоит вспомнить не только великих людей, царей и иерархов, но и малых, простых, незаметных, тех, о которых, как кажется, никто никогда бы не вспоминал. Иоанн Кочуров считается первым мучеником Русской Церкви после революции 1917 года. Иоанн был священником в Царском Селе.

31 октября 1917 года, то есть спустя всего несколько дней после большевистского переворота, Красная гвардия штурмовала окрестности Петрограда. Чтобы успокоить бежавших от страха и паники своих сограждан, Иоанн, вместе с другими священниками, успокаивал прихожан словами: «И ушли от нас и идут к нам братья наши! Что они сделают нам?» Тогда едва ли кто помнил трагическую библейскую правду о том, что у Авеля был брат... по имени Каин.

Действительно, в оказавшемся в итоге глубоко обманчивым восклицании Иоанна Кочурова есть что-то подлинно библейское. Этот

библейский характер ошибки раскрывал трагическую суть рождавшейся тогда в России беды. Того горя, когда брат поднимет руку на брата, а из двух оставшихся в доме братьев одному предстоит быть убитым, или так или иначе придется уйти. Братом был убит праведный Авель, братьями был предан и продан в рабство Иосиф, братья по плоти не поверили благовестию Господа и братья по библейскому народу привели Его на Крест. «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф.10;21–22).

По аналогии с диаконом Стефаном (+34), первым пострадавшим за веру во Христа, и страдание которого описывается в книге Деяний апостолов (6–8), Иоанна Кочурова иногда называют первым мучеником. Но подобно тому, как последний русский царь не был «великомучеником» в классическом древнем смысле этого слова, также и Иоанн Кочуров был убит не за веру, но в гневе разъяренной толпой. Ни палачей Николая, ни убийц Иоанна не интересовала их вера. Они не требовали отречения от Христа. Убивая, они стремились поскорее закрыть страницу Старого Мира, посеять непримиримую рознь между братьями в прежней России, захватить власть. Эта рознь породила Гражданскую войну и обрела столь многих на Исход. Здесь же, в этой готовности принять бра-

та, каков бы он ни был, соединяются судьбы и пострадавших от брата Святополка Бориса и Глеба, и преданного двоюродным братом царя

Двоюродные братья Николай II и Георг V

Николая, и пострадавшего первым от братьев пресвитера Иоанна. «И ушли от нас и идут к нам братья наши! Что они сделают нам?» Церковь Христова всегда страдала от распрей братии. История Русской Церкви и Российской державы на протяжении XX века как будто бы дышала этими словами: «Это же братья наши!» Из успокаивающего призыва в самом начале, в 1917 году, слова эти становились недоумением, а затем криком страха и ужаса о невероятной братской жестокости и предательстве, молчаливым криком, как на картине Эдварда Мунка, одновременным

вопросом, как и почему же братья ведут себя так. Как и всякое понятие-аксиома, библейская тайна страдания, в первую очередь, страдания от братии, от родных и соплеменников, превозмогает неправду и даже здесь, в земной истории, одерживает Победу силой Воскресшего Христа. Подвиг мученической славы всех тех, кто навеки остался в событиях трагического 1917-го и последующих годов, и кого Церковь называет новыми мучениками – новомучениками, – ни в коем случае не следует упрощать или умалять многословием, нельзя покрывать забвением.

В христианском свидетельстве страстотерпцев – древних и почти былинных Бориса и Глеба, и новых, фотографически задокументированных Николая и его семьи, или же Иоанна Кочурова, свидетелем смерти которого оказался даже американский писатель Джон Рид, – раскрывается чрезвычайная, предельная хрупкость, погрешимость и общая схожесть кажущихся неудачными человеческих биографий.

Но раскрывается и правда о том, что, как это сказано в последних словах романа «Процесс» Франца Кафки, «позор может пережить их». Пережить не жертв, но палачей. Всех тех, кто пытался расчеловечить человека и посеять рознь. В этом смысле, мученичество, страстотерпчество и страдание жертв русского лихолетья первой половины XX века стало свидетельством неупразднимой богоценности человеческого существа.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – СЛАВА РУССКОГО БАЛЕТА

СЕРГЕЙ ЛИФАРЬ

Матильда Феликсовна Кшесинская – Слава и Гордость Русского Балета – покинула нас в преклонном возрасте, прожив две жизни: молодость в Петербурге, зрелость в Париже. Ей исполнилось 99 лет.

М. Ф. Кшесинская родилась в Лигово, предместье Петербурга 1-го сентября 1872 г. Родители ее были артистами балетной труппы Императорского Мариинского Театра. Танец был ее подлинной стихией.

Достойная дочь «короля мазурки» – польского танцовщика Феликса Кшесинского – получила свое танцевальное формирование в Императорском Театральном Училище, куда она была определена осенью 1880 г. Училище она окончила в марте 1890 года и обратила на себя внимание, танцуя на выпускном экзамене-спектакле на сцене театра при Училище.

По традиции, на выпускных экзаменах присутствовал Император Александр III с Его Августейшей семьей. На экзамене в 1890 г. присутствовал также и Царевич Николай, будущий Самодержец Всероссийский. Император разгадал в юной Кшесинской будущую талантливую балерину и после экзамена позвонил ей к себе и сказал:

– Поздравляю Вас. Будьте славой и украшением нашего Русского Балета.

С этого дня началась блестящая артистическая карьера М. Ф. Кшесинской.

В 1890 г. она была зачислена в труппу Мариинского Театра, а в 1895 г. удостоилась звания «Прима-балерины». В этом Театре проходила артистическая жизнь Кшесинской до революции 1917 года. Ее гастрольные туры в Москве, Варшаве и за границей были не-

продолжительными; наиболее длительный перерыв произошел в 1904 г., когда она уступила оппозиции публики, устраивавшей ей обструкции в зале, порой не считаясь с тем, что на спектакле присутствовал Император. Покинув сцену после прощального «бенефиса» в феврале, она смогла вернуться в Мариинский Театр только в конце 1904 года.

Получив прекрасную балетную школу, Кшесинская владела техникой танца в совершенстве. Обладая «стальным носком» она поражала зрителя и «балетоманов» блеском и уверенностью в вариациях «пиччатато», «антраша».

От своего отца она унаследовала «огненный» темперамент полухарактерной танцовщицы. В силу своей природы и жанра дарования ее коронные роли были в балетах: «Тщетная предосторожность», «Дочь Фараона», «Коппелия», «Эсмеральда», «Млада», «Баядерка». Романтические, классические балеты, например, «Жизель», «Сильфиды», «Лебединое озеро», «Спящая Красавица», «Видение Розы», меньше были созвучны ее бравурному и задорному

темпераменту. Классические, романтические балеты были стихией Павловой, Карсавиной, Трефиловой, Егоровой, Спесивцевой.

В чем же заслуга Кшесинской перед Русским Балетом? В том, что она – как старшая по возрасту в плеяде русских балерин конца прошлого столетия – была предвестницей торжества Русской Терпсихоры, затмившей итальянских балерин, царивших в то время на Императорской сцене.

Кшесинская, Преображенская, Павлова, Трефилова, Карсавина, Рославлева, Гельцер, Егорова, Спесивцева составляли созвездие русских балерин, покоривших иностранок: Ленъяни, Цукки, Бризанца, Гримальди.

В социальном отношении Кшесинская занимала особое место. Будучи близкой ко Двору, она неумолимо стремилась привлечь его внимание к балету. Великие князья были ее друзьями и поклонниками. Они проявляли самый большой интерес к жизни балета.

Впервые за границей М. Ф. Кшесинская выступала в 1895 году в театре Казино в Монте-Карло. В 1903 г. она выступала в Вене. В 1908 и 1909 гг. – в Париже: наконец, в 1911 г. С. П. Дягилев пригласил ее выступить в сезоне «Русских балетов» в Лондоне с Нижинским в балете «Лебединое озеро».

Выступления Кшесинской за границей имели заслуженный успех, но победоносное шествие русского балета во всем мире началось весной 1909 года, когда в Париже был дан первый сезон «Русских балетов» в театре «Шатле», организованный С. П. Дягилевым. Этот «чародей» вдохновил и объединил вокруг себя русских музыкантов, художников-декораторов, русских балерин и танцовщиков. Начался «золотой век» русского и мирового балетов.

Первый триумфальный сезон «Русских балетов» в Париже про-

шел без участия Кшесинской. В «Русских балетах» Дягилева она выступала после примирения с ним, не только в 1911 г. в Лондоне, но и в 1912 г. в Вене, Будапеште, Монте-Карло. Последнее выступление Кшесинской в Петербурге состоялось весной 1917 г., но не на сцене Мариинского Театра, а на сцене театра Консерватории. Этот спектакль, при участии и других артистов, был дан в пользу запасных частей Лейб-Гвардии Кексгольмского Полка Петербургского гарнизона. Это было ее последнее выступление в России.

Годы революции и Гражданской войны она провела на Кавказе, а в феврале 1920 г. навсегда покинула свою родину.

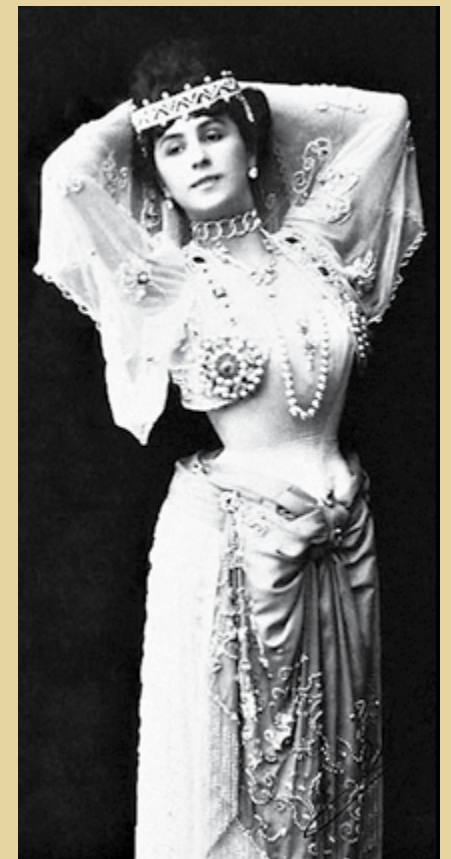
Начался трудный период эмигрантской жизни, который она мужественно переносила.

Приехав во Францию в 1920 г., она обосновалась сперва на юге, где жила со своим сыном и великим князем Андреем. Их бракосочетание состоялось в Каннах в 1921 г., и она получила титул княгини Красинской.

В 1926 г. Кшесинскую пригласил С. П. Дягилев для участия в январском сезоне «Русских балетов» в Монте-Карло. Она должна была танцевать со мной в трехактовом балете «Лебединое озеро». Не имея тренировки, она отклонила это предложение.

В 1929 г. Кшесинская переехала в Париж, где открыла свою балетную школу, в которой до последних лет обучала искусству танца русскую и иностранную молодежь. Ее школа дополнила уже существующую сеть студий так называемой «парижской школы балета», основанной русскими балетными артистами в 20-годах этого столетия.

В 1936 г. в театре Covent Garden в Лондоне мне пришлось присутствовать на памятном спектакле: Кшесинская выступала в «Русских балетах» В. Г. Базиля, исполнив «русский характерный танец» в роскошном национальном костю-

ме боярышни. Сколько задора, сценического блеска было в ее прощальном «мимолетном» появлении на сцене. Публика встретила ее восторженно.

Это прощальное выступление Кшесинской меня глубоко взволновало... Я воочию убедился в том, что ее сценический дар был не только легендой.

Кшесинская оставила нам книгу своих воспоминаний, вышедшую из печати в 1960 г. в Париже на французском языке. В ней она красочно описала придворную атмосферу Петербурга, жизнь в Театральном Училище, свои успехи в жизни и на сцене и свою жизнь в эмиграции.

Яркая звезда Императорских Балетов угасла здесь, во Франции, которая дала России в прошлом столетии замечательных хореографов и балетмейстеров – истинных создателей Храма Русской Терпсихоры.

Имя Кшесинской вошло в анналы истории мирового балетного искусства.

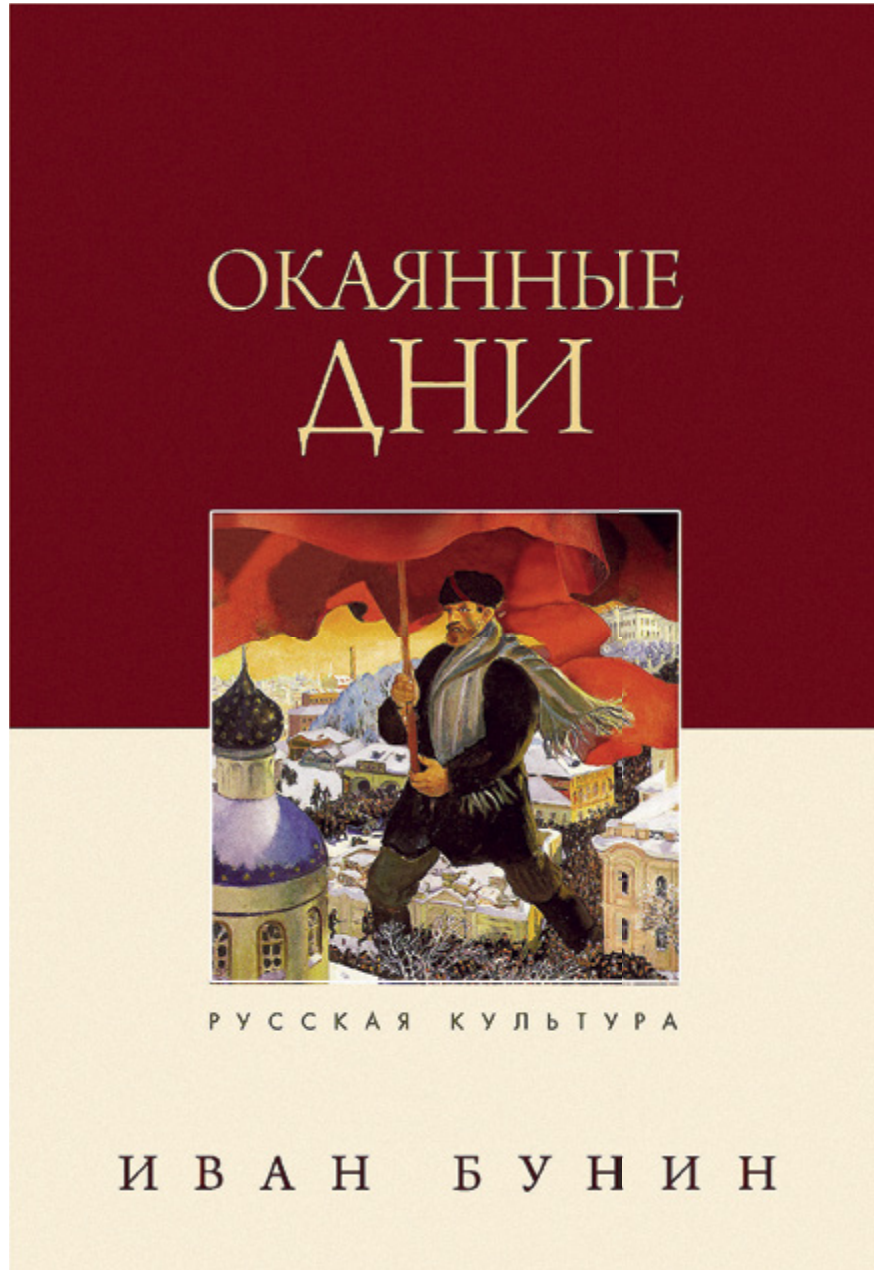
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Русская революция и Гражданская война разрушили в России привычный мир, со всеми его нормами, идеалами, социальным устройством, бытом, безопасностью и относительной свободой, ввергнув страну в кровавый хаос. Уже в начале 20-х годов прошлого века появились первые романы и повести на эту тему. Часть из них имела ярко выраженную идеологическую окраску, но некоторым писателям удалось создать настоящие шедевры русской литературы – не просто задокументировать происходящее, но осмыслить то, что произошло с их Родиной.

«Окаянные дни» (1918–1920) Иван Бунин

«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

Дневниковые записи, которые Бунин вел в Москве и Одессе с 1918 по 1920 год, представляют собой подробную хронику революционных событий, свидетелем которых он стал и которые воспринял как национальную и цивилизационную катастрофу. Окаянными назвал Бунин дни революции и Гражданской войны в России. Шаг за шагом фиксируя и осмысляя наступление «нового Средневековья», писатель одним из первых выносит беспощадный приговор новым господам России – большевикам и их вождям. «Окаянные дни» обладают важностью для понимания всего

творчества Бунина, поскольку отражают переломный этап в жизни и творческой биографии писателя, соединяя в себе как черты документальных жанров, так и ярко выраженное художественное начало.

Бунин описывает и анализирует реальные события, упоминает множество подлинных лиц, цитирует отрывки из газетных статей – все это создает эффект документальности. Но вместе с тем писатель

подвергает весь этот «материал» творческой обработке, не скрывая своих эмоций, свою боль по утерянной России.

«Белая гвардия» (1923) Михаил Булгаков

«На Руси возможно только одно: вера православная, власть самодержавная!»

«Белая гвардия» стала реквиемом русской интеллигенции и тому укладу жизни, в котором существовала семья Михаила Булгакова и его друзья.

Почти у каждого персонажа этой книги есть свой реальный прототип. Даже дом, где живут Турбины, – это тот же дом, в котором жили Булгаковы до 1918 года. Отдельным героем здесь выступает полумистический революционный Киев, который на протяжении всего романа называется просто «Городом».

Максимилиан Волошин, один из немногих современников Булгакова, высоко оценивших «Белую гвардию», считал, что Булгаков был «первым, кто запечатлел душу русской усабицы». Поэт Георгий Адамович отмечал, что в «Белой гвардии» герои показаны не «в торжестве и успехах», а в «несчастьях и поражениях», которые делают их «душевно богаче и сложнее, щедрее, интереснее...»

Однако отход Булгакова от подчеркнута отрицательного изображения белогвардейской среды навлек на писателя обвинения советских литературных критиков в попытке оправдать Белое движение, вызвать жалость и симпатию к нему. При этом игнорировалось

своеобразие таланта и позиции автора. От Булгакова ожидали и требовали в первую очередь выявления «классовой сущности» событий и персонажей, тогда как для него важнее всего была моральная оценка, нравственная правда.

При этом русская эмиграция критиковала Булгакова за лояльное отношение к советской власти.

Часть романа была впервые опубликована в журнале «Россия» в 1925 году. Полностью он был впервые издан во Франции в 1927–1929 годах.

На тот же сюжет Булгаковым была создана пьеса, получившая название «Дни Турбиных». Миновав период политических закусных схваток, она

26 сентября 1926 года была поставлена на сцене МХАТа, где с перерывами шла до июня 1941 года.

В Советском Союзе полное издание «Белой гвардии» (хоть и с цензурными купюрами) вышло в 1966 году в издательстве «Художественная литература».

Произведение послужило источником для нескольких экранизаций.

«Солнце мертвых» (1923) Иван Шмелев

«Жестокие из властителей, когда-либо на земле бывших, посягнули на величайшее: душу убили великого народа!»

«Солнце мертвых» Ивана Шмелева часто называют самой трагической книгой в истории мировой литературы. Создавался роман в период с марта по сентябрь 1923 года в Париже и на вилле Буниных в Грассе. В этом произведении писатель пытается осмыслить произошедшую с Россией страшную катастрофу. Сам Шмелев в 1920–1922-х годах пережил сильнейшую травму – сначала он потерял единственного сына, расстрелянного большевиками, затем ему пришлось покинуть родную страну. Писатель назвал «Солнце мертвых» эпопею.

И это название абсолютно оправдано. В «Солнце мертвых» Шмелев осмысливает произошедшее не только в общероссийском, но и в общемировом масштабе.

Томас Манн писал о «Солнце мертвых»: «Кошмарный, окутанный в поэтический блеск, документ эпохи... читайте, если у вас хватит смелости...»

Книга состоит из небольших зарисовок, рассказывающих о противостоянии в Крыму. С неба за этим наблюдает солнце, ставшее «солнцем мертвых». В произведении отсутствует сюжет. Шмелев отказывается от начала и отчетливого кон-

ца, центральных и второстепенных персонажей, завязки, кульминации и развязки. Главы связываются вместе при помощи внутренних психологических переживаний героя-повествователя – свидетеля происходящих событий. Художественное время «Солнца мертвых» не имеет единой скорости. Появляются отдельные личные хронологии.

Авторская позиция в «Солнце мертвых» отличается открытой пристрастностью, что делает книгу близкой к «Окаянным дням» Бунина. Шмелев утверждает самоценность ниспосланной свыше человеческой жизни и выступает против использования личности в качестве средства в любых социальных экспериментах.

«Солнце мертвых» – произведение мрачное, тяжелое, страшное, но и в нем нашлось место свету, надежде. Вера в духовные силы человека у Шмелева оказывается доминирующей. В начале книги и в финале появляется поющий дрозд, который олицетворяет идею торжества жизни.

«Взвихренная Русь» (1927) Алексей Ремизов

«О, родина моя обреченная, Богом покаранная, Богом посещенная! Сострут имя твое, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомнит? Я душу сохраню мою русскую с верой в правду твою страдную, сокрою в сердце своем, сокрою память о тебе, пока слово мое, речь твоя будет жить

на трудной крестной земле, замолкающей без подвига, без жертвы, в беспесеньи...»

Первая книга воспоминаний Ремизова, в которой нашли отражение события революции и Гражданской войны. Этот текст – и автобиографическая повесть, и очерк, и литературно-историческая хроника – определил основной творческий метод писателя, который соединяет область реального и область фантастического (сон, легенду, сказку), а наряду с историческими лицами – Александром Блоком, Василием Розановым, Львом Шестовым, Максимом Горьким и другими – выводит в тексте вымышленных персонажей.

Как и Бунин в «Окаянных днях», здесь Ремизов использует отрывоч-

ный, монтажный принцип повествования, отражающий разрушение стройного старого русского мира эсхатологическим смерчем революции.

«Доктор Живаго» (1945–1955) Борис Пастернак

«Я не люблю правых, не падавших, не отступавшихся. Их добродетель мертва и малоценна. Красота жизни не открывалась им...»

«Доктор Живаго» – роман о начале XX века, о революции 1905–1907 годов, за которой последовала Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции. Однако центральное место здесь занимают роковые события 1917-го. Роман создавался в течение десяти лет, с 1945 по 1955 год, и является вершиной творчества Пастернака как прозаика.

Несколько семей, несколько сословий и история одного талантливого человека, который побывал и среди белых, и среди красных, потерял двух любимых женщин и медленно сходил с ума вместе со своей страной, повисшей между прошлым и будущим. Жизнь врача и поэта Юрия Живаго намеренно и многопланово соотносена с трагической историей России первых тридцати лет XX века.

Сам автор писал о книге: «Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печаль-

ного и подробно разработанного, как в идеале, у Диккенса и Достоевского, – эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое».

Удивительно, но Пастернак надеялся увидеть свое главное произведение изданным в Советском Союзе. Он рассылает текст романа по редакциям московских и ленинградских литературных журналов и получает отовсюду отказ. В конце мая 1956 года Пастернак передает «Доктора Живаго» итальянскому издателю-коммунисту Джанджакомо Фельтринелли. В ноябре 1957 года роман выходит в Милане на итальянском языке, в 1958-м в Голландии появляется «пиратское» русскоязычное издание, а в январе 1959-го Фельтринелли публикует романа на русском языке по рукописи, не выправленной автором.

23 октября 1958 года Борису Пастернаку присуждается Нобелевская премия с формулировкой «За значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа».

Факт публикации книги за рубежом был представлен советскими властями как предательство и антисоветчина. Пастернака несколько месяцев подряд «разоблачали» в крупнейших газетах, журналах, по радио и телевидению, вынуждая отказаться от присужденной ему Нобелевской премии. Его роман, который в СССР никто не читал, осуждали на организованных начальством среди рабочего дня митингах в

институтах, в министерствах, на заводах, фабриках, в колхозах. Выступавшие называли Пастернака клеветником, предателем, предлагали судить и выгнать из страны.

Позже кампания по шельмованию Пастернака получила саркастическое название «Не читал, но осуждаю!»

Пастернак вынужден был отказаться от получения премии. Травля писателя стала одной из причин его тяжелой болезни и преждевременной смерти в 1960 году.

Лишь 9 декабря 1989 года Нобелевский диплом и медаль были вручены в Стокгольме сыну писателя Евгению Пастернаку.

В 1987 году решение об исключении Пастернака из Союза писателей было отменено. В Советском Союзе «Доктор Живаго» впервые был напечатан в журнале «Новый мир» в 1988 году. В конце XX – начале XXI века в России были изданы многочисленные сборники, воспоминания и материалы к биографии писателя.

«Тихий Дон» (1925–1940) Михаил Шолохов

«Ветер зализал следы ушедших, – время зализает и кровавую боль, и память тех, кто не дождался родимых и не дожидется, потому что коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы...»

Роман-эпопея в четырех томах Михаила Шолохова – одно из наиболее значимых произведений русской литературы XX века, рисующее широкую панораму жизни донского казачества во время Первой мировой войны, революционных событий 1917 года и Гражданской войны в России. Это грандиозный роман, принесший ее автору мировую известность; это масштабная эпопея, повествующая о трагических событиях в истории России, о челове-

ческих судьбах, искалеченных братоубийственной бойней, о любви, прошедшей все испытания. Трудно найти в русской литературе произведение, равное «Тихому Дону» по уровню осмысления действительности и свободе повествования.

В 1965 году Шолохов получил Нобелевскую премию по литературе с формулировкой «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время», став третьим русским писателем (после Бунина и Пастернака), удостоившимся этой престижной награды.

«Тихий Дон» экранизировался четыре раза – в 1930, 1958, 2006 и 2015 годах.

ФИЛЬМЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

«Тихий Дон» (1957–1958)

Остается загадкой, как «Тихий Дон», поистине эпическое произведение, показавшее правдивую историю классово-борьбы на Дону сквозь призму метаний главного героя Григория Мелехова, советская власть включила в круг хрестоматийной литературы, простив Шолохову мировой успех и признание Нобелевской премии.

Лучшей экранизацией романа-эпопеи на сегодняшний день по праву считается фильм режиссера Сергея Герасимова.

Шолохов лично утверждал все пробы, выбрав Петра Глебова и Элину Быстрицкую на роли Мелехова и Аксиньи. Интересно, что поначалу Глебова пригласили на эпизодическую роль – как человека, умеющего хорошо держаться в седле. Из пестрой массовки его выхватил цепкий глаз режиссера.

Путь Быстрицкой к своей самой звездной роли был труден: ей пришлось по ходу осваивать новый для себя мир казачества, учиться плавной походке, умению носить ведра на коромысле и пр. И она, принадлежащая к другому кругу и другой национальности, настолько достоверно сыграла Аксинью, что донские казаки единодушно приняли ее за свою, присвоили звание почетной казачки и прозвали Аксиньей Донской. Именно это, а не многочисленные награды, последовавшие после выхода фильма, актриса считала главным признанием.

Пожалуй, это один из первых случаев, когда трехсерийная картина не только стала лидером отечественного проката, собрав 46,9 миллиона зрителей, была названа лучшим фильмом 1957–1958 годов читателями журнала «Советский экран» и критикой, но и получила диплом Гильдии режиссеров США «Лучшему иностранному фильму 1958 года». А также завоевала награды на Международном кинофестивале в Брюсселе, Карловых Варах, Мехико и Всесоюзном кинофестивале в Москве.

«Бег» (1970)

Советский двухсерийный фильм Александра Алова и Владимира Наумова «Бег» снят по нескольким произведениям Михаила Булгакова: «Бег», «Белая гвардия» и либретто оперы «Черное море». Это первая советская экранизация произведений Булгакова. Фильм рассказывает о судьбах его героев в период революции и Гражданской войны.

«Бег», несомненно, относится к лучшим работам режиссерского тандема Алова и Наумова. Эпическая мощь, подлинный драматизм Гражданской войны сочетаются в нем с горькой иронией и даже печальной лирикой...

В 1971 году фильм был представлен на Каннском фестивале.

В ролях: Людмила Савельева, Александр Баталов, Владислав Дворжецкий, Михаил Ульянов, Ев-

гений Евстигнеев, Михаил Глузский и др.

«Дни Турбиных» (1976)

3 апреля 1925 года Михаилу Булгакову во МХАТе предложили написать пьесу на основе его романа «Белая гвардия». Пьеса, получившая название «Дни Турбиных», пользовалась огромным успехом у советского зрителя.

В 1976 году по заказу Гостелерадио СССР был снят одноименный трехсерийный художественный фильм.

Как и в пьесе, в основе сюжета – переломный момент истории России: революция и Гражданская война, раз и навсегда изменившие жизнь русской интеллигенции.

Режиссер – Владимир Басов, исполнивший также роль штабс-капитана Виктора Мышлаевского.

В фильме снимались такие знаменитые артисты советского кино, как Андрей Мягков, Владимир Самойлов, Олег Басилашвили, Валентина Титова, Василий Лановой, Андрей Ростоцкий, Глеб Стриженов и др.

«Русские без России» (2003)

Российский шестисерийный документальный фильм, снятый режиссером Никитой Михалковым, вышел на экраны в 2003 году.

В первой части сериала рассказано о судьбах военных, вынужденных покинуть Родину после

окончания братоубийственной Гражданской войны. Во второй части рассказывается о том, как сложилась судьба русских изгнанников за границей, что помогло им выжить и чего они смогли достичь.

В создании цикла принимал активное участие российский историк и публицист, кандидат исторических наук Владимир Марковчин.

«Белые русские» (2018)

В документальном фильме «Белые русские» подробно описывается жизнь изгнанников – русских аристократов, буржуазии, художников и солдат, нашедших прибежище во Франции. Все это отражено в фильме множеством архивных кадров, комментариями потомков переселенцев, известных историков и рассказами очевидцев.

В воспоминаниях Маши Мериль, урожденной княгини Марии-Магдалены Гагариной, Марины Влади, урожденной Марии Поляковой, и многих других звучат наполненные трагизма и искренности истории «белых русских».

Авторы фильма представляют целый пантеон ярчайших выходцев из России, оставивший непреходящее наследие для французской и русской культуры.

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВЫСТАВКА «РУССКИЙ ИСХОД, ТРАГЕДИЯ И ВЕЛИЧИЕ. 1920–1922 ГГ.»

Российский центр науки и культуры (РЦНК) в Париже представил в июле премьерному показу за рубежом специальную тематическую фотодокументальную выставку «Русский исход, трагедия и величие. 1920–1922 гг.».

Экспозиция создана Домом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ) к особой памятной дате в истории России – 100-летию исхода на чужбину нескольких миллионов соотечественников.

Белое воинство, потерпевшее военное поражение, оставляло родные берега после тяжелой неравной борьбы. Спасаясь от пре-

следований, к ней примкнула и часть гражданского населения; в результате распада Российской империи огромное количество ее граждан в одночасье оказалось на территории чужих государств; многие были высланы за границу как «враги советской власти».

Все они стали изгнанниками, отвергнутыми родиной, лишенными российского гражданства новой властью. Ответом «побежденных» стало создание во всемирном русском рассеянии Зарубежной России.

Фотодокументальная выставка проливает свет на глубочайшую катастрофу, которая постигла Россию столетие тому назад, и посвящается памяти изгнанников.

Экспозиция адресована современникам, не равнодушным к судьбам своей страны, и призвана еще раз привлечь внимание к беспрецедентному феномену отечественной и всемирной истории – Русскому исходу.

Открытие зарубежной премьеры выставки «Русский исход, трагедия и величие. 1920–1922 гг.» в

Париже предшествовало специальное предисловие для зрителей от имени В. А. Москвина, руководителя проекта, директора ДРЗ.

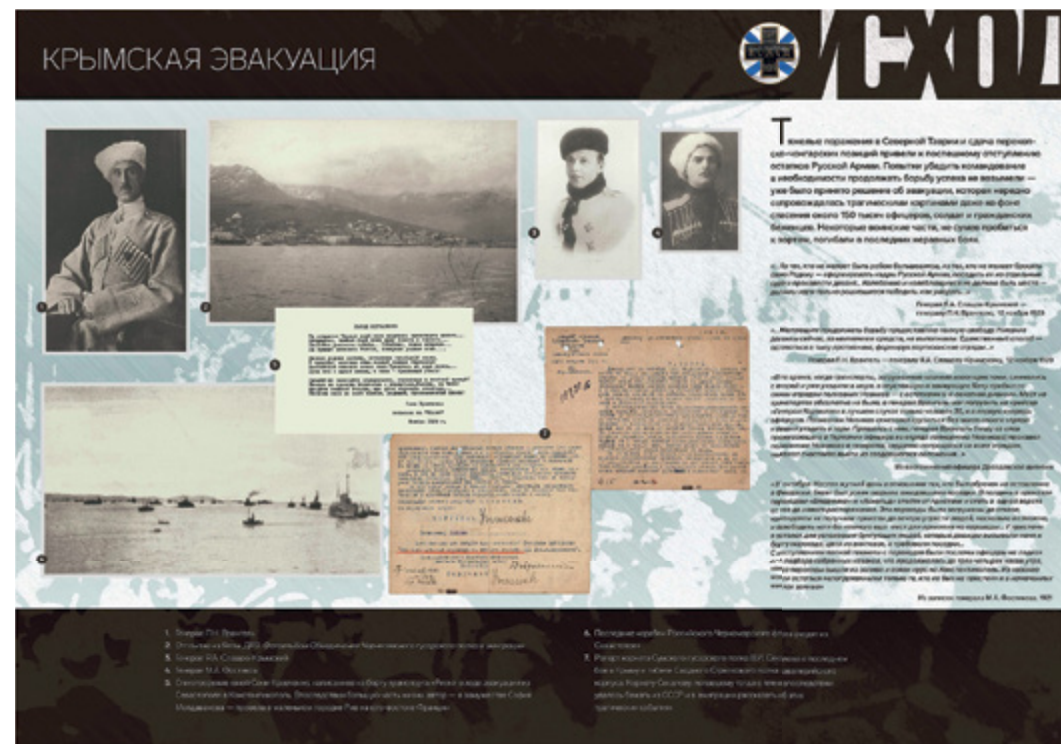
В материалы экспозиции вошли уникальные документы, фотографии, издания, посвященные двум знаковым пунктам Исхода – Крыму и Приморью. Подробно освещены периоды эвакуации русских войск и беженцев в Галлиполи, на Лемнос, в Бизерту и Шанхай, ставшие символами стойкости, силы духа и готовности к продолжению борьбы за Россию.

Фотокарточки, приказы, письма, отчеты, списки личного состава, вахтенные журналы кораблей, морские карты начала XX века, дневники генералов-участников Крымской эвакуации, портрет с автографом последнего командующего Сибирской флотилией контр-адмирала Г.К. Старка, богатый выбор редких архивных документов – все это создает отчетливую картину драматических событий и судеб участников Исхода и дает серьезный повод задуматься о важности единства в Отечестве и среди соотечественников.

Материалы для экспозиции собраны в фонды Дома русского зарубежья из разных стран. География документов поистине широка: Австралия, Бельгия, США, Франция, Швейцария и др.

Редкие оцифрованные материалы предоставлены из собрания А.В. Плотто (Франция), потомка русских морских офицеров, в детстве покинувшего Севастополь на кораблях Русской эскадры.

Авторский коллектив выставки:

эксперты ДРЗ И.В. Домнин, И.Ю. Домнина, А.С. Кручинин, Н.А. Кузнецов, А.А. Петров, А.В. Марыняк, Н.Д. Егоров и И.Н. Балабанова.

Французскую версию и перевод экспозиции полностью взял на себя РЦНК в Париже.

С 21 июля выставка на двух языках была представлена на внешних стендах, веб-сайте и страницах РЦНК в Париже в социальных сетях и продлилась до 20 августа.

Далее она проследовала во многие другие страны, в том числе франкоязычные, по пути следования Исхода и нынешнего проживания потомков российских соотечественников.

В Москве был создан Координационный совет по подготовке и проведению памятных мероприятий, связанных со 100-летием

Крымской эвакуации «Русского исхода». Его председатель – руководитель Россотрудничества Элеонора Митрофанова.

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА В СЕВАСТОПОЛЕ

18 сентября 2020 года в Севастополе, на строящемся к 100-летию окончания Гражданской войны храме Иконы Божьей Матери «Умягчение злых сердец», состоялась установка купола и освящение креста.

На строительство храма вносятся пожертвования от потомков,

ушедших во время крымской эвакуации 1920 года из Севастополя и других городов Крыма.

Посильное участие принимают представители европейских военно-мемориальных обществ памяти, исторических и культурных сообществ, православные орга-

низации. Координаторами сбора средств выступают Общество памяти Императорской гвардии (руководитель – князь Александр Александрович Трубецкой), Конгресс русских американцев (руководитель – Наталия Георгиевна Сабельник), активно участвуют Морское собрание во Франции (руководитель – капитан 1-го ранга П.Г. Брен де Сен-Иппоит), Русский Красный Крест (председатель – граф С.А. Капнист), частные лица. Организации созданы в первое десятилетие после событий «Русского исхода» и внесли значительный вклад в сохранение культурного и исторического наследия, мемориальную и просветительскую работу.

Партнерами историко-мемориального проекта выступают Российское историческое общество, представительства Россотрудничества (МИД России) в Европе, Балканских странах, Южной Америке, Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, общественные и иные организации.

6 октября по инициативе Российского центра науки и культуры в Париже состоялась церемония благословения и освящения храмовой земли с крупнейшего в мире русского некрополя в парижском предместье Сент-Женевьев-де-Буа. Горсть земли была передана в храм Иконы Божьей Матери «Умягчение злых сердец», который находится на финальной стадии строительства.

Ритуал изъятия земли у церкви Успенья Божьей Матери состоялся 2 октября с участием директора РЦНК в Париже К.М. Волкова и Генерального секретаря Комитета по уходу за захоронениями на русском секторе муниципального кладбища Сент-Женевьев-де-Буа Н.М. Лопухина.

Чин освящения земли был совершен иереем Георгием Шешко в Свято-Троицком кафедральном соборе на парижской набережной Бранли.

Оказавшийся в 20-е годы крупнейшим центром первой волны русской эмиграции, «столицей» Русского зарубежья, Париж принял культурно-историческую православную эстафету. В рамках мероприятий по случаю 100-летия «Русского исхода» в новый храм будут переданы кисты с землей из стран, принявших эвакуированных из Крыма. С этой инициативой выступил сопредседатель сева­стопольского регионального отделения Российского исторического общества к.и.н. В. Н. Прокопенков.

Доставка французской земли в русский Крым организована при содействии Посольства России во Франции и Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына.

Первые богослужения в храме в честь иконы Божьей Матери «Умягчение злых сердец» состоятся 14 ноября. Дата выбрана неслучайно: именно в этот день ровно 100 лет назад Крым покинула Армия Врангеля и десятки тысяч гражданского населения. Организаторы торжественных мероприятий в Севастополе ждут гостей не только из российских регионов, но и из зарубежных стран.

Вместе с научным центром и музеем, который в скором времени появится на крымской земле, храм станет неотъемлемым элементом триединства веры, науки и культуры, символом прочной связи и преемственности поколений.

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

День народного единства – последний в календарном году государственный праздник в России, который с 2005 года отмечается 4 ноября. Официально он посвящен событиям 400-летней давности – изгнанию поляков из Москвы

и завершению Смутного времени. Фактически же праздник появился в качестве замены советскому 7 но-

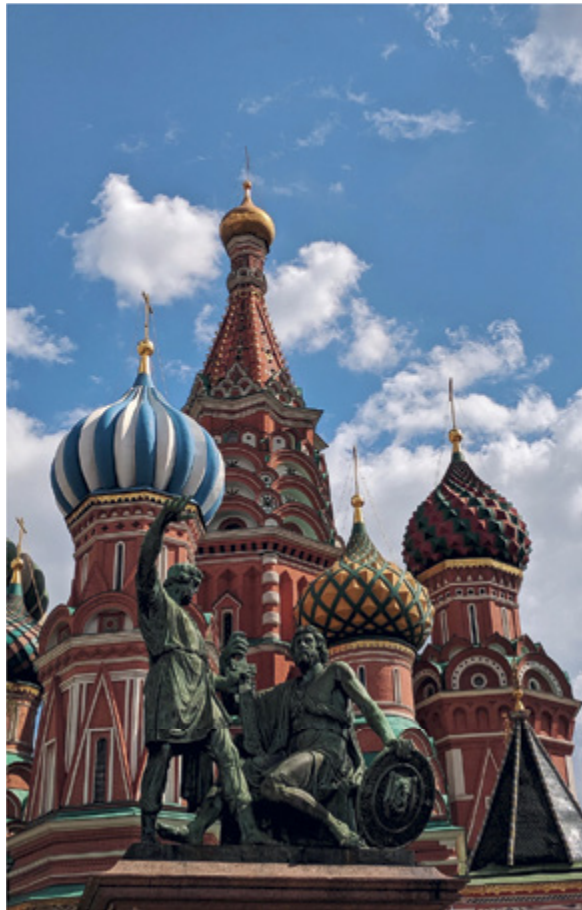

Фото: eluoes

ября, который нельзя было просто отменить и забыть.

22 октября (1 ноября) 1612 года народное ополчение, которое возглавляли Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, успешно штурмовали московский Китай-город. Именно там находились польские интервенты, которые пытались воспользоваться Смутным временем, воцарившимся после смерти Ивана Грозного.

Гарнизон Речи Посполитой отступил из Китай-города в Кремль. Однако уже спустя два дня он капитулировал – ополчение победило.

После избавления Москвы от иностранных интервентов пришло время налаживать жизнь в стране, которую обескровили и годы правления Ивана Грозного, и годы Сму-

ты. Вскоре была избрана династия, которой было суждено править Россией в течение следующих трех столетий. Именно при Романовых Россия стала империей и достигла пика своего исторического могущества.

Империя Романовых пала в 1917 году – в феврале последний император России Николай Второй отрекся от престола за себя и своего сына. В октябре того же года (по старому стилю) партия большевиков захватила власть и помешала организовать Учредительное собрание, которое должно было выбрать новую форму власти в стране, подобно тому, как это происходило в начале XVII века после победы ополчения Минина и Пожарского.

Годовщина событий октября 1917 года праздновалась в Советском Союзе 7 ноября (после реформы календаря), став датой возникновения нового строя и главным праздником всего года в стране. Праздник сохранялся в течение нескольких лет после распада СССР – в том числе благодаря тому, что для многих россиян, не принявших распад страны, он имел символическое значение.

К 2005 году современная российская власть решила, что 7 ноября нужно упразднить, но найти при этом ему некую замену – какую-то близкую по календарю важную историческую дату.

Так дата, ставшая ключевой для появления в России династии Романовых, заменила дату полного разрушения тех порядков, которые при этой династии установились.